

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»

Правовое государство: теория и практика.

Научно-практический
журнал.
Издается с 2005 года.
Выходит 4 раза в год. (12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:

450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.

Редактор англоязычных текстов: Юсупова З.А.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);

АЗЗУЗ
Кердун

доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

ГАБОВ
Андрей Владимирович

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

ДИКАРЕВ
Илья Степанович

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

ДОВГАНЬ
Елена Федоровна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

МАКАРОВА
Тамара Ивановна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

СЕМИТКО
Алексей Павлович

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Казахстан);

ШАБУРОВ
Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург);

ЮДИН
Андрей Владимирович

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

Редакционная коллегия

АГАПОВ
Павел Валерьевич

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ДЬЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

КАСИМОВ
Тимур Салаватович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахитович

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТАРАСОВ
Александр Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ФРОЛОВА
Елизавета Александровна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЭКСАРХОПУЛО
Алексей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The journal is published 4 times a year. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

319 off., 131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media Registration number: PI No ФС77-73609 dated August 31, 2018.

Translation Reviewer:

Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.
The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff.
Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor (RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor (Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Andrey V. GABOV

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor (Togliatti State University, Togliatti);

Ilna A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor (Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor (University of Prosecutor's Office, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elena M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elizaveta A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow);

Aslyam N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexey A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor (Ufa University of Science and Technology, Ufa)

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

RU

- 5 **Латыпова Н.С.**
Конгресс США и правовое регулирование экономики в контексте миросистемного анализа
- 14 **Романовская В.Б., Федюшкина А.И.**
Эволюция правового регулирования защиты животных во Франции в XIX веке

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

- 21 **Гиззатуллин Р.Х., Владимиров И.А., Иксанов Р.А.**
Проблемы цифровизации лесопользования
- 32 **Горбачева С.В.**
Виды обращений граждан и реалии цифрового общества
- 45 **Рустамбеков И.Р., Гулямов С.С., Аминев Ф.Г.**
Конституционная модель узбекского государства: от суверенитета к цифровой трансформации в эпоху «Нового Узбекистана»
- 59 **Полякова Т.А., Камалова Г.Г.**
Правовое обеспечение технологической политики развития экономики данных и трансформации государственного управления: вызовы и перспективы

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

- 66 **Колесниченко О.В.**
Договор о личном наставничестве в цифровой форме как инструмент регулирования образовательной деятельности интернет-блогеров
- 78 **Михайлова Е.В.**
Защита неимущественных прав государства: постановка проблемы
- 85 **Поваров Ю.С.**
Концепт свободного принятия пожертвования (критический анализ нормы пункта 2 статьи 582 Гражданского кодекса Российской Федерации)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 93 **Головачук О.С., Раменская В.С.**
Перспективы внедрения медиации в российский уголовный процесс на основе комплексного анализа уголовно-процессуального законодательства России и стран СНГ

**THEORETICAL AND HISTORICAL
LEGAL SCIENCES**

EN

- 5 **Latypova N.S.**
The United States Congress and the Legal Regulation of the Economy in the Context of World-Systems Analysis
- 14 **Romanovskaya V.B., Fedyushkina A.I.**
The Evolution of Legal Regulation of Animal Protection in the 19th-Century France

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 21 **Gizzatullin R.Kh., Vladimirov I.A., Iksanov R.A.**
Challenges of Forest Management Digitalization
- 32 **Gorbacheva S.V.**
Types of Citizen Appeals and the Realities of a Digital Society
- 45 **Rustambekov I.R., Gulyamov S.S., Aminev F.G.**
The Constitutional Model of the Uzbek State: From Sovereignty to Digital Transformation in the "New Uzbekistan" Era
- 59 **Polyakova T.A., Kamalova G.G.**
Legal Support for the Technological Policy of Data Economy Development and Public Administration Transformation: Challenges and Prospects

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- 66 **Kolesnichenko O.V.**
Digital Personal Mentoring Agreement as a Tool for Regulating Internet Bloggers' Educational Activities
- 78 **Mikhailova E.V.**
Protection of Non-Property Rights of the State: Problem Statement
- 85 **Povarov Yu.S.**
The Concept of Free Acceptance of Donations (A Critical Analysis of the Rule of Paragraph 2 of Article 582 of the Civil Code of the Russian Federation)

CRIMINAL LAW SCIENCES

- 93 **Golovachuk O.S., Ramenskaya V.S.**
Prospects for the Implementation of Mediation in the Russian Criminal Procedure based on a Comprehensive Analysis of the Criminal Procedure Legislation of Russia and Some CIS Countries

- 102 **Валькирия Н.И.**
Процесс установления лица, совершившего преступление: дискуссионные вопросы научной разработки в криминалистике
- 108 **Иванов В.В., Кузовенкова Ю.А.**
Формы судебной коммуникации, влияющие на принятие решения присяжными заседателями
- 118 **Малянова К.П.**
Элементы криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых с использованием IT-технологий
- 123 **Норвартян Ю.С.**
Квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного статьей 237 Уголовного кодекса Российской Федерации, связанные с последствиями деяния
- 130 **Халиков А.Н.**
Оперативно-розыскной иммунитет в отношении лиц с особым правовым статусом

Трибуна молодого ученого

- 136 **Дистанова Ф.Э.**
Исполнимость как свойство судебного решения в уголовном процессе
- 142 **Нурмухаметов Р.Н.**
Между примирением и формализмом: кризисные явления в производстве по уголовным делам частного обвинения в России
- 152 **Полещук М.С.**
Криминалистическое изучение личности несовершеннолетнего опознающего

- 102 **Valkiriya N.I.**
The Process of Identifying the Perpetrator of a Crime: Debates on Scientific Development in Criminalistics
- 108 **Ivanov V.V., Kuzovenkova Yu.A.**
Judicial Communication Forms Influencing Jury Decision-Making
- 118 **Malianova K.P.**
Elements of the Criminalistic Characteristics of Economic Crimes Committed Using Information Technologies
- 123 **Norvartyan Yu.S.**
Qualifying Elements of the Crime Under Article 237 of the Criminal Code of the Russian Federation, Related to the Consequences of the Act
- 130 **Khalikov A.N.**
Operational Search Immunity in Respect of Persons with Special Legal Status

Tribune for Young Scientists

- 136 **Distanova F.E.**
Enforceability as a Characteristic of a Court Decision in Criminal Proceedings
- 142 **Nurmukhametov R.N.**
Between Reconciliation and Formalism: Crisis Phenomena in Private Prosecution Criminal Proceedings in Russia
- 152 **Poleshchuk M.S.**
Criminalistic Study of the Personality of a Minor Eyewitness

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340.5
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.1

Original article

ЛАТЫПОВА Наталия Сергеевна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
marchrose@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4583-3765>

LATYPOVA Natalia Sergeevna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

**КОНГРЕСС США И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ МИРОСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА**

THE UNITED STATES CONGRESS AND THE LEGAL REGULATION OF THE ECONOMY IN
THE CONTEXT OF WORLD-SYSTEMS ANALYSIS

Аннотация. Миросистемный анализ, развиваемый социологами и политологами в последние десятилетия, пока не получил широкого распространения в юридических науках. Он может использоваться при исследовании истории развития государства и права, поскольку позволяет определить влияние права на формирование капиталистической мир-экономики. Яркий пример такого влияния демонстрирует история США. Конгресс этой страны сыграл ключевую роль в регулировании экономической деятельности – главного фактора продвижения государства на мировой оси «ядро – периферия». Цель: определение роли Конгресса США в регулировании экономической деятельности в XVIII–XX вв., что позволило этой стране занять лидирующее положение в капиталистической мир-системе. Методы: сравнительно-правовой метод позволил оценить изменения правовой политики Конгресса в отношении регулирования экономики в периоды периферии, полупериферии и ядра; метод интерпретации способствовал выявлению закономерностей трансформации правового регулирования экономики вслед за передвижением США на оси «ядро – периферия»; юридико-догматический и метод толкования правовых норм использовались при анализе законодательства Конгресса в исторической ретроспективе. Результаты: установлено соответствие хронологических периодов продвижения США от периферии к полупериферии и ядру капиталистической мир-системы по мере изменения характера правового регулирования Конгрессом экономики – от режима невмеша-

Abstract. The world-systems analysis developed by sociologists and political scientists in recent decades has not yet become widespread in the legal sciences. It can be used in the study of the history of the development of the state and law, as it allows to determine the influence of law on the formation of a capitalist world-economy. The history of the U.S. is a vivid example of such influence. The Congress of this country has played a key role in regulating economic activities – the main factor of the state movement along the world axis “core – periphery”. Purpose: To define the role of the U.S. Congress in regulating economic activities in the 18th–20th centuries, which allowed this country to take a leading position in the capitalist world-system. Methods: The comparative legal method allows to assess changes in the legal policy of Congress regarding economic regulation during the periphery, semi-periphery, and core periods; the interpretive method contributes to the identification of patterns in the transformation of legal regulation of the economy following the U.S. movement along the axis “core – periphery”; the legal-dogmatic method and the method of interpreting legal norms are used in the analysis of legislation of Congress in historical retrospective. Results: the study establishes a correspondence of the chronological periods of the U.S. movement from the periphery to the semi-periphery and the core of the capitalist world-system with the change in the nature of legal regulation of the economy by Congress from a laissez-faire regime (market

тельности (рыночный капитализм) к сращиванию интересов членов парламента и интересов монополий (государственно-монополистический капитализм), расширению правового регулирования на трансконтинентальные корпорации и внешнеполитической экспансии.

Ключевые слова: Конгресс США, право и экономика, миросистема, правовая система США, финансовое право

Для цитирования: Латыпова Н.С. Конгресс США и правовое регулирование экономики в контексте миросистемного анализа / Н.С. Латыпова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 5–13.

capitalism) to the fusion of the interests of members of parliament and the interests of monopolies (state-monopoly capitalism), the expansion of legal regulation to transcontinental corporations and foreign policy expansion.

Keywords: U.S. Congress, law and economy, world-system, U.S. legal system, financial law

For citation: Latypova N.S. The United States Congress and the Legal Regulation of the Economy in the Context of World-Systems Analysis. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 5–13. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.1.

ВВЕДЕНИЕ

Конгресс США, как орган государственной власти, во все времена выражавший волю независимых штатов Северной Америки, со временем стал представлять в основном интересы экономического ядра капиталистического американского общества. Как писал К. Деглер, «капитализм пришел в Северную Америку на первых кораблях» [1, с. 8], и законодательный орган, созданный прибывшими на этих кораблях переселенцами, призван осуществлять защиту капиталистических ценностей – неприкосновенность частной собственности, свободный рынок и индивидуальные права.

Переходя в конце XIX в. от рыночного капитализма к монополистическому, а затем, по мере слияния интересов монополий с политикой Конгресса и правительства, к государственно-монополистическому, экономическая система США и ее законодательное регулирование играли главную роль в движении от периферии мир-экономики к ее ядру. Проводником в реализации экономической и внешней политики США на этом пути стал Конгресс.

Как подчеркивал М. Эдлинг, «независимо от того, насколько трудной была борьба за независимость или какими кризисными были послевоенные годы, убежденность в том, что Соединенные Штаты обречены на величие, была широко распространена среди поколения основателей» [2, с. 2]. Два главных фактора способствовали продвижению молодого капиталистического государства на мировой

оси разделения труда – развитие экономики и географическая экспансия, гарантировавшая повышение статуса государства на политической карте мира. Оба фактора, несомненно, взаимосвязаны, ибо политическое возвышение способствовало развитию внешней торговли и выходу на рынки других государств с минимальными издержками, а экономический рост обеспечивал повышение роли североамериканского государства в капиталистической миросистеме как одного из главных поставщиков сначала сырья, а затем и передовых товаров, средств производства.

КОНГРЕСС США И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ МОЛОДОГО ГОСУДАРСТВА (1787–1860)

В структуре государственного механизма именно Конгресс стал выразителем государственных интересов, отразившихся в законодательстве США, а принятые правовые нормы – инструментом поддержки развития экономики и внешнеполитической экспансии. Как отмечает М.Р. Уилсон, долгое время США были «государством "судов и партий": только эти два института служили для координации радикально децентрализованной политической и экономической системы» [3, с. 3]. При этом институциональные рамки Статей Конфедерации ограничивали возможности парламента в решении поставленных задач, и в 1787 г. на Филадельфийском конвенте была принята Конституция США, предусматривав-

шая создание законодательного органа совершенно иного типа – федеральной структуры с широкими полномочиями по установлению налогов и пошлин, финансовых займов, регулированию торговли с индейскими племенами, другими государствами и между штатами, выпуску денежных знаков, формированию армии и флота, объявлению войны¹.

После принятия Конституции начался длительный период исторического развития американского парламента, который в рамках проводимого исследования можно разделить на три этапа, соответствующих последовательности эволюции капиталистической системы США: регулирование свободного рынка – с момента принятия Конституции до Гражданской войны; установление монополистического капитализма – с последней трети XIX до начала XX в. [4]; расцвет государственно-монополистического капитализма – после Первой мировой войны [5; 6] и до настоящего времени.

Период с 1789 по 1861 г. можно условно называть этапом регулирования свободного рынка. Как отмечал Л. Фридман, «по общему мнению, XIX век был расцветом невмешательства... Правительство, по привычке и замыслу его создания, держало руки подальше от экономики» [7, с. 177]. При этом очевидно, что на протяжении всего времени от образования независимого государства государственная власть, опирающаяся на общественное мнение, стремилась поддержать предпринимателей, производство и экономический рост. Законодательная власть, вопреки господствовавшей концепции свободного рынка, тоже предпринимала активные меры по поддержке экономики и частного предпринимательства, субсидируя транспортные проекты, вводя пошлины на ввоз иностранных товаров, устанавливая защиту интеллектуальной собственности.

В данном ключе не стоит забывать, что члены Конгресса, помимо реализации своих законодательных полномочий, «участвовали в национальной политике, занимались сельским хозяйством и преследовали коммерческие интересы, спекулировали землей, владели рабами» [8, с. 46], что не могло не оставить в стороне обсуждение парламентом финансовых проблем.

¹ Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / под ред. О.А. Жидкова. М. : Прогресс, 1993. С. 32–33.

Особое внимание к вопросам регулирования экономики было вызвано и объективными факторами. Так, территория США увеличилась с 864 тыс. кв. миль в 1800 г. до 3 млн кв. миль в 1850 г., а поддерживаемая Конгрессом иммиграционная политика способствовала резкому росту населения – с 4 млн до 40 млн человек за тот же период [3, с. 3]. Оба фактора вкуче с политикой свободного рынка привели к увеличению национального валового продукта в 8 раз. В результате к 1810 г. в Конгрессе появилось несколько специализированных комитетов, в том числе по вопросам экономики. В условиях бурного развития рыночного капитализма и расширения его институтов на новые территории ключевыми вопросами, решавшимися Конгрессом вплоть до Гражданской войны, стали тарифное регулирование, национальная банковская система и развитие внутренней транспортной инфраструктуры. Таким образом, названный «золотым веком невмешательства» [7, с. 178] период характеризовался ограниченным, но все же имевшим место регулированием экономических институтов со стороны Конгресса.

Филадельфийский конвент ставил перед делегатами задачу изменения системы государственного устройства, прежде всего в части регулирования финансовой сферы и обеспечения обороноспособности молодого государства. О первостепенности решения экономических, военных и внешнеполитических вопросов в ходе первой сессии Конгресса свидетельствует учреждение в 1789 г. первых государственных органов – Министерства иностранных дел, Военного министерства и Министерства финансов.

В первый день работы Конгресса Дж. Мэдисон поставил в качестве одного из главных вопросов для обсуждения проблему «недостатков федерального казначейства и необходимости немедленного принятия некоторых мер в отношении государственных доходов» [2, с. 50], которая выходила на первый план в дебатах Конгресса на протяжении шести недель (обсуждение Билля о правах заняло не более десяти дней). При этом с первых дней работы Конгресса проблема определения границ федерального регулирования экономики приводила к дебатам в палате представителей. Во многом решение ее зависело от доминирующей в Конгрессе политической партии. В результате выборов в 1798 г. федералисты полу-

чили контроль над Конгрессом, однако борьба между федералистской партией А. Гамильтона и антифедералистской партией Т. Джефферсона продолжалась, в том числе по вопросу о вмешательстве Конгресса в экономику.

Наиболее острым вопросом регулирования финансовой системы и исключением в общей политике «невмешательства» в экономику стало создание национального банка, учреждавшегося дважды (в 1791 и 1817 г.) и окончательно ликвидированного усилиями президента Э. Джексона в 1836 г. Учрежденный Конгрессом в 1791 г. по предложению министра финансов А. Гамильтона Первый банк США стал частной организацией с 20 % долей участия государства. По замыслу А. Гамильтона, он должен был централизовать финансовую систему США, иметь исключительное право регулирования обмена валют и предоставлять ссуды казначейству. Отсутствие указания в Конституции на право Конгресса учреждать корпорации стало предметом дебатов.

Противник создания банка, государственный секретарь Т. Джефферсон, отмечал, что согласно Конституции все полномочия, прямо не закрепленные за Конгрессом, принадлежат народу и штатам. Создавая прецедент выхода за их пределы, «полномочия Конгресса будут означать стремление к завладению безграничной властью, более не поддающейся никакому определению» [9, с. 105]. А. Гамильтон, выступавший за централизованную финансовую систему, в этом вопросе опирался на существование подразумеваемых полномочий Конгресса, которые могут использоваться как инструмент для реализации основных полномочий: «Из этого следует, что право на создание корпорации может подразумеваться с таким же успехом, как и любая другая вещь» [9, с. 105]. Дебаты о создании национального банка, завершившиеся победой теории подразумеваемых полномочий, стали первым шагом к наделению Конгресса широкими правами в вопросах регулирования экономики, достигшими апогея в период «Нового курса».

Первый банк США был в конечном итоге учрежден Конгрессом и просуществовал до 1811 г. Спустя шесть лет был учрежден Второй банк США, который должен был решить финансовые вопросы послевоенного периода. Он стал «крупнейшей коммерческой корпорацией в стране и обладал значительной косвенной властью над денежной массой» [3, с. 3]. Однако под

влиянием идеологии децентрализации экономической системы в 1833 г. Конгресс отказался продлевать действие лицензии национального банка, а эмиссия денежных знаков осталась прерогативой разрозненных банков США.

Особое внимание к налоговым и финансовым вопросам в первые годы деятельности Конгресса было обусловлено необходимостью финансирования новых государственных структур, включая правительство, Верховный суд и сам Конгресс, потребностью защитить молодую экономику нового государства и ее предпринимательский сектор. Как свидетельствовал конгрессмен от штата Массачусетс Э. Фишер, «было признано, что вопросы, касающиеся доходов, являются наиболее деликатными и важными. Доходы были душой правительства, и, если бы в наше правительство не вдохнули такую душу, оно превратилось бы в мертвое тело, пригодное только для погребения» [2, с. 50].

Помимо организации банковской системы, экономическое развитие и стремление к беспрецедентному накоплению капитала со стороны формирующейся промышленной элиты требовали сегментарного вмешательства Конгресса в регулирование экономики. Принятые в первую сессию Конгресса законы об установлении ввозных пошлин на иностранные товары, об установлении пошлин на тоннаж, о взимании пошлин с морских судов, а также закон, поддерживающий отношения (прежде всего, торговые) с индейскими племенами², гарантировали защиту и поддержку конкретных отраслей промышленности, важнейшей из которых была транспортная – двигатель торговли и освоения западных территорий (развитие внутренней инфраструктуры, благоустройство и строительство дорог, сети каналов). В 1817 г. вице-президент Дж. Кэлхун обратился к Конгрессу с призывом: «Давайте объединим республику совершенной системой дорог и каналов. Давайте завоюем космос»³. Транспортная система стала наиболее монополизированной и доходной

2 Acts of the first Congress of the United States. Vol. 1. Boston: Charles C. Little and James Brown, 1845, pp. 23–96. 344 [Электронный ресурс]. URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/l1/l1sl//l1sl-c1/l1sl-c1.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).

3 «Argument for Internal Improvements» (1817), by John Caldwell Calhoun // Annals of Congress, 14th Congress, 2nd session. 1854, pp. 851–857 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/toldcontemporari03hartrich/page/436/mode/2up> (дата обращения: 15.08.2025).

областью экономики, требовавшей поддержки государства, распространявшейся на монополии (такие как Нью-Йоркская пароходная компания) и экономически успешные логистические проекты (канал Эри).

В результате, помимо вопроса об уровне вмешательства в экономику, на повестку дня вышла проблема соблюдения социального баланса в законодательстве. Противники монополий выступали против подобной избирательной направленности работы Конгресса. Президент Э. Джексон отмечал, что законодательная власть должна «одинаково щедро одаривать своими милостями высших и низших, богатых и бедных» [9, с. 115], не представляя преимуществ отдельным категориям.

Сторонники политики невмешательства в экономику подчеркивали, что ее должны регулировать законы свободного рынка, именно они, а «не законы Конгресса или законодательных собраний штатов приведут к снижению цен и улучшению обслуживания» [9, с. 115]. После 1835 г. прямое законодательное регулирование экономики практически сошло на нет, а основным юридическим инструментом управления рынком стали корпорации, позволявшие инвесторам объединить капитал и передать его в управление профессионалам.

Таким образом, период с 1787 по 1861 г. характеризовался воздействием на Конгресс идеологии невмешательства в экономику, децентрализацией политической власти и бурным ростом населения, расширением территории и предпринимательской активностью. По выражению Л. Фридмана, законодательное регулирование было «слабым и бессодержательным» [7, с. 185] и касалось только тарифных ставок, государственных займов, инфраструктурных транспортных сетей и торговли с индейскими племенами. Показательно, что идеология невмешательства в регулирование капиталистического рынка со стороны Конгресса стала в конечном итоге одной из причин Гражданской войны, означавшей естественное разрешение экономического конфликта между двумя частями страны.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНГРЕССА США ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ЯДРУ МИР-ЭКОНОМИКИ

Второй этап развития американского парламента – с начала Гражданской войны до начала XX в. – характеризовался переходом от

свободного рынка к регулируемой государством монополистической экономике. Гражданская война 1861–1865 гг. разделила экономическую историю США на «до» и «после» и ознаменовала переход от периферии к полупериферии капиталистической мир-экономики.

В условиях военных действий Конгресс совершил естественный переход к регулируемой экономике, компенсируя возникший дефицит бюджета. Как отмечает А.Ю. Саломатин, «война стала тем детерминантом, который заставил правительство принять экстренные меры, необходимые для налаживания военного финансирования, в том числе путем активного вмешательства государства в экономику» [10, с. 230]. В годы войны Конгрессом были законодательно введены крупные земельные гранты для строительства Тихоокеанской железной дороги, первый в истории США подоходный налог. Законом о законном платежном средстве 1862 г. доллар установлен в качестве единой национальной валюты, заменившей выпускаемые в разных штатах «гребенки», Законом Моррилла 1861 г. введены новые тарифы, Национальным банковским актом 1863 г. создана национальная банковская система.

Следует согласиться с выводом С.В. Гиевской, что «наряду с доминированием принципов классического либерализма в экономической жизни США, в период Гражданской войны отчетливо прослеживается трансформация экономической функции государства в направлении усиления государственного вмешательства в экономику» [11, с. 16]. Конгресс сыграл в этом процессе решающую роль.

После Гражданской войны, завершившейся победой капиталистического Севера над аграрным Югом, окончательным объединением штатов под флагом федералистов и идеей сильной центральной власти, произошли значительные изменения и в экономике. Первой тенденцией стала ее монополизация. Создание Тихоокеанской железной дороги Законом от 1 июля 1862 г.⁴ еще в годы войны позволило связать территории США, способствовало быстрому перемещению товаров внутри страны, снижению издержек на доставку, экспансии капиталистических отношений глубоко на Запад, освоению отдаленных территорий,

⁴ Pacific Railway Act, Sess. 2, ch. 120, 12 Stat. 489 of July 1, 1862 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cpr.org/Museum/Pacific_Railroad_Acts.html#1863 (дата обращения: 15.08.2025).

включению их в экономические процессы. Как писал В.И. Ленин, «желдороги – наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации... итоги современного, монополистического капитализма во всемирном масштабе» [12, с. 3].

Монополизация была обусловлена и законодательной отменой ограничений и протекционистских мер для работы компаний в отдельных штатах, объединением экономического пространства США. Как подчеркивает К.Б. Овакимян, отсутствие ограничительных мер внутри штатов «привело к возникновению и свободной экспансии крупных компаний национального уровня» [13, с. 126]. В этих условиях началось формирование нового класса промышленников, создающих новые формы объединений – тресты. Монополизация, свойственная государствам полупериферии и ядра современной мир-экономики, начала этап своего становления в США в последней трети XIX в. и достигла пика в XX в. в результате создания международных корпораций.

Несмотря на принятие Конгрессом в 1890 г. Акта Шермана – первого антимонопольного закона США, отсутствие в нем норм, направленных на контроль за концентрацией капитала в экономике, и общая заинтересованность членов Конгресса в развитии корпораций свели его действие к общему запрету на заключение соглашений и объединений, ограничивающих конкуренцию, а полномочия Департамента юстиции США – лишь к возможности судебного обжалования фактов создания трестов. В 1914 г. сенатор от штата Канзас выступил в Конгрессе с заявлением, что «более 9877 ранее независимых компаний объединились в 628 трестов, причем наибольший период консолидации пришелся на период после принятия Закона Шермана» [14, с. 1].

Борьба с монополиями стала особенно популярна в Конгрессе в ходе предвыборной президентской кампании. В 1914 г. президент В. Вильсон в обращении к Конгрессу на совместном заседании по трестам и монополиям призвал к принятию законодательства, более четко определяющего смысл антимонопольной политики, и созданию межгосударственной торговой комиссии. Первый призыв был реализован Конгрессом в принятии Акта Клейтона, второй – в Акте о Федеральной торговой комиссии. В своем послании В. Виль-

сон отмечал бизнесориентированность в принятии антимонопольного законодательства: «Антагонизму между бизнесом и правительством пришел конец... наша цель и дух наших действий в этих вопросах – идти навстречу бизнесу на полпути в его процессах самокоррекции и как можно меньше нарушать его законный ход»⁵.

Конгресс США признал, что экономическая концентрация может иметь и положительный эффект для потребителей, достигаемый, например, путем сокращения издержек за счет масштаба производства или объединения различных нематериальных активов (результатов исследований, ноу-хау и т. д.) в рамках одной компании.

После принятия Акта Клейтона 1914 г. ситуация по регулированию Конгрессом США монополий изменилась – был установлен прямой запрет на приобретение капитала другой компании с целью монополизации рынка.

Второй тенденцией развития экономики со второй половины XIX до начала XX в. стала военно-экономическая экспансия – логичное следствие расширения капитала государства-полупериферии. В условиях появления новых экономических отношений, активной экспансии капитала сначала в государства Латинской Америки, а затем и в Европу Конгресс США стал активным участником его распределения и протектором монополий, несмотря на первоначально принятое антитрестовское законодательство.

Третья черта экономического развития США до Первой мировой войны – ограничение иммиграции в государство – полупериферию мир-экономики. Неквалифицированная рабочая сила, играющая ключевую роль в производстве базовых товаров и сырья, наводнившая США в период периферийного развития, оказалась не востребована в период развития промышленности и перехода к производству передовых товаров, требующему квалификации и высокого уровня образования. Как отмечает Т.С. Касимов, «особые правовые и экономические режимы для приграничных территорий способствуют их превращению в "точки роста", стимулируя инвестиции и эко-

⁵ Address by President Woodrow Wilson Before a Joint Session of Congress on Additional Legislation for the Control of Trusts and Monopolies, Jan. 20, 1914 [Электронный ресурс]. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1914-address-joint-session-congress-trusts-and> (дата обращения: 15.08.2025).

номическую активность» [15, с. 123], однако когда североамериканское приграничье стало самостоятельным регионом межгосударственной системы, изменились и многие закономерности развития, в том числе снизилась массовая иммиграция. В 1870 и 1924 г., столкнувшись со значительно возросшим потоком иммигрантов из Южной и Восточной Европы и Азии, американский иммиграционный режим, отраженный в политике Конгресса, перешел от стратегии, направленной на отсеивание ограниченного числа нежелательных лиц из в основном желательного потока иммигрантов, к стратегии, согласно которой ни один иностранец не может въехать в страну и оставаться на ее территории, если это прямо не разрешено [3, с. 169].

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНГРЕССА США

Период между Первой и Второй мировыми войнами ознаменован «противоборством двух общественных систем, которое определяло изменения в расстановке сил в мире и характер борьбы между ними. Все эти факторы оказывали влияние на Соединенные Штаты Америки, их экономику, политику, идеологию» [6, с. 4]. Изменения в миросистеме оказали значительное влияние как на саму экономику, ставшую главным средством, наравне с военным потенциалом, в перестройке оси «ядро – периферия», так и на законодательную деятельность Конгресса, стоящего в начале XX в. перед идеологическим выбором модели вмешательства государства в экономику.

С одной стороны, принятые в годы Первой мировой войны чрезвычайные законодательные меры должны были быть отменены после окончания военных действий, вернув экономике свойство саморегулирования. С другой – тенденции усиления президентской власти, как и в целом консолидации полномочий федеральной власти, свойственные государствам ядра, а также распространившаяся в период «прогрессивной эры» идеология неоллиберализма, активного вмешательства государства в экономику требовали сохранения широких полномочий за общенациональным парламентом.

Наступивший экономический кризис и начавшаяся вскоре после этого Вторая мировая война окончательно закрепили за Конгрессом функции регулирования экономики и финансовой системы США вопреки антифедералистской позиции штатов. Как было отмечено ранее, именно централизованное правовое регулирование экономики в условиях сращивания государственных институтов, прежде всего Конгресса и крупных монополий, стало наиболее выгодным инструментом представления интересов крупной промышленности и финансовых корпораций в правовом пространстве.

Вторая мировая война стала решающим событием в истории капиталистической мир-экономики, ознаменовавшим перераспределение ролей на мировой оси разделения труда «ядро – периферия» в пользу СССР и США. При этом, как отмечал И. Валлерстайн, «единственным крупным промышленным регионом мира, где оборудование и инфраструктура остались нетронутыми, была Северная Америка. Предприятия США не только никто не бомбил, но они вышли на новые уровни эффективности благодаря мобилизации и планированию военного времени» [16, с. 256].

Таким образом, получив преимущество в экономическом развитии, США заняли место разрушенной и потерявшей колонию Великобритании в межгосударственной системе мир-экономики. Последующие шаги по финансовой поддержке восстановления стран Европы, принятие плана Маршалла, создание Администрации помощи и восстановления Объединенных наций и другие меры были направлены на восстановление потенциальных рынков сбыта, необходимых для расширяющегося капиталистического производства США. Характеризуя послевоенную активность Конгресса в области внешней политики, Р.С. Айриян отмечает, что «практически единогласное одобрение Устава ООН, внесение существенных предложений и поправок в "доктрину Трумэна" и программу экономического восстановления Европы, принятие сенатской резолюции № 239, без которой ратификация Североатлантического договора выглядела бы проблематичной – все это говорит о возросшей роли Конгресса» [6, с. 235].

В этот период основным направлением деятельности Конгресса стала поддержка внешнеэкономической, а затем и военной экс-

пансии. Этап, названный В.И. Лениным империализмом [12, с. 1] – высшей стадией развития капитализма, совмещающим господство в экономике крупных монополий и внешнюю экспансию, принял конкретные очертания после Второй мировой войны и продолжается в настоящее время.

Переходя от одних экономических и внешнеполитических условий к другим, перестраивая правовую реальность от периферийного государства к государству с амбициями ядра мир-экономики, Конгресс США играл одну из ключевых ролей в процессе такой перестройки. Совмещая интересы крупного бизнеса, монополизированного начиная с конца XIX в., и потребности избирателей, законодательный орган за более чем 200 лет стал своего рода двуглавым орлом, ориентированным на экономическое развитие и политическую экспансию. В XX в. социальные конфликты и потребность учета интересов среднего класса, эмансипированных афроамериканцев и женщин вплели в канву законодательной деятельности Конгресса еще одну составляющую ядра мир-экономики – либеральную геокультуру, поскольку «функционирование гражданского общества в полном смысле слова возможно только в демократическом правовом государстве, в котором не только де-юре, но и де-факто гарантируются и осуществляются права и свободы человека и гражданина» [17, с. 13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конечном итоге, как отмечал Дж. Рейда, «нельзя пренебрегать сроками и мотивацией... Объяснение исторических событий следует строить в динамике, а не строить выводы из одних только последствий» [18, с. 303]. Деятельность Конгресса в процессе истори-

ческого развития американского государства перестраивалась в зависимости от внешнеполитических и внутриэкономических факторов, сохраняя ориентацию на формирование благоприятных правовых условий функционирования предприятий и крупного бизнеса, превосходство экономических интересов над правами мигрантов и индейских племен, юридическую защиту североамериканских производителей. В то же время чертами, свойственными деятельности Конгресса при переходе от периферии к ядру мир-экономики, стали перестройка правового регулирования рынка товаров и услуг, экономической деятельности в контексте принципа «невмешательства» в XVIII и XIX в. до централизации банковской и финансовой систем в XX в.; пересмотр правового регулирования миграции трудовых ресурсов от свободной миграции в периферию мир-системы, нуждающуюся в неквалифицированных кадрах для производства сырья и базовых товаров, к ограничению доступа к ресурсам государства-ядра мир-системы и переходу к выборочной миграции высококвалифицированных работников; пристраивание правовой системы протекционизма над американскими товаропроизводителями в логике перехода от свободного рынка к государственно-монополистическому капитализму, сращения интересов крупного капитала и Конгресса; появление логичной необходимости выхода на зарубежные рынки собственных корпораций путем внешнеэкономической и военной экспансии, поддерживаемой разрешительными актами Конгресса США; учет в логике либеральной геокультуры фактора защиты прав трудовых кадров, индейцев, афроамериканцев, мигрантов и женщин при принятии трудового и социального законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Degler C. Out of Our Past. The Forces that Shaped Modern America / C. Degler. – New York : Harper & Brothers Publ., 1959. – 484 p.
2. Edling M.M. A Hercules in the cradle: war, money, and the American state, 1783–1867 / M.M. Edling. – University of Chicago Press Publ., 2014. – 331 p.

REFERENCES

1. Degler C. Out of Our Past. The Forces that Shaped Modern America. New York, Harper & Brothers Publ., 1959. 484 p.
2. Edling M.M. A Hercules in the Cradle: War, Money, and the American State, 1783–1867. University of Chicago Press Publ., 2014. 331 p.

3. The Cambridge history of law in America / eds. by M. Grossberg, C. Tomlins. – Cambridge University Press Publ., 2008. – Vol. II. – 869 p.
4. Кузьминов Я.И. Развитие монополистического капитализма в США в конце XIX – начале XX в. / Я.И. Кузьминов // Полянский Ф.Я. Экономическая история капиталистических стран / Ф.Я. Полянский, В.А. Жамин. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 170–182.
5. Сивачев Н.В. Государственно-монополистический капитализм США / Н.В. Сивачев // Вопросы истории. – 1977. – № 7. – С. 79–102.
6. История США / под ред. Г.Н. Севостьянова. Т. 3. – Москва : Наука, 1985. – 672 с.
7. Friedman L.M. A history of American Law / L.M. Friedman. – New York : Simon and Schuster Inc. Publ., 1985. – 781 p.
8. A Companion to American Legal History / eds. by S. Hadden, A. Brophy. – Chichester : Blackwell Publishing Ltd. Publ., 2013. – 561 p.
9. Hall K.L. American legal history. Cases and materials / K.L. Hall, W.M. Wiecek, P. Frnkelman. – Oxford University Press Publ., 1996. – 610 p.
10. Саломатин А.Ю. Модернизация государства и права в США: конец XVIII – XIX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.Ю. Саломатин. – Пенза, 2004. – 452 с.
11. Гиевская С.В. Эволюция либерализма в США в XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С.В. Гиевская. – Воронеж, 2009. – 24 с.
12. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В.И. Ленин. – Москва : Госполитиздат, 1949. – 89 с.
13. Овакимян К.Б. История правового регулирования государственного контроля экономической концентрации в США / К.Б. Овакимян // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 9. – С. 126–136.
14. McSweeney T. The Clayton and FTC Acts: 100 Years of Looking Ahead. Washington, 2014. 7 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ftc.gov/system/files/documents/public_statements/603341/mcsweeney_-_aba_clayton_act_100th_keynote_12-04-14.pdf (дата обращения: 12.09.2025).
15. Касимов Т.С. Классификация правовых концепций / Т.С. Касимов, Д.Ф. Касимова, П.А. Асылбаева // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (78). – С. 118–126.
16. Валлерстайн И. Анализ мировых систем : пер. с англ. / И. Валлерстайн; под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – Москва : УРСС : ЛЕНАНД, 2020. – 400 с.
17. Галиев Ф.Х. Развитие представлений о сущности гражданского общества: история и современность / Ф.Х. Галиев, И.В. Сахаутдинова // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 4 (58). – С. 13–20.
18. Joseph D. Reid Jr. Understanding Political Events in the New Economic History / Joseph D. Reid Jr. // Journal of Economic History. – 1977. – Vol. 37. – P. 302–328.
3. Grossberg M., Tomlins C. (eds.). The Cambridge History of Law in America. Cambridge University Press Publ., 2008. Vol. II. 869 p.
4. Kuzminov Ya.I. The Development of Monopoly Capitalism in the USA in the Late 19th – Early 20th Centuries. In Polyansky F.Ya., Zhamin V.A. Economic History of Capitalist Countries. Moscow University Press Publ., 1986, pp. 170–182.
5. Sivachev N.V. State-Monopoly Capitalism in the USA. *Questions of History*, 1977, no. 7, pp. 79–102. (In Russian).
6. Sevostyanov G.N. (ed.). History of the USA. Moscow, Nauka Publ., 1985. Vol. 3. 672 p.
7. Friedman L.M. A history of American Law. New York, Simon and Schuster Inc. Publ., 1985. 781 p.
8. Hadden S., Brophy A. (eds.). A Companion to American Legal History. Chichester, Blackwell Publishing Ltd. Publ., 2013. 561 p.
9. Hall K.L., Wiecek W.M., Frnkelman P. American Legal History. Cases and materials. Oxford University Press Publ., 1996. 610 p.
10. Salomatin A.Yu. Modernization of the State and Law in the USA: Late 18th – 19th Centuries. *Doct. Diss.* Penza, 2004. 452 p.
11. Gievskaya S.V. The Evolution of Liberalism in the USA in the 19th – Early 20th Centuries. *Cand. Diss. Thesis.* Voronezh, 2009. 24 p.
12. Lenin V.I. Imperialism as the Highest Stage of Capitalism. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1949. 89 p.
13. Ovakimyan K.B. History of Legal Regulation of Merger Control in the USA. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2017, no. 9, pp. 126–136. (In Russian).
14. McSweeney T. The Clayton and FTC Acts: 100 Years of Looking Ahead. Washington, 2014. 7 p. Available at: URL: https://www.ftc.gov/system/files/documents/public_statements/603341/mcsweeney_-_aba_clayton_act_100th_keynote_12-04-14.pdf.
15. Kasimov T.S., Kasimova D.F., Asylbaeva P.A. Classifying Legal Concepts. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 4, pp. 118–126. (In Russian).
16. Wallerstein I.; Kagarlitsky B.Yu. (ed.). World Systems Analysis. Moscow, URSS Publ., LENAND Publ., 2020. 400 p.
17. Galiev F.Kh., Sakhautdinova I.V. The Development of the Ideas of the Essence of Civil Society: History and Modernity. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 4 (58), pp. 13–20. (In Russian).
18. Joseph D. Reid Jr. Understanding Political Events in the New Economic History. *Journal of Economic History*, 1977, vol. 37, pp. 302–328.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Латыпова Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Latypova Natalia Sergeevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law at the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 04.07.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 08.09.2025. The article was submitted 04.07.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 08.09.2025.

Научная статья
УДК 340
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.2

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна
Нижегородский институт управления –
филиал РАНХиГС,
Нижний Новгород, Россия,
vera_borisovna@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7938-5171>

ФЕДЮШКИНА Арина Игоревна ✉
Нижегородский институт управления –
филиал РАНХиГС,
Нижний Новгород, Россия,
a.i.fedyushkina@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-3503-0544>

Original article

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna
Nizhny Novgorod branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Nizhny Novgorod, Russia

FEDYUSHKINA Arina Igorevna
Nizhny Novgorod branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Nizhny Novgorod, Russia

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ ВО ФРАНЦИИ В XIX ВЕКЕ

THE EVOLUTION OF LEGAL REGULATION OF ANIMAL PROTECTION IN THE
19TH-CENTURY FRANCE

Аннотация. В статье исследуется процесс становления законодательства о защите животных во Франции в XIX в., происходивший на фоне философских и социальных трансформаций общества. Рассматривается смена взглядов на животных – от потребительского отношения к признанию их внутренней ценности и наличия у них чувств. Особое внимание уделяется первым нормативным актам – Ордонансу 1843 г., регламентирующему защиту лошадей, и Закону Граммона 1850 г., ставшему основой современного зоозащитного законодательства. Анализируется деятельность Общества защиты животных, которое сыграло ключевую роль в развитии зоозащитного движения и формировании правовых норм. Подчеркивается значимость исторического опыта Франции для понимания современных вызовов в области гуманного отношения к животным и разработки правовых механизмов их защиты. Цель: проанализировать процесс становления законодательства о защите животных во Франции в XIX в. в контексте философских, социальных и правовых трансформаций, выявить ключевые нормативные акты и роль зоозащитного движения в формировании принципов гуманного отношения к животным, показать значение исторического опыта Франции для современных правовых дискуссий и развития отечественного законодательства в сфере защиты животных. Методы: комплексный историко-правовой и философско-аналитический подход, включающий анализ нормативно-правовых актов, изучение деятельности зоозащитных организа-

Abstract. This article examines the development of animal protection legislation in the 19th-century France against the backdrop of philosophical and social transformations of society. It examines the shift in views on animals from a consumerist attitude to recognizing their intrinsic value and sentience. Particular attention is given to the first regulations – the Ordinance regulating the protection of horses (1843) and the Grammont Law (1850), which became the foundation of modern animal protection legislation. The article also analyzes the activities of the Society for the Protection of Animals, which played a key role in the development of the animal protection movement and the formation of legal norms. The article emphasizes the importance of France's historical experience for understanding contemporary challenges in the humane treatment of animals and the development of legal mechanisms for their protection. The purpose of the study is to analyze the development of animal protection legislation in the 19th-century France in the context of philosophical, social, and legal transformations, to identify key regulations and the role of the animal rights movement in shaping principles of humane treatment of animals, and to demonstrate the significance of France's historical experience for contemporary legal debates and the development of national animal protection legislation. Methods: A comprehensive historical legal and philosophical analytical approach, including the analysis of regulations, the study of the activities of animal protection organizations (in particular, the Society for the Protection of Animals),

ций (в частности, Общества защиты животных), а также рассмотрение философских концепций и общественного дискурса XIX в., влияющих на формирование правовых норм о защите животных; сравнительного исторического анализа и интерпретации источников – для выявления закономерности и общественной практики. Результаты: исследование показало, что формирование законодательства о защите животных во Франции в XIX в. было результатом сложного взаимодействия философских идей, общественного осознания и правотворческой практики. Первые нормативные акты, такие как Ордонанс 1843 г. и Закон Граммона 1850 г., заложили основы современного зоозащитного законодательства, а деятельность Общества защиты животных сыграла ключевую роль в развитии правовой защиты животных. Исторический опыт Франции является важным ориентиром для современных правовых реформ и формирования гуманного отношения к животным в России и других странах.

Ключевые слова: зоозащита, законодательство Франции, Закон Граммона, гуманное отношение к животным, Общество защиты животных (SPA), права животных

Для цитирования: Романовская В.Б. Эволюция правового регулирования защиты животных во Франции в XIX веке / В.Б. Романовская, А.И. Федюшкина. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 14–20.

as well as the examination of philosophical concepts and 19th-century public discourse that influenced the development of legal norms on animal protection. The study also utilizes the methods of comparative historical analysis and source interpretation to identify patterns and trends in the development of legislation and social practice. Results: This study demonstrates that the development of animal protection legislation in the 19th-century France was the result of a complex interaction of philosophical ideas, public awareness, and lawmaking practices. Early regulations, such as the 1843 Ordinance and the 1850 Grammont Law, laid the foundations for modern animal protection legislation, and the work of the Society for the Protection of Animals played a key role in the development of legal protection of animals. France's historical experience serves as an important reference point for modern legal reforms and the development of humane treatment of animals in Russia and other countries.

Keywords: animal protection, French legislation, Grammont Law, humane treatment of animals, Society for the Protection of Animals (SPA), animal rights

For citation: Romanovskaya V.B., Fedyushkina A.I. The Evolution of Legal Regulation of Animal Protection in the 19th-Century France. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 14–20. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.2.

ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема гуманного отношения к животным и их правовой защиты как в историческом, так и в современном контексте актуальна для отечественной юридической науки. В России в последние годы активно развивается законодательство, регулирующее содержание, защиту и охрану животных. Необходимость ответственного отношения к животным закрепила одна из поправок к Конституции РФ, одобренная в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

Одной из важных прикладных задач, которая должна быть решена при планировании и реализации государственной политики в области охраны животного мира и защиты животных от жестокого обращения, является организация взаимодействия между обществом и органами публичной власти. Как отмечается

в докладе Общественной палаты РФ, влияние зоозащитного движения на принятие решений органами государственной и муниципальной власти в этой сфере остается низким, несмотря на большую активность и вовлеченность общественных организаций¹. Между тем взаимодействие государственных структур и общества при решении вопросов охраны животных во многих государствах является эффективным и имеет глубокую историю. В этой связи изучение процесса формирования законодательства и влияния на него зоозащитного движения в зарубежных странах помогает лучше понять истоки современных норм и этических принципов, регулирующих взаимодействие человека и животного мира.

¹ Формирование в обществе ответственного отношения к животным: специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. М.: ОП РФ, 2025. С. 152.

Во Франции именно XIX век стал временем переосмысления принципов взаимодействия человека и животного мира. Изменилось восприятие животных и их судьбы в общественном дискурсе: защита животных от жестокости и страданий теперь напрямую связывалась с общественной моралью. На смену утвердившемуся в философии XVII–XVIII вв. взгляду на животных как на механизмы, лишённые разума и души [1, с. 42–53], постепенно пришло признание их внутренней ценности. Начали формироваться новые подходы, которые признавали наличие у животных чувств, ощущений и даже определенного уровня сознания. Новые философские направления, такие как гегелевская диалектика, рассматривали отношения человека и животного как диалектическую борьбу за признание, что послужило философским основанием для последующих идей о правах животных. Началось переосмысление положения животных в мире не только с биологической, но и с этической точки зрения. Философы и мыслители все чаще ставили вопрос о морали в отношении животных, о необходимости признания их определенных прав и внутренней ценности.

Таким образом, мировоззренческие и ценностные изменения, произошедшие в философии и интеллектуальном дискурсе, подготовили почву для изменений в общественной практике и публичной сфере. Назрела и необходимость разработки правовых норм о защите животных.

Истоки законодательства о защите животных во Франции

Первым нормативным правовым актом, в котором появилась норма в защиту животных, во Франции стал Ордонанс о пассажирских повозках, сдаваемых в аренду на день, неделю, месяц или год, а также о пассажирских повозках, предлагаемых населению для почасового и краткосрочного пользования². Указанный акт был принят префектом полиции Парижа Габриэлем Делессертом 5 октября 1843 г.

² Ordonnance concernant les voitures de remise louées à la journée, à la semaine, au mois ou à l'année, et les voitures sous remise, offertes au public pour marcher à l'heure et à la course (i) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k64826714/f668.item#> (дата обращения: 19.07.2025).

и регулировал среди прочего права и обязанности городских кучеров. Пункт 67 документа гласил: «им [кучерам] также категорически запрещено бить лошадей рукояткой хлыста или обращаться с ними каким-либо иным образом плохо». Именно лошади стали первыми объектами защиты во французском зоозащитном движении. Эти животные играли важную роль в жизни французского общества: они использовались в сельском хозяйстве, на транспорте и в военных целях. Это делало их судьбу заметным вопросом в сфере гуманного отношения к животным. Случаи жестокого обращения с лошадьми часто становились поводами для широких общественных кампаний в защиту животных.

Публикация Ордонанса 1843 г., довольно опосредованно касающегося прав животных, дала толчок развитию зоозащитного движения. 2 декабря 1845 г. инициативной группой во главе с Паризо де Касселем было создано Общество защиты животных (La Société Protectrice des Animaux, далее – SPA, Общество), старейшая из ныне действующих зоозащитных организаций во Франции. Учредители ее вдохновлялись опытом подобных зоозащитных обществ, существовавших в Англии и Германии, что неоднократно отмечалось в протоколах собраний: «Я хотел обратить ваше внимание, – обратился к членам Общества на первом заседании его основатель Паризо де Кассель, – на две ассоциации, уже достигшие значительных результатов: английскую и баварскую. Прямой и очевидной целью обеих является пресечение жестокого обращения с домашними животными. Однако их косвенная и глубоко морализаторская направленность заключается в том, чтобы, используя этот новый путь, повлиять на воспитание, на первые впечатления детства и, следовательно, бороться с зарождающимися склонностями к жестокости, которые, к сожалению, слишком распространены среди людей»³.

Дальнейшее развитие законодательства в области защиты животных было напрямую связано с деятельностью общественного зоозащитного движения, главным актором кото-

³ Première réunion / Recueil des rapports et mémoires de la Société protectrice des animaux: 1846 et 1847 [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9781324g/f23.item> (дата обращения: 19.07.2025).

рого стало SPA. 26 января 1846 г. SPA приняло Устав, разработанный временным советом под председательством врача Этьена Паризе. Устав состоял из пространного вступления, в котором обосновывалась необходимость преодоления жестокости по отношению к крупным домашним животным, в первую очередь лошадям, и четырех глав, определявших организационно-правовую структуру SPA, порядок членства, требования к финансовой отчетности и др. Первая статья Устава определяла цель деятельности Общества – «всемерное пресечение жестокого обращения с животными»⁴. Механизм реализации этой высоконравственной цели прописывался лишь опосредованно во вступлении к Уставу, где указывалось, что Общество намерено действовать «убеждением, поощрением, наградами и, при необходимости, строгостью правосудия, пресекая преступные злоупотребления, допускаемые в отношении животных и позорящие как варвара, который их совершает, так и нацию, которая их терпит»⁵.

Публично об учреждении Общества было объявлено 8 мая 1846 г. на седьмом собрании его членов, которое прошло в мэрии⁶. К этому моменту его состав насчитывал уже 200 человек, среди которых были крупные землевладельцы, представители дворянства, государственные служащие (в том числе префект полиции Парижа Габриэль Делессерт), врачи, специалисты в области сельского хозяйства. Президентом SPA стал Этьен Паризе. Прослеживая судьбу первого зоозащитного общества во Франции, необходимо отметить, что оно быстро разрослось и открыло отделения во многих крупных городах: Лионе (1854), По (1858), Ницце (1864), Орне (1864), Алжире (1865), Каннах (1878), Гавре (1880), Руане (1884) [2, p. 82].

4 Statuts de la Société protectrice des animaux / Recueil des rapports et mémoires de la Société protectrice des animaux: 1846 et 1847 [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9781324g/f23.item> (дата обращения: 19.07.2025).

5 Там же.

6 Installation officielle de la Société protectrice des animaux a l'Hotel de Ville / Recueil des rapports et mémoires de la Société protectrice des animaux: 1846 et 1847 [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9781324g/f23.item> (дата обращения: 19.07.2025).

ЗАКОН ГРАММОНА

Основные усилия SPA в первые годы после создания были сосредоточены на лоббировании закона о защите животных. Видные и уважаемые члены Общества проводили публичные лекции, выступали на заседаниях профильного министерства, вели переписку с влиятельными персонами. Отдельным направлением работы SPA, судя по отчетам и докладным запискам за 1846–1847 гг., было налаживание международных связей, изучение опыта других европейских стран в части правового регулирования защиты животных⁷. В целом идея о необходимости заимствования прогрессивного опыта других европейских держав является лейтмотивом всех просветительских текстов SPA.

2 июля 1850 г. во Франции был принят первый закон о защите животных – Закон Граммона⁸. Он стал основой для дальнейшего развития законодательства в этой области. История принятия закона показывает, что борьба за признание прав животных и законодательное закрепление недопустимости жестокого обращения с ними не была легкой. SPA и другие зоозащитники добивались, чтобы закон о защите животных запрещал любое жестокое обращение с любым животным, однако такая редакция предложена не была.

Закон защищал только домашних животных, не раскрывая этот термин. Впрочем, правоприменители стали понимать его достаточно широко, включив в число подлежащих защите не только лошадей, бедственное положение которых и побудило автора закона, генерала Жака Дельма де Граммона, инициировать его, но также всех животных, которые «живут, выращиваются, кормятся и размножа-

7 Lois et actes législatifs, des divers états de l'Europe concernant les mauvais traitements exercée contre les animaux domestiques et autres / Recueil des rapports et mémoires de la Société protectrice des animaux: 1846 et 1847 [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9781324g/f23.item> (дата обращения: 23.07.2025).

8 2–9 JUILLET 1850. Loi relative aux Mauvais traitements exercés envers les animaux domestiques (1) (X, Bull. CCLXXXIII, n. 2261) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54908147/f8.item.r=%22Loi%20relative%20aux%20mauvais%20traitements%20exerc%C3%A9s%20envers%20les%20Animaux%20domestiques%22> (дата обращения: 23.07.2025).

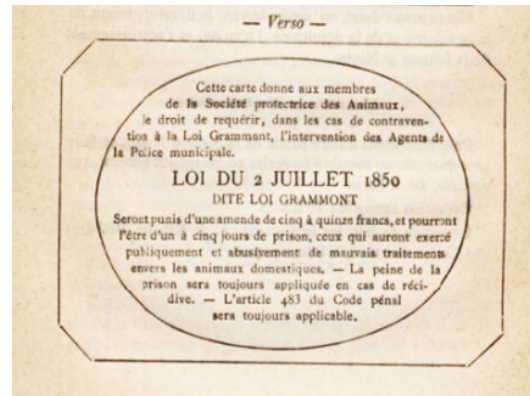
ются под опекой человека» [3, р. 15]. Кроме того, в ходе обсуждения в Национальном собрании в законопроект была внесена поправка, в соответствии с которой жестокое обращение влекло наказание только за деяния, которые являются тяжкими и публичными. Автор данной поправки, Модест Дефонтен, так обосновал свою позицию: «...когда плохое обращение очень серьезно, когда оно достигает жестокости, я хочу наказать его; но я требую, чтобы этот акт был публичным... я не хочу входить в дом каждого человека, чтобы посмотреть, чем он там занимается. Мне кажется, интересы животных недостаточно важны для этого. Поэтому я хочу наказывать только те деяния, которые по своей серьезности и публичности наносят ущерб общественной морали» [3, р. 15]. Наказанию за жестокое обращение подлежал не любой человек, а только владелец животного.

Таким образом, ненаказуемыми оставались случаи жестокого обращения, совершенные непублично (например, при перевозке животного), деяния в отношении диких животных. Не применялся закон и в отношении корриды, несмотря на то что убиваемые в ходе состязания быки формально соответствовали признакам домашних животных. На корриду Закон Граммона был распространен только в 1884 г.⁹

Закон состоял из одной статьи, которая устанавливала наказание в виде штрафа в размере от 5 до 15 франков или тюремного заключения (только в случае рецидива) на срок от 1 до 5 дней. Несмотря на краткость текста, мягкость наказания и ограничение ответственности признаком публичности, Закон 1850 г. стал знаковым в истории зоозащиты Франции. SPA по праву считала его принятие своим большим достижением и всячески подчеркивала его значение для развития движения за права животных. Так, в ст. 1 Устава SPA были внесены изменения, согласно которым «...целью Общества является улучшение всеми доступными ему средствами судьбы животных в соответствии с замыслом Закона от 2 июля 1850 года» [2, р. 86]. Кроме того, на оборотной стороне членского билета

⁹ Animaux, Animaux domestiques, Mauvais traitements [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5502156j/f269.item.r=circulaire%2027%20juin%201884%20courses%20de%20taureaux> (дата обращения: 08.10.2025).

(см. рис.), который удостоверял права членом общества, дословно воспроизводился текст Закона 1850 г., что подчеркивало его важное символическое значение¹⁰.

Оборотная сторона членского билета Общества защиты животных

SPA ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА ГРАММОНА

Принятие в 1850 г. Закона о защите животных привело к достижению главной цели SPA, но не нивелировало его значение. Дальнейшая деятельность Общества была сосредоточена на продвижении идей о необходимости защиты животных, борьбы со случаями жестокого обращения, привлечении внимания общественности к проблемам, связанным с содержанием животных, с корридой. В рамках правового регулирования зоозащиты основным направлением деятельности Общества стало обоснование необходимости расширения круга деяний, квалифицируемых как жестокое обращение с животными и попадающих под Закон 1850 г.

В 1860 г. SPA приобрело статус некоммерческой организации, преследующей общественно полезные цели (Établissement d'utilité publique)¹¹, который позволил Обществу полу-

¹⁰ Carte des Membres de la Société [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7061291w/f8.item.r=Soci%C3%A9t%C3%A9%20protectrice%20des%20animaux> (дата обращения: 23.07.2025)

¹¹ 22 décembre 1860 – 19 janvier 1861 – Décret impérial qui reconnaît comme établissement d'utilité publique la société protectrice des animaux, dont le siège est à Paris (XI, Bull, supp. DCCIII, n. 10, 706) [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5490723v/f635.item.r=%22soci%C3%A9t%C3%A9%20protectrice%20des%20animaux%22> (дата обращения: 07.08.2025).

чить полную юридическую правоспособность с возможностью заключения от своего имени договоров, владения имуществом, участия в судебных процессах, а также позволял пользоваться дополнительными привилегиями, связанными с признанием общественной полезности его деятельности.

Основные направления деятельности SPA в 1855–1899 гг. можно проследить по ежегодным бюллетеням, выпускавшимся Обществом. Среди них подготовка законопроектов, переписка с различными политическими и общественными деятелями, обобщение зарубежного опыта, научные изыскания, сбор и предоставление статистической информации.

Отдельно стоит отметить деятельность Общества в области просвещения детей, которая считалась значимой для изменения взглядов на жестокое обращение с животными. Члены Общества полагали, что именно воспитание детей, проживающих в сельской местности, является важным шагом в искоренении жестокости в отношении животных: «...один из лучших способов цивилизовать сельское население, – писал в 1855 г. один из членов SPA, – это привить детям, посещающим сельские начальные школы, чувство кротости и нежности к нашим драгоценным домашним животным»¹². Необходимо отметить, что в этом контексте подход к защите животных от жестокого обращения, безусловно, был антропоцентричным: животное воспринималось как полезное сельскохозяйственное орудие, помогающее человеку удовлетворять его потребности. Просвещение сельских детей – будущих фермеров преследовало своей целью через укоренение сострадания и формирование негативного отношения к жестокому обращению с животными рационализировать и улучшить сельскохозяйственную деятельность человека.

Одним из действенных инструментов для реализации этой цели SPA считало издание и

распространение через приюты и сельские школы сборников коротких рассказов о животных [4]. Данная инициатива была поддержана государственной властью. В 1863 г. одна из ориентированных на школьников брошюр («Господин Лесаж, или Беседы о полезных животных» Луи-Аугуста Бургена) была внедрена в учебную программу государственных образовательных учреждений. По инициативе SPA учителям, наиболее отличившимся в деле популяризации идей защиты животных, выплачивалась премия от Министерства народного образования в размере 100 франков [4]. Так идея членов Общества о необходимости проводить широкие просветительские кампании через школы получила государственное признание и поддержку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История становления правового регулирования защиты животных во Франции в XIX в. отражает постепенное осознание обществом и государством необходимости ограничения жестокого обращения с животными. Появление первого правового запрета на жестокое обращение с лошадьми в Ордонансе 1843 г. и создание в 1845 г. Общества защиты животных стали значимыми этапами в развитии зоозащитного движения во Франции, подчеркнувшими важность общественного контроля. Принятие первого закона о защите животных в 1850 г., несмотря на его небольшой объем и мягкость санкций, ознаменовало начало юридического признания прав животных. Данный акт стал фундаментом для дальнейшего развития законодательства в области зоозащиты, а деятельность SPA после его принятия была сосредоточена на расширении понимания жестокого обращения и перечня животных, попадающих под защиту закона. Таким образом, формирование зоозащитного законодательства во Франции в XIX в. демонстрирует сложный процесс взаимодействия общества и государства, направленный на гуманизацию отношений человека и животного мира.

¹² Conseils aux enfants qui fréquentent les écoles primaires rurales relativement aux soins que nécessitent les animaux domestiques, par M. Louis [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t54314432c/f220.item> (дата обращения: 23.07.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями диоптрика, метеоры, геометрия / Р. Декарт. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1953. – 656 с.
2. Pierre É. La souffrance des animaux dans les discours des protecteurs français au XIXe siècle / É. Pierre // *Études rurales*. – 1998. – № 147-148. – P. 81-97.
3. Florens F. La Protection légale des animaux en France / F. Florens. – Toulon, 1890. – 23 p.
4. Melet J. Brève histoire sur le rôle et l'influence des groupements de la société civile dans l'édition de normes protectrices de l'animal / J. Melet // *Les mutations contemporaines du droit de l'animal*. – Aix-en-Provence, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.openedition.org/dice/14925#anchor-completeplan> (дата обращения: 23.07.2025).

REFERENCES

1. Descartes R. Discourse on the Method with Applications to Dioptrics, Meteors, Geometry. USSR Academy of Sciences Publ., 1953. 656 p.
2. Pierre É. La souffrance des animaux dans les discours des protecteurs français au XIXe siècle. *Études Rurales*, 1998, no. 147-148, pp. 81-97. (In French).
3. Florens F. La Protection légale des animaux en France. Toulon, 1890. 23 p.
4. Melet J. Brève histoire sur le rôle et l'influence des groupements de la société civile dans l'édition de normes protectrices de l'animal. *Les mutations contemporaines du droit de l'animal*. Aix-en-Provence, 2023. Available at: URL: <https://books.openedition.org/dice/14925#anchor-completeplan>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Романовская Вера Борисовна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник;

Федюшкина Арина Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Romanovskaya Vera Borisovna – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher;

Fedyushkina Arina Igorevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 21.09.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 14.10.2025.
The article was submitted 21.09.2025; approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication 14.10.2025.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 34.09

DOI 10.33184/pravgos-2025.4.3

Original article

ГИЗЗАТУЛЛИН Равиль Хасанович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
ravil73@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7748-9113>

GIZZATULLIN Ravil Khasanovich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ВЛАДИМИРОВ Игорь Александрович ✉
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
docentufa@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0891-1573>

VLADIMIROV Igor Alexandrovich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ИКСАНОВ Радмир Аузагиевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
iksanov333@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9216-543X>

IKSANOV Radmir Auzagievich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ CHALLENGES OF FOREST MANAGEMENT DIGITALIZATION

Аннотация. В условиях цифровизации общественных отношений в правоприменительной практике цифровой трансформации лесопользования возникают организационные и правовые проблемы: недостаток актуальной информации о лесных участках, усложняющий процесс оформления и использования лесных земель; проблема обеспечения прозрачности, актуальности и доступности информации о лесных участках, сложности выдачи пользователями лесоустроительной документации; отсутствие полной информации о возможности строительства жилых домов для фермеров на землях сельскохозяйственного назначения; проблема ограничений использования лесных участков в рекреационных целях и внутреннего туризма в лесах. Цель исследования – выявление путей повышения эффективности использования лесоустроительной документации и оптимизация процессов предоставления государственных услуг в области лесопользования. Методы: формально-юридический – позволил изучить правовые нормы, регулирующие процесс получения и использования лесоустроительной документации в целях дальнейшего применения информации в Национальной системе пространственных данных; сравнительного правоведения – позволил сравнить использо-

Abstract. In the context of the digitalization of public relations in the law enforcement practice of forest management digital transformation, organizational and legal problems arise: a lack of up-to-date information about forest plots, which complicates the process of registration and use of forest lands; the problem of ensuring the transparency, relevance, and accessibility of information about forest plots, and users' difficulties in issuing forest inventory documentation; the absence of complete information about the possibility of constructing residential buildings for farmers on agricultural land; and the problem of restrictions on the use of forest plots for recreational purposes and domestic tourism in forests. The purpose of the research is to identify methods for increasing the efficiency of forest inventory documentation and optimizing the provision of public services related to forest management. Methods: the formal legal method makes it possible to study legal norms governing the process of obtaining and using forest inventory documentation in order to further apply information in the National Spatial Data System; the comparative law method allows to compare the use of digital technologies in various national systems of state forest management. Result: The

вание цифровых технологий в различных национальных системах государственного управления лесами. Результат: сформулирован вывод о неэффективном, разрозненном нормативно-правовом регулировании порядка ведения государственного лесного реестра и государственной инвентаризации лесов и необходимости создания сквозных баз данных по лесоустройству и лесопользованию, которые должны коррелироваться с базами других цифровых реестров, включая Национальную систему пространственных данных. Авторами предлагается разработать более детализированные механизмы и процедуры формирования и регистрации вновь образованных лесных участков.

Ключевые слова: правовое регулирование, информационные системы, природопользование, цифровизация, лесопользование, информационные технологии

Для цитирования: Гиззатуллин Р.Х. Проблемы цифровизации лесопользования / Р.Х. Гиззатуллин, И.А. Владимиров, Р.А. Иксанов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 21–31.

article concludes that the regulatory framework for maintaining the state forest registry and conducting state forest inventory is inefficient and fragmented. It highlights the necessity of creating integrated databases for forest management and utilization, which should be synchronized with databases of other digital registries, including the National Spatial Data System. The authors propose to develop more detailed mechanisms and procedures for the formation and registration of newly formed forest plots.

Keywords: legal regulation, information systems, environmental management, digitalization, forest management, information technology

For citation: Gizzatullin R.Kh., Vladimirov I.A., Iksanov R.A. Challenges of Forest Management Digitalization. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 21–31. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.3.

ВВЕДЕНИЕ

В современный период активно развивается процесс цифровизации природопользования. Он проявляется в том, что по каждому виду природопользования государство запускает информационные сервисы и информационные системы. В частности, в сфере землепользования с 2023 г. функционирует Национальная система пространственных данных (далее – НСПД), позволяющая осуществлять поиск подходящего земельного участка для строительства, создания крестьянско-фермерского хозяйства, ведения туризма. Согласно Федеральному закону от 8 августа 2024 г. № 317-ФЗ¹ с 1 января 2025 г. НСПД должна использоваться при предоставлении государственных и муниципальных услуг. Как отмечает С.В. Тищенко, цифровизация лесной отрасли в России непосредственно связана со стратегией развития лесного сектора и созданием информационно-

го пространства в области использования и охраны лесных ресурсов [1, с. 41].

В процессе взаимодействия органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также юридических лиц, осуществляющих деятельность в сфере природопользования, возникают проблемы, связанные с использованием информационных систем, создающие препятствия для осуществления отношений в сфере природопользования. К таким проблемам можно отнести низкую оперативность и высокую трудоемкость получения актуальной информации о состоянии природных ресурсов. В частности, в системе НСПД нет актуальной информации о лесных участках, что затрудняет процессы их оформления для дальнейшего использования.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА

По мнению Н.Г. Жаворонковой, в соответствии со Стратегией развития лесного комплекса до 2030 г.² основным направлением

¹ О внесении изменений в статьи 11.10 и 39.15 Земельного кодекса Российской Федерации и статью 18.1 Федерального закона «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 08.08.2024 № 317-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2025).

² Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р // [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2025).

цифровизации лесного комплекса является совершенствование информационно-аналитической поддержки управленческой деятельности [2, с. 77]. В сфере лесопользования государством, бизнесом и гражданами используется Федеральная государственная информационная система лесного комплекса (далее – ФГИС ЛК), предоставляющая многофункциональный спектр процедур и операций, необходимых для эффективного управления лесными ресурсами в рамках российского законодательства. Создание ФГИС ЛК, как отмечает Н.М. Заславская, является значимым этапом «цифровой трансформации управления лесным комплексом» [3, с. 13]. Особое внимание необходимо уделять вопросам цифровой обработки документов, использованию электронной подписи и процессу передачи данных в государственные органы. Это важная составляющая законного ведения бизнеса в сфере лесопользования, позволяющая правильно оформить и подать всю необходимую документацию, минимизировать риски ошибок и ускорить взаимодействие с государственными органами.

Вызовы, возникающие в результате внедрения цифровых технологий в лесную отрасль, исследованы в трудах Е.Н. Елисеевой и А.В. Зиньковой [4]. Авторы отмечают, что цифровизация играет ключевую роль в повышении эффективности управления и контроля за лесными ресурсами, обращают внимание на необходимость внедрения технологии больших данных (Big Data), которая, наряду с другими цифровыми технологиями, способствует увеличению прозрачности сделок с древесиной, контролю за ее транспортировкой и повышению производительности предприятий лесоперерабатывающего комплекса.

Несмотря на очевидные преимущества, авторы указывают и на ряд трудностей, возникающих в процессе цифровизации лесной отрасли, среди которых – недостаточный уровень развития российского программного обеспечения, что создает дополнительные препятствия для предприятий лесной отрасли.

Цифровизация лесного комплекса – одно из направлений укрепления конкурентоспособности и устойчивости отраслей лесного комплекса. Необходимо, на наш взгляд, сочетать передовые технологии, модернизацию процессов и подготовку специалистов для успешного развития лесной промышленности России.

В.В. Мещеряковой исследованы нормативные изменения, внесенные в Лесной кодекс РФ, направленные на использование информационных технологий для повышения эффективности контроля и управления лесными ресурсами. По ее мнению, ФГИС ЛК является системой, призванной аккумулировать всю необходимую информацию о лесах, включая данные о лесопользовании, перевозке древесины и сделках с ней [5].

В соответствии со Стратегией развития лесного комплекса до 2030 г. цифровизация станет ключевым фактором прогресса в области развития лесного хозяйства.

По мнению С.М. Матвеева, основными инструментами цифровизации выступают три автоматизированные информационные системы: единая государственная автоматизированная информационная система учета древесины и сделок с ней (ЛесЕГАИС), информационная система дистанционного мониторинга (ИСДМ – Рослесхоз) и государственный лесной реестр (ГЛР). Цифровые технологии автором определяются как совокупность методов, использующих электронно-вычислительную технику для обработки информации. С.М. Матвеев отмечает значимость Федерального закона от 4 февраля 2021 г. № 3-ФЗ, который предполагает создание ФГИС ЛК. Процесс цифровизации лесопользования, по его мнению, включает формирование цифровых баз данных и инструментов их анализа, внедрение IT-инструментов и географических информационных систем (ГИС), создание нормативных правовых основ для межведомственного обмена данными [6].

Основные изменения действующего лесного законодательства связаны с обязательностью представления отчетов и деклараций в электронном виде, с наличием электронных сопроводительных документов при транспортировке древесины. Внедрение интерактивной карты лесов («Леса России») обеспечивает доступность информации о лесных участках и их характеристиках.

Развитие цифровых технологий направлено на повышение качества и доступности информации о лесах, улучшение автоматизированного контроля и увеличение вклада лесного комплекса в экономику страны. Важнейшими принципами цифровизации являются минимизация человеческого фактора, цифровое взаимодействие с бизнесом и переход на

современные технологии, такие как большие данные и искусственный интеллект.

Исследованию перспектив и потенциала цифровой трансформации в управлении лесными ресурсами России посвящена работа С.С. Морковиной. По ее мнению, лесное хозяйство России значительно отстает от мировых лидеров в плане цифровизации процессов управления лесами. Причина отставания, как считает автор, кроется в отсутствии четких стратегических документов и программ цифровой трансформации. С.С. Морковина предлагает создать единую цифровую платформу для эффективного управления лесными ресурсами, основанную на современных технологиях обработки и анализа больших данных, применении инновационных подходов, таких как блокчейн [7].

Н.Г. Жаворонкова и Н.П. Воронина исследуют процессы цифровизации экологического права и потенциальные риски, возникающие при применении цифровых технологий и искусственного интеллекта в этой области. Они отмечают, что цифровизация права должна учитывать не только технологические, но и экономические, этические, моральные и философские факторы. Экологические правоотношения должны рассматриваться как особый вид правоотношений, специфика которых связана с правовыми, биологическими, химическими, политическими и технологическими аспектами. Авторы рассматривают цифровизацию как технологию, ведущую к новым парадигмам развития глобального правового поля, включая экологическое право. По их мнению, существуют сложности в определении целей и задач цифровизации, а также риски, связанные с изменением правовых норм и стандартов. Н.Г. Жаворонкова и Н.П. Воронина поднимают вопрос о значении экологической информации и ее роли в формировании цифровой правовой экосистемы [8].

Данные, полученные с помощью современных устройств, таких как фотоловушка, камеры, беспилотные летательные аппараты и спутники, могут быть использованы для выявления и отслеживания незаконной вырубке лесов и браконьерства. Распространение интернета вещей способствует снижению потребления ресурсов, считает К.Н. Секретарева [9].

В сфере использования лесов активно применяются сквозные технологии и инструменты цифровой экономики. Так, ЛесЕГАИС является примером использования технологии больших данных, приложение ЛесЕГАИС – квантовых технологий, государственный лесной реестр – системы распределенного реестра [10, с. 223]. В.А. Носков выделяет основные цифровые технологии и решения: цифровые трехмерные карты лесных участков, возможности искусственного интеллекта, робототехника и дроны, распределенные реестры и технологии больших данных [11, с. 237].

Сегодня существуют сложности с выдачей гражданам и организациям лесоустроительной документации, а также имеется потребность в разъяснении принципов обращения с указанными документами и в регламентации порядка их предоставления. Согласно действующему законодательству граждане и юридические лица имеют право запрашивать информацию о деятельности государственных органов и лесоустроительную документацию. Несмотря на отсутствие прямого указания в законодательстве на необходимость выдачи лесоустроительных планшетов и таксационных описаний, данная информация должна предоставляться в рамках общего права на доступ к государственным сведениям. В целях обеспечения безопасности данных и легитимности пользования информационной системой всем пользователям ФГИС ЛК для получения доступа к сведениям информационной системы необходима идентификация в ЕСИА. ФГИС ЛК предоставляет возможность подачи заявлений и оформления лесохозяйственных документов и отчетности, необходимой для использования лесных ресурсов.

К лесохозяйственным документам, которые можно подготовить с использованием ФГИС ЛК, относят формы подачи лесных деклараций, отчеты об использовании лесов, обращения о проведении экспертизы проектов освоения лесов, акты лесопатологического обследования, проекты лесовосстановления, декларации объемов вырубки и восстановления лесов, акты осмотра лесных территорий, реестр заявлений и запросов на выдачу разрешительных документов. Пользователям ФГИС ЛК предоставляется возмож-

ность формирования и управления своими объектами (лесосеки, земельные участки, инфраструктура) в системе, позволяющая отслеживать изменения в целях своевременной подачи необходимой документации.

Лесоустроительные документы формируются в процессе проведения лесоустройства, которое осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации, ответственными за управление лесами. Эти документы включают в себя материалы лесоустройства (таксационные описания и планшетные карты), которые должны быть включены в региональные фонды пространственных данных. Доступ к лесоустроительным документам регулируется Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 431-ФЗ³, согласно которому физические и юридические лица за определенную плату могут получать необходимую информацию, кроме случаев, предусмотренных законодательством. Порядок и размер платы за предоставление документов устанавливается Правительством РФ.

До 1 января 2025 г. хранение и ведение государственного лесного реестра было возложено на органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Рослесхоз рекомендует субъектам Российской Федерации предоставлять физическим и юридическим лицам копии запрашиваемой лесоустроительной документации в полном объеме.

По нашему мнению, механизм получения и использования лесоустроительной документации в Российской Федерации должен устанавливать четкий порядок доступа к таким материалам и определять ответственность органов власти за обеспечение прозрачности в работе с данными документами.

Существующие проблемы в правовом регулировании обеспечения достоверности сведений о лесных ресурсах в ходе проведения лесоустроительных работ проанализированы в трудах Ф.П. Румянцева [12, с. 98].

Для устранения несоответствий между государственным лесным реестром и Единым государственным реестром недвижимости (ЕГРН) при реализации Федерального зако-

3 О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2015 № 431-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2025).

на от 29 июля 2017 г. № 280-ФЗ⁴ было издано письмо Рослесхоза от 10 апреля 2025 г. № ИС-02-54-9498⁵, согласно которому до 1 января 2026 г. исполнительные органы субъектов Российской Федерации обязаны привести сведения государственного лесного реестра в соответствие со сведениями ЕГРН. Законодательство предусматривает меры по устранению разногласий между государственными реестрами относительно земельных участков, пересекающихся с землями лесного фонда. Особое внимание уделяется земельным участкам, расположенным на особо охраняемых природных территориях, объектах культурного наследия религиозного назначения и другим категориям земель, включая промышленные зоны и сельскохозяйственные угодья.

В настоящее время проводится экспериментальная работа по согласованию границ лесничеств, зарегистрированных в ФГИС ЛК и ЕГРН. Государственные органы субъектов Российской Федерации получают методические рекомендации после завершения эксперимента. В соответствии с письмом Федерального агентства лесного хозяйства от 10 апреля 2025 г. № ИС-02-54/9498⁶ до 25 апреля 2025 г. субъекты Российской Федерации должны загрузить 100 % границ лесничеств в ФГИС ЛК, а до 31 мая 2025 г. необходимо рассмотреть оставшиеся земельные участки, имеющие пересечения с землями лесного фонда, и направить требуемую информацию в соответствующие ведомства. Как показывает практика, не все сведения о границах лесничеств загружены в ФГИС ЛК, а земельные участки, имеющие пересечения с землями лесного фонда, не изучены и не описаны в полном объеме. Также предусмотрены механизмы рассмотрения споров по земельным участкам, находящимся в пересечении с землями лесного фонда.

4 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров и установления принадлежности земельного участка к определенной категории земель : Федеральный закон от 29.07.2017 № 280-ФЗ (ред. от 13.06.2023) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2025).

5 Письмо Рослесхоза от 10.04.2025 № ИС-02-54-9498 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 Письмо Федерального агентства лесного хозяйства от 10 апреля 2025 г. № ИС-02-54/9498 «О реализации Федерального закона от 29.07.2017 г. № 280-ФЗ» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е.Н. Абанина выделяет проблему сбоев в работе ЛесЕГАИС, повлекших невозможность оформления электронного сопроводительного документа как в мобильном приложении, так и на сайте информационной системы «Учет древесины и сделок с ней» [13, с. 202].

Существует необходимость соблюдения сроков и координации усилий органов исполнительной власти регионов для успешного приведения сведений в соответствие с требованиями законодательства в целях повышения эффективности управления лесными ресурсами и защиты интересов государства в лесной сфере.

В письме Рослесхоза от 20 марта 2025 г. № 04-01-47/7167⁷ разъяснен порядок внесения изменений в государственный лесной реестр. Ранее используемые акты о несоответствии данных реестра натурному обследованию не являются основанием для внесения изменений в него. Новый порядок устанавливает, что изменения вносятся только на основании специально утвержденных документов: акта заключительного осмотра лесосеки, акта лесопатологического обследования, таксационного описания лесосеки, проектной документации лесного участка. Право вносить изменения в государственный лесной реестр принадлежит соответствующим органам государственной власти и органам местного самоуправления в пределах их компетенций. Письмо подтверждает изменения в порядке работы с реестром и дает ясные рекомендации сотрудникам госорганов и специалистам отрасли относительно действующих норм и условий внесения изменений в государственный лесной реестр.

Письмо Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) от 15 ноября 2024 г. № 14-11052-ТГ/24⁸ разъясняет порядок формирования и дальнейшего использования земельных участков, полученных путем преобразования лесных участков в участки другого назначения, а также определяет круг лиц, име-

ющих право инициировать государственную регистрацию прав на вновь созданные участки.

Общие правила формирования земельных участков предусмотрены Земельным кодексом РФ, также требуется утверждение соответствующих схем и планов межевания. Категория создаваемого земельного участка определяется видом его последующего использования. Например, если участок предназначен для строительства объектов инфраструктуры (энергетика, транспорт, связь и др.), то его относят к особой категории земель промышленного и специального назначения.

Подготовку межевого плана осуществляет кадастровый инженер, а сам межевой план оформляется в соответствии с нормами Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ⁹. Поскольку образуемые земельные участки выделяются из лесных участков, принадлежащих государству, обязанность по подготовке документов возлагается на специализированные организации, действующие от имени Российской Федерации.

Регистрация вновь образованных земельных участков возможна только по инициативе собственника исходного участка (Российская Федерация) или представителя органа власти, уполномоченного распоряжаться таким участком. Организациям, участвующим в строительстве объектов инфраструктуры (например, ПАО «РЖД»), разрешается самостоятельно оформлять документы только при наличии специальных решений и доверенностей. Определение принадлежности земельного участка к федеральной собственности требует соблюдения критериев, перечисленных в гражданском и земельном законодательстве. Сам факт нахождения земельного участка в зоне перспективного строительства объектов инфраструктуры не означает автоматического перехода участка в федеральную собственность.

На наш взгляд, необходимо закрепить в действующем законодательстве механизмы и процедуры формирования и дальнейшей регистрации вновь образованных земельных участков.

Органам государственной власти в сфере управления лесами Рослесхозом разъясняются требования и процедуры, касающиеся разработки таксационного описания лесосек

⁷ Письмо Рослесхоза от 20.03.2025 № 04-01-47/7167 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Об образовании земельных участков в целях предоставления их в дальнейшем в аренду ОАО «РЖД» для строительства, реконструкции и эксплуатации линейных объектов : письмо Росреестра от 15.11.2024 № 14-11052-ТГ/24 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ О кадастровой деятельности : Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

при выполнении работ, связанных с рубкой деревьев на участках, используемых для строительства, реконструкции и эксплуатации линейных объектов (дорог, трубопроводов, линий электропередач и т. п.). Рослесхозом также разъясняется порядок образования земельных участков, относящихся к землям лесного фонда, и ситуации, когда необходимо формировать проекты межевания территории. Особое внимание в данных случаях, по нашему мнению, необходимо уделять соблюдению обязательных требований Лесного и Земельного кодексов РФ, правовые нормы которых подтверждают необходимость составления таксационного описания и предварительного осмотра лесосеки перед началом работ.

В практике органов исполнительной власти возникают вопросы об осуществлении рекреационной деятельности на лесных участках. Проблемными являются правовые режимы ограничений, установленные лесным законодательством в отношении лесных участков, планируемых под туристическую деятельность. Установленные правовые режимы ограничений требуют дополнительной детализации и разъяснений. Возможно, потребуется судебная практика в случае выявления правовых пробелов и коллизий в толковании норм.

Законодательство предусматривает, что строительные работы и сооружение капитальных строений возможны только на ограниченной площади арендованного лесного участка. Максимальная доля территории, отведенной под капитальное строительство и некапитальные сооружения, составляет 20 % от общей площади лесного участка. Однако существует ограничение по абсолютной величине, а именно, если участок имеет значительную площадь, максимальная площадь застройки не может превышать 1 гектар. Специальные объекты, такие как прогулочные маршруты, спортивные площадки, элементы благоустройства (беседки, скамейки, туалеты и т. д.), не учитываются в расчетах максимальной площади застройки. Считаем, что в целях предотвращения нарушений лесного законодательства необходимо повышать правовую грамотность лиц, планирующих строительство туристической инфраструктуры на лесных территориях.

В настоящее время возникает необходимость понимания новых процедур и требований, предъявляемых к организациям и индивидуальным предпринимателям, зани-

мающимся лесохозяйственной деятельностью. Так, письмом Рослесхоза от 20 марта 2023 г. № ИС-06:54/6021¹⁰ разъясняется порядок применения новых нормативных актов, вступивших в силу с 1 марта 2023 г., касающихся отвода и таксации лесосек, а также составления таксационного описания лесосеки. Мероприятия по отводу и таксации лесосек необходимо проводить непосредственно перед началом лесосечных работ. Таксационное описание составляется в электронном виде и подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью. Оно должно быть направлено в уполномоченный орган не менее чем за 15 дней до начала лесосечных работ. Уполномоченные органы проверяют соответствие таксационного описания информации о фактическом состоянии лесосеки. В случае несоответствия назначается предварительный осмотр лесосеки. Фотографии лесосеки и акт предварительного осмотра формируются в специальных форматах и направляются заявителю. Документация по отводу и таксации лесосек в настоящее время может быть представлена в электронном виде, что облегчает процесс подачи и обработки заявок. До 1 марта 2025 г. специалисты могли проводить работы по отводу и таксации лесосек без прохождения специальной аттестации и включения в соответствующий реестр.

Постановление Правительства РФ от 25 августа 2023 г. № 1378¹¹ утверждает Правила ведения государственного лесного реестра. Документ детально описывает регламенты внесения данных о лесничествах, участковых лесничествах, лесотаксационных выделах, лесных кварталах, лесосеках и т. п. в реестр учета древесины и сделок с ней, а именно: правила учета древесины, сделок с ней и отчетности; требования к учету машин и оборудования, используемых для рубки, вывоза и переработки древесины; объекты лесоперерабатывающей инфраструктуры, порядок внесения сведений о складах, предприятиях и путях транспортировки древесины; формат внесения сведений в лесной реестр; взаимо-

¹⁰ О разъяснении : письмо Рослесхоза от 20.03.2023 № ИС-06-54/6021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Об утверждении Правил ведения государственного лесного реестра : постановление Правительства РФ от 25.08.2023 № 1378 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2025).

действие государственных органов с иными участниками отношений.

Государственным оператором ведения лесного реестра выступает Федеральное агентство лесного хозяйства. Реестр ведется в электронной форме с применением специальных информационных систем. Все данные постоянно хранятся в реестре, их удаление или изменение возможно только по специальным процедурам. Регламентируется строгий контроль за качеством и полнотой предоставляемых сведений, что обеспечивается регулярными проверками и аудитом. Постановление Правительства РФ от 25 августа 2023 г. № 1378 служит ключевым руководством для органов государственной власти и других лиц, участвующих в управлении лесными ресурсами и операциях с древесиной в России.

В соответствии с приказом Минприроды России от 14 октября 2022 г. № 687¹² в составе сведений, включаемых в таксационное описание лесосеки, содержится информация о номере лесотаксационного выдела, площади выдела в гектарах, площади лесосеки на выделе, составе лесного насаждения, номере яруса лесного насаждения, высоте яруса в метрах, породе, возрасте насаждения в годах, высоте насаждения в метрах, бонитете насаждения и прочие показатели.

Описание лесосеки оформляется юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, ведущим лесохозяйственную деятельность, в электронном виде, подписывается цифровой подписью и отправляется в государственные структуры для утверждения.

Формат представления электронных данных регламентирован стандартом XML, установленным Министерством природных ресурсов и экологии РФ. Данные передаются в ЛесЕГАИС. Проверка соответствия осуществляется государственными структурами путем сравнения информации, представленной в описании, с реальной ситуацией на участке леса. Несоответствие фиксируется, если обнаруживаются значительные различия, напри-

12 Об утверждении состава сведений, включаемых в таксационное описание лесосеки, порядка составления таксационного описания лесосеки, требований к его формату в электронной форме, порядка определения несоответствия таксационного описания информации о фактическом состоянии лесосеки, формы таксационного описания лесосеки : приказ Минприроды России от 14.10.2022 № 687 (ред. от 02.04.2025) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2025).

мер, в возрасте деревьев, составе древостоя или объеме древесины.

Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 19 марта 2025 г. № 115¹³ регулирует порядок формирования и представления отчетности об использовании лесов. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 18 марта 2025 г. № 112¹⁴ утверждает ряд положений, касающихся отчетности о воспроизводстве лесов и лесоразведении. В соответствии с приказом № 112 требуется предоставление материалов фотофиксации проведенных мероприятий с указанием особенностей и условий съемки (не позднее 30 дней после завершения работ, в дневное время, отсутствие осадков и туманов). Установлены требования к формированию отчета в электронном виде, использование формата XML и спецификации XSD.

Постановлением Администрации городского округа г. Уфа Республики Башкортостан от 14 июня 2024 г. № 821¹⁵ утвержден порядок создания и упразднения лесничеств, создаваемых в их составе участков лесничеств, расположенных на землях городского округа г. Уфа, а также порядок установления и изменения их границ. Согласно указанному постановлению решение о создании и упразднении лесничеств в границах городского округа г. Уфа принимает Комиссия по вопросам создания, упразднения лесничеств. Она также

13 Об утверждении перечня информации, включаемой в отчет об использовании лесов, порядка фиксации этой информации, формы и порядка представления отчета об использовании лесов, а также требований к формату отчета об использовании лесов в электронной форме : приказ Минприроды России от 19.03.2025 № 115 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2025).

14 Об утверждении перечня информации, включаемой в отчет о воспроизводстве лесов и лесоразведении, порядка фиксации этой информации, формы и порядка представления отчета о воспроизводстве лесов и лесоразведении, а также требований к формату отчета о воспроизводстве лесов и лесоразведении в электронной форме : приказ Минприроды России от 18.03.2025 № 112 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2025).

15 Об утверждении Порядка создания, упразднения лесничеств, создаваемых в их составе участков лесничеств, расположенных на землях городского округа г. Уфа Республики Башкортостан, установлении и изменении их границ : постановление Администрации городского округа г. Уфа Республики Башкортостан от 14.06.2024 № 821 (ред. от 22.04.2025) [Электронный ресурс] // Администрация городского округа г. Уфа Республики Башкортостан : сайт <https://ufacity.info> (дата обращения: 14.10.2025).

устанавливает и изменяет границы участковых лесничеств в границах земель городского округа. Основанием для принятия решений о создании лесничества и установлении его границ является наличие соответствующих документов территориального планирования и градостроительного зонирования.

Процедура принятия решений состоит из следующих этапов: 1) создание комиссии для рассмотрения заявлений и документации; 2) формирование обосновывающих материалов специализированными организациями; 3) согласование проектов с различными органами власти и учреждениями. Основаниями для проведения этой процедуры являются необходимость изменения границ в рамках мероприятий по улучшению состояния городской среды, а также изменения в территориальном планировании и градостроительном зонировании.

Процедура изменения границ состоит из трех этапов: 1) представление заявителем обосновывающих материалов; 2) анализ представленных материалов комиссией; 3) принятие решения о возможности изменения границ. Постановлением Администрации городского округа г. Уфа № 821 регулируются процессы создания, упразднения и изменения границ лесничеств в городском округе г. Уфа, обеспечиваются прозрачность и законность данных процессов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На стыке юридической практики, экологического управления и развития цифровых технологий изменяются требования к процессам, участниками которых являются организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность в сфере лесопользования. Существует необходимость дальнейшего совершенствования цифровых инструментов и законодательных инициатив для более эффективного и устойчивого управления природными ресурсами Российской Федерации.

Согласимся с мнением Г.Д. Русецкой о том, что переход к цифровизации лесной отрасли – первоочередное условие движения к устойчивому развитию лесного хозяйства [14, с. 512]. По мнению Е.А. Нигай, создание цифровой лесохозяйственной платформы может значительно повысить эффективность работы органов власти в сфере лесопользования за счет широкого внедрения новых цифровых технологий, таких как сквозные технологии и инновационные рыночные бизнес-модели,

обеспечивая эффективное взаимодействие заинтересованных сторон в процессе управления лесами [15, с. 448]. Предлагаем учитывать опыт зарубежных стран в российской практике цифровизации лесостроительства и лесопользования. Так, Ю.В. Вертакова [16, с. 51] предлагает рассмотреть «бразильскую теоретическую концепцию» для адаптации самых продуктивных элементов к российским условиям.

Принятые государственные программы по цифровизации российской экономики обуславливают острую необходимость в завершении работы по внесению пространственных данных об объектах недвижимости, где природные ресурсы составляют определяющую часть современной российской экономики. Введением цифровых реестров природных ресурсов государство выполняет важнейшую функцию управления природопользованием. Под управлением природными ресурсами следует понимать процесс предоставления в пользование природных объектов в целях ведения предпринимательской деятельности с использованием природных ресурсов. Важно отметить, что принятые изменения действующего природо-ресурсного законодательства, а также современные государственные программы нацелены на стимулирование развития неуглеродной экономики, а именно экономики сельского и лесного хозяйства, включая развитие внутреннего туризма и рекреации. В этой связи цифровые технологии, применение искусственного интеллекта в сфере учета и государственного управления природными ресурсами выходят на первый план в процессе цифровизации природопользования. Государственная программа «Развитие лесного хозяйства» и Стратегия развития лесного хозяйства до 2030 г. не представляются осуществимыми без эффективного сочетания методов административно-правового регулирования со сквозными цифровыми технологиями сбора и обработки базы данных. Эту работу предстоит провести в условиях действия разрозненных нормативно-регламентирующих документов (Порядок ведения государственного лесного реестра, Порядок проведения государственной инвентаризации лесов). Применение новых цифровых технологий и цифровых продуктов в лесостроительстве и лесопользовании может стать передовым методом сбора и обработки сквозных баз данных по лесостроительству и лесопользованию, которые должны коррелироваться с базами других цифровых реестров, включая НСПД.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тищенко С.В. Цифровизация деятельности органов публичной власти в современной России / С.В. Тищенко, О.В. Брагова, А.В. Кирсанова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2025. – № 1. – С. 40–43.
2. Жаворонкова Н.Г. Правовые аспекты цифровизации лесной отрасли / Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4 (14). – С. 77–83.
3. Заславская Н.М. Общая характеристика экологического законодательства в контексте цифровизации государственного экологического управления / Н.М. Заславская // Экологическое право. – 2023. – № 6. – С. 10–16.
4. Елисеева Е.Н. Цифровой потенциал лесопромышленного комплекса России: тенденции и вызовы / Е.Н. Елисеева, А.В. Зинькова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 5 (175). – С. 107–116.
5. Мещерякова В.В. Некоторые аспекты цифровизации лесных правоотношений / В.В. Мещерякова // Актуальные вопросы публичного права : материалы XX Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 11–12 ноября 2021 г. Вып. 20. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2021. – С. 303–308.
6. Матвеев С.М. Цифровые технологии в лесной отрасли / С.М. Матвеев, В.А. Славский, А.В. Мироненко // Цифровые технологии в лесной отрасли : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 19–20 мая 2022 г. – Воронеж : Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2022. – С. 8–13.
7. Морковина С.С. Организация комплексного использования лесных ресурсов на цифровой основе / С.С. Морковина, А.Н. Топчеев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 125–136.
8. Жаворонкова Н.Г. Цифровизация экологического права и возможности использования искусственного интеллекта / Н.Г. Жаворонкова, Н.П. Воронина // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 8. – С. 155–164.
9. Секретарева К.Н. Цифровизация охраны окружающей среды / К.Н. Секретарева // Хроноэкономика. – 2020. – № 6. – С. 59–61.
10. Каткова Т.Е. Цифровые решения в экономике и управлении использованием лесов / Т.Е. Каткова, Р.В. Баукин // Актуальные проблемы лесного комплекса. – 2024. – № 65. – С. 222–224.
11. Носков В.А. Подходы к цифровой трансформации лесного хозяйства России с учетом зарубежного опыта / В.А. Носков // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2024. – № 4. – С. 237–260.
12. Румянцев Ф.П. Проблемы внедрения цифровизации в регулирование лесных правоотношений / Ф.П. Румянцев // Юридическая наука и практика в условиях современных вызовов : материалы Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 25–26 ноября 2021 г. / под ред. Е.Е. Черных, М.В. Барановой. Ч. 1. – Москва : Русайнс, 2022. – С. 98–103.
13. Абанина Е.Н. Цифровизация лесного комплекса России в целях устойчивого развития / Е.Н. Абанина // LegalTech: научные решения для профессиональной юридической деятельности : сборник докладов IX Московского юридического форума : в 4 ч. – Москва : Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – Ч. 2. – С. 199–202.

REFERENCES

1. Tishchenko S.V., Bragova O.V., Kirsanova A.V. Digitalization of the Activities of Public Authorities in Modern Russia. *State Power and Local Self-Government*, 2025, no. 1, pp. 40–43. (In Russian).
2. Zhavoronkova N.G., Shpakovsky Yu.G. Legal Aspects of Digitalization of the Forest Industry. *Law and Digital Economy*, 2021, no. 4 (14), pp. 77–83. (In Russian).
3. Zaslavskaya N.M. General Characteristics of Environmental Legislation in the Context of Digitalization of State Environmental Management. *Environmental Law*, 2023, no. 6, pp. 10–16. (In Russian).
4. Eliseeva E.N., Zinkova A.V. The Digital Potential of the Russian Timber Industry: Trends and Challenges. *Regional Problems Economic Transformation*, 2025, no. 5 (175), pp. 107–116. (In Russian).
5. Meshcheryakova V.V. Some Aspects of Digitalization of Forest Legal Relations. *Current Issues of Public Law. Proceedings of the 20th All-Russian Scientific Conference of Students and Young Scientists, Yekaterinburg, November 11–12, 2021*. Ural State Law University Publ., 2021, pp. 303–308. (In Russian).
6. Matveev S.M., Slavsky V.A., Mironenko A.V. Digital Technologies in the Forestry Industry. *Digital Technologies in the Forestry Industry. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 19–20, 2022*. Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov Publ., 2022, pp. 8–13. (In Russian).
7. Morkovina S.S., Topcheev A.N. Organization of Integrated Use of Forest Resources on a Digital Basis. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 125–136. (In Russian).
8. Zhavoronkova N.G., Voronina N.P. Digitalization of Environmental Law and Possibilities for Artificial Intelligence Implementation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2025, no. 8, pp. 155–164. (In Russian).
9. Sekretareva K.N. Digitalization of Environmental Protection. *Chronoeconomics*, 2020, no. 6, pp. 59–61. (In Russian).
10. Katkova T.E., Baukin R.V. Digital Solutions in Economics and Forest Management. *Actual Problems of the Forest Complex*, 2024, no. 65, pp. 222–224. (In Russian).
11. Noskov V.A. Approaches to the Digital Transformation of Russian Forestry, Taking into Account Foreign Experience. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2024, no. 4, pp. 237–260. (In Russian).
12. Rumyantsev F.P. Problems of Introducing Digitalization into the Regulation of Forest Legal Relations. In Chernykh E.E., Baranova M.V. (eds.). *Legal Science and Practice in the Context of Modern Challenges. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, November 25–26, 2021*. Moscow, Rusains Publ., 2022, pt. 1, pp. 98–103. (In Russian).
13. Abanina E.N. Digitalization of the Russian Forestry Complex for the Purposes of Sustainable Development. *LegalTech: Scientific Solutions for Professional Legal Activity. Collection of Reports from the 9th Moscow Legal Forum*. O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Publ., 2022, pt. 2, pp. 199–202. (In Russian).
14. Rusetskaya G.D. Implementation of the Concept of Sustainable Development in Forest Management. *Bulletin of Baikal State University*, 2022, vol. 32, no. 3, pp. 512–526. (In Russian).

14. Русецкая Г.Д. Реализация концепции устойчивого развития в управлении лесным хозяйством / Г.Д. Русецкая // Известия Байкальского государственного университета. – 2022. – Т. 32, № 3. – С. 512–526.

15. Нига́й Е.А. Цифровые платформенные решения в сфере государственного управления лесным хозяйством: тенденции и перспективы / Е.А. Нига́й, И.А. Никулин // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 3 (47). – С. 445–448.

16. Вертакова Ю.В. Совершенствование системы государственного управления лесами с учетом зарубежного опыта и российской практики цифровизации лесоустройства и лесопользования / Ю.В. Вертакова, О.А. Крыжановская, А.В. Евченко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 46–62.

15. Nigay E.A., Nikulin I.A. Digital Platform Solutions in the Field of Public Forestry Management: Trends and Prospects. *Natural-Humanitarian Research*, 2023, no. 3 (47), pp. 445–448. (In Russian).

16. Vertakova Yu.V., Kryzhanovskaya O.A., Evchenko A.V. Improving the System of State Forest Management Taking into Account Foreign Experience and Russian Practice of Digitalization of Forest Growth and Management. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 46–62. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гиззатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, профессор заведующий кафедрой экологического и трудового права Института права;

Владимиров Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и трудового права Института права;

Иксанов Радмир Аузагиевич – старший преподаватель кафедры теории государства и права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gizatullin Ravil Khasanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Environmental and Labor Law of the Institute of Law;

Vladimirov Igor Alexandrovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor at the Department of Environmental and Labor Law of the Institute of Law;

Iksanov Radmir Auzagievich – Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 12.10.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 17.11.2025. The article was submitted 12.10.2025; approved after reviewing 06.11.2025; accepted for publication 06.11.2025.

Научная статья
УДК 342.736
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.4

Original article

ГОРБАЧЕВА Светлана Вячеславовна
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Нижний Новгород, Россия,
sv.gor.v@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5640-4392>

GORBACHEVA Svetlana Vyacheslavovna
Nizhny Novgorod Branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Nizhny Novgorod, Russia

ВИДЫ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН И РЕАЛИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

TYPES OF CITIZEN APPEALS AND THE REALITIES OF A DIGITAL SOCIETY

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровых технологий, которые существенно меняют формы взаимодействия граждан с публичной властью. В условиях цифровой трансформации важно понять, как новые коммуникационные инструменты влияют на реализацию конституционного права на обращение. Рост электронных форм участия граждан требует своевременной адаптации правового регулирования и переосмысления роли государства в цифровой коммуникации. В статье рассматриваются виды обращений граждан в органы публичной власти в контексте цифрового общества, анализируется влияние процессов цифровизации на реализацию конституционного права граждан на обращение. Цель исследования – классифицировать обращения граждан и охарактеризовать изменения института обращений под воздействием современных информационно-коммуникационных технологий. Основным методом исследования является формально-юридический (догматический), использованный при изучении нормативных правовых актов (прежде всего, Федерального закона об обращениях граждан) и официальных разъяснений. Дополнительно применялись системно-структурный подход (для типологии и классификации обращений) и сравнительно-правовой метод – в части изучения опыта реализации права на обращение в электронной форме в других государствах. Результаты: сформулирован вывод о положительном потенциале электронных обращений (включая электронные петиции через интернет-платформы и обращения посредством портала госуслуг) для повышения открытости и эффективности диалога представителей государственных органов с обществом; обозначены проблемы, требующие решения, в том числе нормативного урегулирования коллективных обращений, обеспечения информационной безопасности и

Abstract. The relevance of this research stems from the rapid development of digital technologies, which are significantly transforming the forms of interaction between citizens and public authorities. In the context of digital transformation, it is important to understand how new communication tools affect the implementation of the constitutional right to appeal. The growth of electronic forms of citizen participation requires timely adaptation of legal regulation and a reconsideration of the state's role in digital communication. The article examines the types of citizen appeals to public authorities in the context of a digital society and analyzes the digitalization processes impact on the implementation of the constitutional right of citizens to appeal. The purpose of the study is to classify citizen appeals and characterize the changes in the institution of appeals under the influence of modern information and communication technologies. The main method of research is formal legal (dogmatic), used in the study of normative legal acts (primarily the Federal Law on Citizen Appeals) and official explanations. Additionally, the system-structural approach is applied (for the typology and classification of appeals), and the comparative legal method is used – in terms of studying the experience of implementing the right to appeal in electronic form in other states. Results: The article concludes that electronic appeals have a positive potential (including electronic petitions via online platforms and appeals through the government services portal) for enhancing the openness and effectiveness of dialogue between government representatives and society. It also identifies issues requiring solutions, including the regulatory framework for collective appeals, ensuring information security, and considering the interests of citizens who lack access to electronic services. The main findings indicate that digital

учета интересов граждан, не имеющих доступа к электронным сервисам. Основные выводы свидетельствуют о том, что цифровая трансформация расширяет возможности граждан по реализации права на обращение, одновременно ставя перед государством задачу адаптации правовых механизмов и инфраструктуры к реалиям электронной демократии.

Ключевые слова: обращения граждан, электронные обращения, электронные петиции, портал госуслуг, электронное правительство, цифровое общество, прямое участие

Для цитирования: Горбачева С.В. Виды обращений граждан и реалии цифрового общества / С.В. Горбачева. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 32–44.

transformation empowers citizens in exercising their right to appeal, while simultaneously posing a challenge for the state to adapt its legal mechanisms and infrastructure to the realities of e-democracy.

Keywords: citizen appeals, electronic appeals, electronic petitions, government services portal, e-government, digital society, direct participation

For citation: Gorbacheva S.V. Types of Citizen Appeals and the Realities of a Digital Society. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 32–44. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.4.

ВВЕДЕНИЕ

Право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления является важнейшей гарантией участия населения в управлении делами государства. Это конституционное право закреплено в ст. 33 Основного закона. Через институт обращений обеспечивается связь между обществом и публичной властью, реализация других прав и свобод, защита законных интересов граждан.

В современных условиях становления цифрового общества наблюдается рост числа обращений граждан, особенно подаваемых в электронной форме. Так, С.П. Степкин отмечает, что ежегодно объем корреспонденции, поступающей в государственные органы, неуклонно увеличивается. Это требует соответствующей цифровой реформы процесса рассмотрения обращений для повышения его эффективности [1, с. 80].

Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в сферу государственного управления привело к появлению новых форм взаимодействия граждан и власти. Сегодня граждане могут направлять свои заявления, жалобы и предложения не только при личном приеме или почтовым письмом, но и через специализированные интернет-порталы и платформы. Появился феномен электронных обращений, включая электронные петиции, которые становятся

проявлением непосредственной электронной демократии. По мнению исследователей, электронные петиции получили широкое распространение и рассматриваются как действенный механизм общественного диалога власти и общества в информационную эпоху [2, с. 2].

Вместе с тем цифровизация ставит новые вопросы перед правовым регулированием: обеспечение аутентификации заявителей, защита персональных данных, недопущение злоупотреблений и спама, преодоление цифрового неравенства между гражданами, имеющими и не имеющими доступ к электронным сервисам.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ВИДЫ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН

В российском законодательстве термин «обращения граждан» охватывает различные по содержанию и форме волеизъявления, направленные в адрес публичной власти. В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – закон № 59-ФЗ) обращение гражданина представляет собой направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу письменные предложения, заявления или жалобы, а также устные обращения гражданина (в ходе личного приема)¹. Данное определение

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

устанавливает три основных вида письменных обращений по содержанию: предложение, заявление и жалоба. Под предложением понимается совет или инициатива гражданина по улучшению работы органов власти либо по совершенствованию законодательства; заявление подразумевает просьбу гражданина о содействии в реализации его прав либо сообщение о фактах нарушения закона; жалоба содержит указание на нарушение прав или законных интересов гражданина со стороны должностных лиц или органов власти и требование о восстановлении нарушенных прав.

Следует отметить, что право на обращение носит всеобщий характер: обратиться может как индивидуальный заявитель, так и группа лиц коллективно, а также организации. Коллективные обращения (подписанные несколькими гражданами) прямо упомянуты в Конституции РФ и федеральном законодательстве. Хотя порядок их рассмотрения законом № 59-ФЗ специально отдельно не регламентирован, они принимаются к рассмотрению в общем порядке. По сути, коллективное обращение обладает той же юридической силой, что и индивидуальное, однако сопровождается несколькими подписями и может выражать консолидированную позицию группы граждан. С точки зрения субъекта обращения А.В. Савоськин выделяет индивидуальные обращения граждан, коллективные обращения группы граждан, а также обращения объединений граждан или юридических лиц, каждое из которых имеет свои особенности процедуры и мотивации [3, с. 406]. Данная классификация подчеркивает разнообразие носителей права на обращение и необходимость учитывать природу субъекта волеизъявления при правовом анализе.

Форма обращения – еще один критерий типологии. Закон различает устные обращения (реализуемые главным образом на личном приеме граждан) и письменные – как традиционные бумажные письма, отправленные по почте либо поданные с нарочным, так и обращения в форме электронного документа. Изначально в тексте закона № 59-ФЗ электронная форма упоминалась лишь вскользь, не раскрывая порядок подачи электронных обращений. Однако на практике уже в 2000-е годы органы власти начали создавать собственные

электронные приемные на официальных сайтах, что предвосхитило развитие нормативной базы. И.Е. Бочкарев справедливо отметил еще в 2015 г., что реализация конституционного права на обращение посредством электронного документа требует адекватного правового обеспечения, в противном случае у граждан могут возникать сложности с направлением своих обращений через современные средства связи [4, с. 18]. В последующие годы законодатель постепенно совершенствовал нормы: были уточнены требования к электронному обращению, его юридическая сила приравнена к письменному, установлен порядок регистрации и рассмотрения.

Таким образом, можно выделить следующие основные виды обращений граждан:

– по субъекту: индивидуальные, коллективные; от физических лиц и от организаций (юридических лиц). Индивидуальные обращения выражают личные интересы заявителя, коллективные – это общее обращение групп лиц по значимому для них вопросу;

– по содержанию: предложения (инициативы), заявления (просьбы), жалобы (требования о восстановлении нарушенных прав). На практике также встречаются разновидности, не поименованные напрямую в законе, но упоминаемые в научной литературе: петиции – коллективные обращения с требованием решения общественно значимой проблемы, информационные запросы граждан (о получении информации), ходатайства (просьбы о поощрении, награждении либо предоставлении статуса) и др. Условно их можно отнести к форме заявления;

– по форме подачи: устные (реализуемы лично в ходе приема или, теоретически, по телефону), письменные на бумаге, электронные. Последние, в зависимости от используемого канала, могут быть поданы через электронную почту, официальные сайты органов, через Единый портал государственных и муниципальных услуг и другие информационные системы.

Каждый вид и форма обращения имеет свои особенности процедуры. Закон № 59-ФЗ устанавливает единые сроки и требования для рассмотрения обращений. Так, письменное обращение подлежит регистрации в течение 3 дней с момента поступления, а общий срок рассмотрения не может превышать 30 дней

со дня регистрации (в отдельных случаях он может продлеваться, но не более чем на 30 дней дополнительно). Данные сроки распространяются и на обращения, поступившие в электронном виде. Органы власти обязаны дать заявителю письменный ответ по существу поставленных вопросов. Наличие четко установленных сроков и процедур способствует прозрачности и ответственности должностных лиц при работе с обращениями граждан.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об анонимных обращениях. Закон № 59-ФЗ устанавливает, что обращение обязательно должно содержать фамилию заявителя и почтовый адрес или адрес электронной почты, по которому должен быть направлен ответ (ст. 7). Обращения, не содержащие данных о заявителе (то есть фактически анонимные), не подлежат рассмотрению. Эта норма мотивирована необходимостью пресечения злоупотреблений (например, массовой рассылки одинаковых анонимных жалоб) и обеспечения возможности обратной связи с заявителем. На практике вопрос об идентификации автора обращения приобретает особую значимость именно в цифровой среде, когда гражданин может отправить электронное сообщение без надлежащей электронной подписи или авторизации. Ученые указывают на целесообразность нормативного закрепления понятия «анонимное обращение» и механизмов проверки подлинности автора электронного послания. С развитием Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) при подаче обращений через портал госуслуг проблема во многом решается, поскольку личность заявителя подтверждается через учетную запись, которая дает гарантию установления личности заявителя и повышает ответственность органов власти за рассмотрение обращения, полученного из такого источника.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЩЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Цифровизация государственного управления изменила традиционную практику работы с обращениями граждан. Появление электронных каналов коммуникации позволило гражданам обращаться в органы власти быстро и без затрат времени. В Российской Фе-

дерации развитие электронных обращений происходило поступательно: от создания интернет-приемных на сайтах государственных органов в 2000-х годах к формированию комплексных государственных платформ для общения с гражданами в 2010-х и 2020-х годах.

Сначала каждая государственная структура самостоятельно внедряла механизмы приема электронных сообщений от граждан. Были созданы специальные разделы на официальных сайтах – интернет-приемные, где гражданин может заполнить веб-форму для отправки обращения. Например, с 2007 г. функционирует интернет-приемная Президента РФ, через которую ежегодно поступают сотни тысяч обращений граждан к главе государства. Аналогичные онлайн-приемные появились у Правительства РФ, Федерального Собрания, министерств и ведомств, а также у администраций регионов и муниципалитетов. Эти каналы получили широкое распространение благодаря доступности интернета: граждане могут обратиться в любое ведомство не выходя из дома.

Однако разрозненный характер этих сервисов создает определенные неудобства. Нет единых требований к форме обращения, порядку авторизации пользователя, формату ответа. Отсутствие унифицированного подхода затрудняет централизованный учет и анализ обращений. С.П. Степкин подчеркивает, что применяемые сегодня технологии работы с обращениями граждан во многом несовершенны и не унифицированы, а потому назрела необходимость создания единой федеральной платформы подачи обращений и единой системы обработки обращений граждан [1, с. 76]. Реализовать это призвано развитие инфраструктуры электронного правительства.

Существенным шагом к централизации стала интеграция сервиса обращений с порталом «Госуслуги». Изначально он создавался для предоставления электронных государственных услуг, но постепенно его функционал расширился. Законодательно возможность подачи обращений через портал была закреплена в 2020–2021 гг., однако фактически внедрение произошло к 2023 г. С 1 сентября 2023 г. вступили в силу нормы, признавшие юридическую значимость обращений, поданных через портал. Гражданин, авторизованный че-

рез ЕСИА, может написать обращение в любой государственный орган, заполнив стандартную форму. Такое обращение автоматически направляется в нужное ведомство и подлежит рассмотрению на общих основаниях.

Самым радикальным новшеством в регулировании электронных обращений стали поправки, вступившие в силу с 30 марта 2025 г. Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 547-ФЗ были внесены изменения в закон № 59-ФЗ, согласно которым электронные обращения граждан принимаются государственными органами только через официальный портал или иные информационные системы, обеспечивающие идентификацию заявителя. Иными словами, отправка обращения на адрес электронной почты государственного органа больше не рассматривается как надлежащий способ подачи и не влечет обязанности его рассматривать. Допускается два основных электронных канала:

1) Единый портал государственных и муниципальных услуг – через встроенный сервис обратной связи;

2) официальные сайты органов власти или иные информационные системы – при условии, что на них реализована идентификация и аутентификация гражданина аналогично ЕСИА.

Такое нововведение призвано упорядочить поток электронных обращений, оградить органы власти от анонимных либо недостоверных сообщений и обеспечить удобство для заявителей. По сути, Единый портал государственных и муниципальных услуг становится универсальной точкой входа для всех обращений граждан в электронной форме. Платформа обратной связи на портале автоматически направит обращение в соответствующий федеральный или региональный орган власти. При этом гражданину обеспечивается возможность отслеживания статуса своего обращения в личном кабинете на портале, а ответ от органа власти может быть направлен в электронном виде (на портал и дублирован на электронную почту заявителя).

Следует отметить, что исключение адреса электронной почты из числа официальных каналов не означает запрета гражданину писать электронные письма, однако теперь такое письмо не будет считаться официальным

обращением. Гражданин вправе направить письменное обращение и на бумажном носителе либо посредством факса, спецсвязи и т. п. Новые правила не отменяют устные обращения: сохраняется возможность личного приема граждан должностными лицами, а также телефонных горячих линий (хотя телефонное обращение законом напрямую как отдельная форма не предусмотрено, оно фактически приравнивается к устному заявлению).

Реализация принципа «одного окна» для электронных обращений через портал госуслуг имеет множество преимуществ. Во-первых, гарантируется удостоверение личности заявителя (через верифицированную учетную запись). Во-вторых, обращения имеют унифицированную форму, что облегчает их обработку и классификацию. В-третьих, снижается риск несанкционированного доступа к содержаниям обращений, так как они передаются по защищенным каналам. Как отмечает В.В. Комарова, расширение электронных способов реализации политических прав граждан, к числу которых относится право на обращение, повышает прозрачность и подотчетность власти перед обществом, если подкреплено надежными техническими решениями [5, с. 69]. Неслучайно развитие электронного правительства и цифровых каналов участия граждан рассматривается как один из приоритетов государственной политики в России. А.С. Лолаева в этой связи подчеркивает, что дальнейшее совершенствование системы электронного правительства создает предпосылки для более широкого вовлечения населения в публичное управление, включая подачу обращений и петиционных предложений онлайн [6, с. 21].

Важной инициативой последних лет стало создание в регионах так называемых ЦУРов – центров управления регионом, которые среди прочего занимаются сбором и обработкой обращений и жалоб граждан, поступающих по различным каналам (портал, соцсети, горячие линии). Эти центры анализируют проблемы, на которые указывают граждане, и помогают руководству региона оперативно реагировать на них. Интеграция данных из официальных обращений через портал госуслуг и мониторинг неформальных обращений (в социальных сетях, на форумах) позволяют формиро-

вать комплексную картину общественных настроений и наиболее острых вопросов на местах. Тем самым институт обращений становится частью более широкой системы электронного участия граждан в управлении.

Наконец, говоря о современных технологиях, нельзя не упомянуть перспективы использования искусственного интеллекта и автоматизированных систем для работы с обращениями граждан. Уже сейчас в отдельных ведомствах внедрены автоматизированные системы документооборота, облегчающие регистрацию и маршрутизацию поступающей корреспонденции. Е.В. Терентьева провела анализ системы электронного документооборота в Правительстве Москвы. Она отмечает, что электронная обработка обращений позволила ускорить их рассмотрение и улучшить контроль за предоставлением ответов [7, с. 90]. В перспективе возможно использование технологий машинного обучения для предварительного категорирования обращений, выявления дубликатов, определения степени срочности и даже подготовки проектов ответов на типовые обращения. Такие инструменты могли бы существенно разгрузить чиновников и сократить сроки реагирования. В то же время алгоритмы должны быть настроены таким образом, чтобы сохранять индивидуальный подход, ведь каждое обращение уникально и содержит значимую для гражданина проблему.

Таким образом, реалии цифрового общества привели к тому, что электронные обращения стали неотъемлемой частью взаимодействия граждан с государством. Законодательная и организационная база постепенно адаптируется к этому: от множества разрозненных интернет-приемных мы перешли к централизованному portalу, внедряются новые технологии для анализа и обработки обращений.

Далее рассмотрим специфический вид обращений – общественные петиции, получившие развитие благодаря интернету, как особую форму коллективного обращения граждан.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПЕТИЦИИ КАК ФОРМА НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН

Одной из примечательных разновидностей обращений граждан, развившихся в цифровую эпоху, являются электронные петиции.

Петиция представляет собой коллективное обращение граждан к органам государственной или муниципальной власти с требованием решения определенного вопроса, имеющего общественное значение. В отличие от индивидуальных жалоб или заявлений, петиция всегда подразумевает сбор подписей – поддержку со стороны определенного количества граждан, разделяющих изложенное требование.

Правовая природа петиций двойка. С одной стороны, петиция – это, по сути, обращение (заявление или предложение), адресованное власти. С другой – форма осуществления гражданами права на участие в делах государства, элемент прямой демократии. В российском законодательстве специальные нормы о публичных петициях долгое время отсутствовали. Петиции не упоминаются напрямую в законе № 59-ФЗ, они рассматриваются как частный случай коллективного обращения. Тем не менее на практике возникла потребность в механизме, позволяющем гражданам коллективно заявлять инициативы и получать на них официальный ответ.

В 2013 г. по Указу Президента РФ был запущен проект «Российская общественная инициатива» (РОИ) – фактически первая государственная платформа для подачи электронных петиций. Портал РОИ позволяет гражданам после авторизации через портал госуслуг создавать петиции (инициативы) и собирать за них голоса поддержки. Порог для вынесения инициативы на рассмотрение составляет 100 тысяч голосов граждан в течение определенного времени (обычно одного года). Набравшие порог инициативы направляются на экспертизу в Правительство РФ или региональные органы власти (если вопрос регионального значения). Следует отметить, что РОИ изначально имела консультативный характер – положительное рассмотрение не было гарантировано даже при сборе необходимого числа голосов. Тем не менее сам факт появления данного института стал важным шагом к вовлечению граждан в нормотворческий процесс в электронной форме.

Опыт работы РОИ выявил как достижения, так и проблемы. С одной стороны, на этой платформе за несколько лет были опубликованы тысячи инициатив, некоторые из них получили широкую поддержку и при-

вели к реальным изменениям (например, инициатива об отмене транспортного налога для электромобилей, получившая свыше 100 тысяч голосов, была учтена в законодательстве). С другой стороны, значительная часть даже поддержанных инициатив отклонялась экспертными рабочими группами, что порождало критику в адрес системы. Тем не менее, как отмечает И.С. Широков, уникальной особенностью РОИ является установленный порог голосов и обязательство рассмотреть инициативу при его достижении [8, с. 49]. При этом на практике решения принимаются и по обращениям, набравшим значительно меньше подписей. Например, петиция «Отменить постановление Правительства Республики Дагестан № 344 от 22.11.2016» была поддержана лишь пятью пользователями, но по ней тем не менее принято положительное решение – факт, свидетельствующий о том, что даже небольшие по поддержке онлайн-инициативы могут быть результативными. Данный пример показывает, что в некоторых случаях органы власти реагируют не столько на количество голосов, сколько на объективную обоснованность поднятой проблемы.

Помимо РОИ, в России функционируют и иные платформы для петиций. К наиболее известным относится международная платформа Change.org, активно используемая российскими гражданами для обращения к власти по самым разнообразным вопросам. Юридически петиции на Change.org не обязывают российские органы власти реагировать, однако в информационном плане они могут привлекать внимание общества и чиновников. Исследование Н.К. Радиной и Д.А. Крупной, охватывающее более 22 тысяч петиций, созданных российскими пользователями на Change.org в 2012–2017 гг., показало, что онлайн-петиции отражают острые социальные нужды и способны побуждать власть и бизнес к решению проблем на местах. Авторы пришли к выводу, что на популярной негосударственной платформе петиции все же оказывают определенный «офлайн-эффект» – темы наиболее поддержанных петиций коррелируют с реальными потребностями населения и могут стимулировать реакцию властей, особенно на региональном уровне [3, с. 125].

Следует упомянуть российские сайты, созданные энтузиастами для сбора петиций, например OnlinePetition.ru, Demokrator (ранее существовавший проект), а также ресурсы отдельных ведомств и политических партий. Так, существуют онлайн-формы для обращения в крупные политические партии, по сути, выполняющие роль петиций к партийным лидерам. Государственная Дума РФ на своем сайте также принимает электронные обращения, адресованные конкретным депутатам, что можно рассматривать как форму петиционного обращения к парламентариям.

Важно отметить, что электронная петиция как гражданская инициатива зачастую выходит за рамки формата, установленного законом № 59-ФЗ. Если обычное обращение всегда предполагает конкретного адресата (конкретный орган или должностное лицо) и индивидуальный ответ заявителю, то петиция носит публичный характер, обращена не только к власти, но и к обществу, собирает публичную поддержку. Петиция обычно открыта для ознакомления и подписания всеми желающими, ответ на нее имеет общественное значение. Поэтому нормативное регулирование петиций может отличаться.

В ряде стран (США, Великобритания, Германия, Франция и др.) существуют официальные правительственные или парламентские порталы петиций, где установлены свои правила (порог голосов для рассмотрения, сроки ответа и т. д.). В России же институт петиций пока не получил отдельного законодательного оформления: РОИ действует на основании Указа Президента РФ, иные платформы – на основании собственных правил. Тем не менее петиции вписываются в конституционное право на обращение граждан, являясь его коллективной формой.

Электронные петиции стали важным инструментом непосредственной демократии в цифровом обществе. Их преимущества: наглядность общественной поддержки инициативы (количество подписей), широкое распространение информации о проблеме через интернет, возможность для граждан самостоятельно инициировать изменения. Недостатки и риски тоже присутствуют: случаи так называемого «слактивизма» (когда граждане выражают свою позицию лишь кликом «подпи-

сать», не предпринимая реальных действий), возможность накруктки подписей, трудности верификации участников на независимых платформах и т. д. И все же аналитики отмечают, что при правильной организации система петиций способна повысить уровень вовлеченности населения и доверие к власти. На государственном уровне это требует, по мнению экспертов, создания условий для результативности петиций, то есть официально реагировать на наиболее популярные инициативы, публично разъяснять позицию властей по поднятым вопросам, а по возможности – внедрять предложения граждан. Н.К. Радина и Д.А. Крупная пришли к выводу, что онлайн-петиции в современных условиях действительно могут влиять на принятие политических решений, особенно если они затрагивают конкретные потребности населения и получают общественную поддержку [9, с. 126].

Подводя итог, отметим, что электронные петиции в России пока имеют гибридный правовой статус: как обращение граждан они защищены конституционным правом на обращение и подлежат рассмотрению (особенно если направляются через официальные каналы типа РОИ), но специального закона о петициях нет. В то же время реалии цифрового общества таковы, что петиции фактически стали частью общественно-политического процесса. Государство постепенно интегрирует этот институт в свою деятельность. Например, созданием официальных площадок и учетом наиболее значимых инициатив. В перспективе возможно закрепление процедуры рассмотрения петиций на законодательном уровне, что придало бы этой форме общественного участия больший вес.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Несмотря на безусловные преимущества, которые принесла цифровизация в сферу обращений граждан (ускорение и упрощение подачи, расширение аудитории, прозрачность), возникли новые проблемы и вызовы, требующие осмысления и решения.

1. Обеспечение доступа и преодоление цифрового неравенства. Не все категории граждан используют электронные сервисы.

Значительная часть пожилых людей, жителей отдаленных или сельских территорий может испытывать трудности с доступом в интернет или недостаточно разбираться в современных технологиях. Если органы власти будут ориентироваться исключительно на электронные формы взаимодействия, существует риск ущемления прав тех, кто по тем или иным причинам не может ими воспользоваться. Российское законодательство сохранило альтернативные варианты – письменные и устные обращения – именно с целью обеспечить универсальность права на обращение. Однако в долгосрочной перспективе государству важно реализовывать программы повышения цифровой грамотности населения, обеспечения доступа к интернету во всех населенных пунктах. Как отмечается в Стратегии развития информационного общества, одним из приоритетов является обеспечение свободного и безопасного взаимодействия граждан и государства с помощью современных технологий². Решение этой задачи делает электронные обращения по-настоящему всеобщим инструментом.

2. Идентификация заявителей и борьба с дублирующими/ложными обращениями. Анонимные обращения, согласно закону, не рассматриваются, однако в цифровой среде возможно массовое создание псевдообращений от вымышленных лиц или с фальшивыми контактными данными. До введения обязательной авторизации через портал госуслуг органы власти нередко сталкивались с потоками однотипных сообщений с несуществующих электронных адресов. С переходом на подачу через ЕСИА эта проблема должна решиться, поскольку каждый гражданин фактически подписывает свое электронное обращение идентифицированной учетной записью. Однако остаются коллективные интернет-кампании, когда тысячи граждан одновременно направляют индивидуальные обращения по шаблону (так называемые организованные рассылки обращений). Формально каждое из них должно регистрироваться и рассматриваться отдельно, что создает высокую нагрузку на ведомства. Требуется совер-

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шенствование механизмов обработки массовых обращений, возможно, объединение их в группы по содержанию и подготовка одного обобщенного ответа на сходные обращения (с направлением каждому заявителю). Кроме того, актуальна задача фильтрации заведомо недостоверных сообщений. Здесь на помощь могут прийти автоматизированные системы, способные распознавать спам и блокировать его. Но применение таких систем должно быть осторожным, чтобы не отбросить ошибочно подлинное обращение.

3. Сроки рассмотрения и обратная связь. Граждане в цифровую эпоху ожидают более оперативной реакции от государства. Если электронное письмо может прийти за секунды, то почему ответ чиновника нужно ждать до 30 дней? Конечно, сложность вопросов часто не позволяет отвечать мгновенно, но есть запрос общества на ускорение бюрократических процедур. Органы власти уже практикуют отправку промежуточных уведомлений заявителям (например, о получении обращения, о перенаправлении по компетенции, о продлении срока рассмотрения), что создает эффект постоянной связи. При этом нередки случаи формальных отписок или несвоевременных ответов. Цифровые технологии позволяют гражданину самому отслеживать судьбу своего обращения (например, через трекинг-номер на портале госуслуг видно стадию рассмотрения). Это дисциплинирует чиновников. Но требуется и повышение культуры взаимодействия – чтобы ответы были не формальными. Одной из метрик эффективности может стать степень удовлетворенности граждан полученными ответами, что можно выяснять через опросы на том же портале после закрытия обращения.

4. Информационная безопасность и конфиденциальность. Обращения граждан часто содержат персональные данные, а подчас и чувствительную информацию (например, сведения о состоянии здоровья, жалобы на незаконные действия должностных лиц и др.). Перевод обращений в электронную форму ставит вопрос защиты этих данных от утечки. Случаи неправомерного доступа или взлома систем электронных обращений могут нанести ущерб гражданам, подорвать доверие к самому институту. С.С. Чаннов указывает

на правовые угрозы, связанные с использованием информационных систем в государственном управлении, включая риски несанкционированного доступа и недостаточной защищенности данных [10, с. 50]. Поэтому при создании единой платформы обращений особое внимание уделяется кибербезопасности: применяются средства шифрования, строгая система разграничения доступа чиновников к тем или иным обращениям, аудит действий пользователей системы. Соблюдение требований закона о персональных данных является обязательным – персональные сведения заявителей не должны разглашаться без их согласия. В контексте электронных петиций это тоже актуально: на многих платформах (например, на сайте РОИ) пользователь может выбрать, показывать ли публично свое имя при подписании петиции, и организаторы обязаны обеспечить эту возможность.

5. Доверие граждан к электронным инструментам. Хотя технически электронные каналы делают процесс обращения удобнее, доверие – ключевой фактор их эффективности. Если граждане убеждены, что их онлайн-обращение будет проигнорировано, они скорее предпочтут личный визит или вообще не станут писать. По мнению И.С. Широкова, одним из препятствий для распространения онлайн-инициатив является недоверие граждан к инструментам электронной демократии [8, с. 51]. Отчасти это вызвано недостатком позитивных примеров: не все петиции или обращения приводят к ощутимым результатам, и это порождает скепсис. Для повышения доверия государству важно демонстрировать открытость: публиковать отчеты о рассмотрении обращений, доводить до общественности принятые по итогам меры. Хорошей практикой было бы создание общедоступных реестров обращений и ответов (обезличенных), где любой желающий мог бы увидеть, какие вопросы поднимаются гражданами и как они решаются. Частично эту функцию выполняют уже существующие обзоры обращений граждан, которые публикуют некоторые органы (например, ежегодные обзоры обращений на сайтах министерств, где приводится статистика тематики обращений).

6. Правовые пробелы. Анализ законодательства позволил выявить несколько на-

правлений, где требуются дополнения и уточнения в условиях цифровизации. Во-первых, как уже отмечалось, отсутствует специальное регулирование коллективных обращений и петиций – закон не определяет, как именно рассматривать обращения с большим количеством подписей, нужно ли на каждое имя отправлять ответ или один на всех. Возможно, стоит нормативно закрепить понятие публичной петиции и порядок ее рассмотрения (например, при определенном количестве поддержавших граждан ответ должен быть опубликован). Во-вторых, следовало бы урегулировать вопрос устных обращений с использованием средств удаленной связи, например, телефонных обращений. Сейчас телефонные звонки граждан чаще рассматриваются как консультации, а не как официальные обращения, однако в некоторых случаях по телефону сообщаются важные сведения (например, о коррупции, о правонарушениях). Опыт показывает, что некоторые ведомства вводят горячие линии и даже принимают по ним обращения, фиксируя их в журналах. Закрепление статуса телефонного обращения (при условии записи разговора и идентификации абонента) могло бы расширить доступность права на обращение. В-третьих, децентрализация полномочий: с ростом объема электронных обращений в федеральные органы возникает необходимость разграничения, какие вопросы должны решаться на местном уровне, чтобы гражданин получал ответ быстрее. Закон позволяет пересылать обращение по подведомственности, но, возможно, стоит активнее информировать граждан, куда им лучше адресовать свое заявление (например, встроить в портал подсказки по ведомственной компетенции).

7. Перегрузка органов власти и ресурсное обеспечение. Легкость отправки электронного обращения приводит к резкому увеличению их количества. В результате у сотрудников, отвечающих за работу с обращениями, повышается нагрузка. Каждое обращение требует прочтения, анализа, подготовки проекта ответа, согласования, официальной отправки, даже если оно поступило по электронной почте. Перегрузка может сказаться на качестве рассмотрения: чиновники вынуждены тратить меньше времени на каждое обращение, что чревато отписками. Решение видится в

расширении штатов соответствующих подразделений либо (что более реально) во внедрении автоматизированных систем-помощников. В 2020 г. законодатель ввел понятие «многочисленные обращения от одного лица». Если гражданин направил в один орган власти более 10 аналогичных обращений, по сути дублирующих друг друга, орган вправе объединить их в одно и дать единый ответ (ч. 5 ст. 11 закона № 59-ФЗ). Эта норма принята как мера против злоупотребления правом на обращение. Возможно, в будущем появятся дополнительные нормы, регламентирующие работу с массовыми электронными кампаниями.

8. Международный опыт и обмен лучшими практиками. Зарубежные примеры могут подсказать пути решения ряда проблем. Например, порталы петиций в ряде стран устанавливают минимальные пороги голосов не только для рассмотрения, но и для обязательного публичного ответа высокого должностного лица (как в Великобритании, где 100 тысяч подписей петиции гарантируют рассмотрение в парламенте). Это повышает доверие граждан к механизму петиций. В Германии парламентская комиссия по петициям публикует ежегодные доклады о том, сколько петиций рассмотрено и какие решения приняты. Изучение и внедрение лучших практик поможет и российской системе быть эффективнее. Сравнительно-правовой анализ показывает, что электронные обращения и петиции стали неотъемлемым элементом функционирования демократических институтов во многих странах [2, с. 2]. В этом контексте Россия движется в общем русле, постепенно устраняя отставание в цифровизации взаимодействия государства и граждан.

В целом можно констатировать: реалии цифрового общества обогащают институт обращений новыми возможностями, но одновременно обнажают старые и создают новые проблемы. Правовое регулирование стремится не отстать от технологических изменений. По мнению Н.В. Коваленко, дистанционное (электронное) рассмотрение обращений граждан уже стало неотъемлемой практикой современного административного права и теоретические подходы к этому явлению развиваются в направлении обеспечения доступности, прозрачности и эффективности электронного вза-

имодействия [11, с. 51]. Следует согласиться с этой точкой зрения: основной вызов состоит в том, чтобы технологические инновации действительно служили целям защиты прав граждан и укрепления их доверия к власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Право на обращение граждан к публичной власти – один из фундаментальных институтов, обеспечивающих связь государства и общества. Проведенное исследование подтвердило, что данный институт не остается неизменным: цифровая трансформация вносит существенные коррективы в практику и регулирование обращений граждан. Можно сформулировать ряд итоговых выводов.

1. Многообразие видов обращений. Российское законодательство и доктрина выделяют несколько классификационных оснований обращений граждан. По содержанию обращение может быть предложением, заявлением, жалобой; по субъекту – индивидуальным или коллективным; по форме – устным, письменным (бумажным) или электронным. Каждая разновидность имеет свои юридические особенности, но все они объединены конституционным правом на обращение и общей процедурой рассмотрения. Современные исследователи расширяют понимание обращений, включая сюда и такие формы, как электронные петиции, запросы информации, обращения через соцсети и пр. Законодательству предстоит догонять практику, уточняя понятия и процедуры (например, в части коллективных обращений и петиций).

2. Цифровизация открытия новых каналов. Реалии цифрового общества существенно расширили возможности граждан по направлению обращений. Электронные коммуникации сделали процесс более простым и быстроедейственным. Государство отреагировало созданием инфраструктуры электронного правительства: введены интернет-приемные, а в последние годы – единый механизм подачи обращений через портал госуслуг. Нормативные изменения 2023–2025 гг. закрепили обязательность использования авторизованных электронных систем для официальных онлайн-обращений, тем самым установив необходимые барьеры против анонимности и хаотичности. В целом Россия выстроила основную платформу для работы с электрон-

ными обращениями, интегрируя ее с общей системой оказания госуслуг. Это позволяет обеспечить объективное и своевременное рассмотрение каждого обращения, независимо от способа его подачи.

3. Развитие института электронных петиций. Электронные петиции заняли место как форма общественной инициативы. Хотя прямого закона о петициях нет, практика (платформа РОИ, широкое использование Change.org и др.) показала востребованность этого механизма. Электронные петиции можно рассматривать как коллективные обращения, нацеленные чаще всего на решение социально значимых вопросов. Их эффективность пока ограничена консультативным статусом, однако отдельные примеры продемонстрировали, что власть прислушивается к гражданским инициативам даже без формального обязательства. Для повышения действенности петиций требуются: официальное признание их статуса, прозрачные критерии рассмотрения, обязательная обратная связь. В цифровом обществе петиции выполняют важную функцию – они способны агрегировать общественное мнение и служить сигналом для государственных институтов.

Международный опыт свидетельствует, что при правильно выстроенной системе электронные петиции становятся неотъемлемым элементом демократического процесса, и Россия движется в этом направлении.

4. Преимущества и риски электронной формы. Переход на электронную форму обращений дает очевидные преимущества: доступность (обратиться можно из любой точки, в любое время), скорость доставки, удобство отслеживания статуса, сокращение издержек (не нужна бумага, нет почтовых расходов). Органы власти получают возможность автоматизировать рутинные операции (регистрацию, сортировку), создавать базы данных обращений, анализировать статистику по темам и географии, что ценно для управленческих решений. В то же время выявлены и риски: технические сбои или устаревшие системы могут затруднять прием обращений, недостаточная защита информации создает угрозу утечки персональных данных, цифровое неравенство рискует оставить часть граждан на обочине новых процессов. Отдельная проблема – человеческий фактор. Хотя технологии и меняются, но качество рассмотрения обраще-

ний зависит от внимания и добросовестности должностных лиц. Цифровые инструменты – лишь средство, и важно, чтобы их использование сочеталось с повышением ответственности чиновников перед гражданами.

5. Необходимость дальнейшего совершенствования законодательства. Проведенный анализ выявил ряд направлений, где законодательное регулирование может быть улучшено. Во-первых, стоит проработать порядок коллективных обращений и петиций – установить специальные нормы для обращений, имеющих множество заявителей, включая критерии обязательного публичного ответа. Во-вторых, имеет смысл закрепить понятия электронного обращения и электронной системы подачи обращений на законодательном уровне (возможно, в законе № 59-ФЗ), более детально изложив требования к таким системам. В-третьих, можно рассмотреть вопрос об интеграции института обращений с механизмами общественных обсуждений и консультаций. Например, обращение, набравшее значительную поддержку граждан, могло бы служить основанием для публичного обсуждения проблемы либо парламентских слушаний. В-четвертых, важно обеспечить в законе баланс между оперативностью и тщательностью рассмотрения: может быть, для простых обращений в электронном виде установить сокращенные сроки ответа, а для сложных оставить прежние 30 дней. Наконец, следует продолжить укрепление гарантий информационной безопасности – предусмотреть ответственность за неправомерный доступ к системам обращений, за разглашение сведений из обращений и т. п.

Несмотря на меняющиеся формы и средства коммуникации, институт обращений граждан сохраняет свое ключевое значение как средство выражения народной воли, за-

щиты прав и законных интересов, механизм выявления недостатков в работе государственного аппарата. Цифровое общество предъявляет новые требования к взаимодействию с властью: больше прозрачности, быстроты, интерактивности. Реакцией государства становится концепция «сервисного» подхода, когда обращение гражданина рассматривается не как обуза, а как ценный запрос клиента, требующий удовлетворения. Если раньше гражданин был вынужден приспособливаться к громоздкой бюрократической машине (писать бумажные письма, стоять в очередях на прием), то сегодня акцент смещается на то, чтобы государственный аппарат сам адаптировался под нужды граждан, используя достижения технологий. В этом смысле цифровизация института обращений – часть более общего процесса трансформации публичного управления, ориентированного на человека.

Подводя итог, можно сделать главный вывод: цифровые технологии, внедряемые в сферу обращений граждан, при правильном правовом и организационном сопровождении способны значительно усилить эффективность данного института, сделать голос каждого услышанным. Электронные обращения и петиции становятся привычным инструментом гражданской активности. Задача государства – обеспечить, чтобы этот инструмент работал корректно, прозрачно и надежно, служил укреплению законности и справедливости. Полагаем, что дальнейшее развитие правового регулирования обращений граждан, с учетом реалий цифрового общества, будет способствовать повышению доверия к власти, большей открытости государственных институтов и в конечном счете развитию демократических основ государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степкин С.П. Цифровая трансформация обращений граждан с использованием современных информационных технологий / С.П. Степкин // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – № 4. – С. 72–82.
2. Reshota V. Electronic Petitions in European States and Ukraine: Solving Social and Economic Problems / V. Reshota, V. Burdin et al. // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. – 2021. – Vol. 24, Special iss. 1. – P. 1–9.

REFERENCES

1. Stepkin S.P. Digital Transformation of Citizens' Appeals Using Modern Information Technologies. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 4, pp. 72–82. (In Russian).
2. Reshota V., Burdin V. et al. Electronic Petitions in European States and Ukraine: Solving Social and Economic Problems. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*, 2021, vol. 24, Special iss. 1, pp. 1–9.

3. Савоськин А.В. Виды и особенности обращений граждан в зависимости от субъектов волеизъявления / А.В. Савоськин // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 405–410.
4. Бочкарев И.Е. О праве на обращение в форме электронного документа / И.Е. Бочкарев // Информационное право. – 2015. – № 4. – С. 17–21.
5. Комарова В.В. Политические права граждан России в цифровой среде / В.В. Комарова // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4 (14). – С. 63–72.
6. Лолаева А.С. Электронное правительство в России: перспективы дальнейшего развития / А.С. Лолаева // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 10. – С. 19–22.
7. Тереньтева Е.В. Работа с обращениями граждан в системе электронного документооборота Правительства Москвы / Е.В. Тереньтева // Делопроизводство. – 2020. – № 2. – С. 87–92.
8. Широков И.С. Онлайн-петиции и электронные обращения как форма электронной демократии в России: проблемы и перспективы / И.С. Широков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2022. – Т. 39. – С. 46–55.
9. Радина Н.К. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-форм (на материале Change.org) / Н.К. Радина, Д.А. Крупная // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 113–127.
10. Чаннов С.Е. Правовые угрозы при использовании информационных систем в государственном управлении / С.Е. Чаннов // Административное право и процесс. – 2018. – № 9. – С. 48–54.
11. Коваленко Н.В. Теоретические правовые основы дистанционного рассмотрения обращения граждан в органы публичной власти / Н.В. Коваленко // Актуальные исследования. – 2023. – № 22 (152) [Электронный ресурс]. – URL: <https://apni.ru/article/6412-teoreticheskie-pravovye-osnovi-distsionnog> (дата обращения: 17.10.2025).
- 3 Savos'kin A.V. Types and Peculiarities of Citizens' Appeals Depending on the Subject of Will. *Administrative and Municipal Law*, 2017, no. 4, pp. 405–411. (In Russian).
4. Bochkarev I.E. On Improvement of Legislative Regulation of the Right of Citizens to Appeal in the Form of an Electronic Document. *Information Law*, 2015, no. 4, pp. 17–21. (In Russian).
5. Komarova V.V. Political Rights of Russian Citizens in the Digital Environment. *Law and Digital Economy*, 2021, no. 4 (14), pp. 63–72. (In Russian).
6. Lolaeva A.S. Electronic Government in Russia: Prospects of Further Development. *Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 10, pp. 19–22. (In Russian).
7. Terenteva E.V. Working with Citizens' Appeals in the Electronic Document Management System of the Moscow Government. *Office Work*, 2020, no. 2, pp. 87–92. (In Russian).
8. Shirokov I.S. Online Petitions and Electronic Applications as a Form of E-Democracy in Russia: Challenges and Prospects. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 39, pp. 46–55. (In Russian).
9. Radina N.K., Krupnaya D.A. Digital Policy Participation: Efficiency of E-Petitions of Non-State Digital Platforms (Based on the Material of Change.org). *Polis. Political Studies*, 2019, no. 6, pp. 113–127. (In Russian).
10. Channov S.E. Legal Threats in the Use of Information Systems in Public Administration. *Administrative Law and Procedure*, 2018, no. 9, pp. 48–54. (In Russian).
11. Kovalenko N.V. Theoretical Legal Foundations of Remote Consideration of Citizens' Appeals to Public Authorities. *Current Research*, 2023, no. 22 (152). Available at: <https://apni.ru/article/6412-teoreticheskie-pravovye-osnovi-distsionnog>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбачева Светлана Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorbacheva Svetlana Vyacheslavovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law.

Статья поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 21.10.2025. The article was submitted 19.09.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication 21.10.2025.

Научная статья
УДК 342.4
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.5

Original article

РУСТАМБЕКОВ Исламбек Рустамбекович
Ташкентский государственный
юридический университет,
Ташкент, Узбекистан,
irustambekov2024tsult@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8869-8399>

RUSTAMBEKOV Islambek Rustambekovich
Tashkent State University of Law,
Tashkent, Uzbekistan

ГУЛЯМОВ Саид Саидахрарович
Ташкентский государственный
юридический университет,
Ташкент, Узбекистан,
said.gulyamov1976@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2299-2122>

GULYAMOV Said Saidakhrarovich
Tashkent State University of Law,
Tashkent, Uzbekistan

АМИНЕВ Фарит Гизарович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
faminev@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4031-4103>

AMINEV Farit Gizarovich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ УЗБЕКСКОГО ГОСУДАРСТВА: ОТ СУВЕРЕНИТЕТА К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭПОХУ «НОВОГО УЗБЕКИСТАНА»

THE CONSTITUTIONAL MODEL OF THE UZBEK STATE: FROM SOVEREIGNTY TO
DIGITAL TRANSFORMATION IN THE "NEW UZBEKISTAN" ERA

Аннотация. Конституционная реформа 2023 г. существенно расширила содержание ст. 1 Конституции Республики Узбекистан (далее – РУз), закрепив пять ключевых характеристик государства, и определила конституционную модель узбекского государства в XXI в. Статья 1 выступает системообразующей нормой, обозначившей вектор развития правовой системы и государственной политики периода «Нового Узбекистана». Цель: комплексный конституционно-правовой анализ ст. 1 Конституции РУз 2023 г., раскрывающий содержание пяти конституционных характеристик государства – суверенное, демократическое, правовое, социальное и светское – в сочетании с республиканской формой правления, исследование механизмов их практической реализации в условиях цифровой трансформации. Методологическую основу исследования составляет комплексный междисциплинарный подход, интегрирующий методы юридической науки, политологии и компаративистики. Центральное место в методологическом инструментарии занимает сравнительно-правовой метод, позволяющий проанализировать конституционную модель Узбекистана и выявить

Abstract. The 2023 constitutional reform substantially broadened the content of Article 1 of the Constitution of the Republic of Uzbekistan, by enshrining five key state characteristics and establishing the constitutional model of the Uzbek state in the 21st century. Article 1 serves as a foundational norm, defining the vector of development for the legal system and state policy during the "New Uzbekistan" period. Purpose: To provide a comprehensive constitutional and legal analysis of Article 1 of the 2023 Constitution of the Republic of Uzbekistan, detailing the five constitutional characteristics of the state (sovereign, democratic, rule-of-law, social, secular) in conjunction with the republican form of government, and to examine the mechanisms of their practical implementation in the context of digital transformation. The methodological basis of the research is a comprehensive interdisciplinary approach, integrating methods from legal science, political science, and comparative studies. The comparative legal method plays a key role in the methodological framework, enabling to analyze Uzbekistan's constitutional model. This approach helps to identify

© Рустамбеков И.Р., Гулямов С.С., Аминев Ф.Г., 2025

универсальные тренды современного конституционализма при сохранении национальной специфики. Историко-правовой метод применялся для исследования эволюции ст. 1 от редакции Конституции 1992 г. к редакции 2023 г., раскрывая динамику конституционного развития в контексте политических, экономических и социальных трансформаций периода независимости Узбекистана. Формально-юридический метод использовался для анализа нормативного содержания конституционных характеристик государства, их места в системе конституционного права и влияния на интерпретацию других конституционных норм. Методы индукции и синтеза применялись для формулирования универсальных принципов современного конституционализма, адаптируемых к национальному контексту Узбекистана. Системный анализ позволил исследовать взаимосвязь между пятью конституционными характеристиками государства и их совокупное влияние на организацию публичной власти, правовую систему и защиту прав человека. Телеологический метод использовался для выявления целей и функций конституционных норм в контексте стратегических документов развития Узбекистана, что позволило связать конституционные принципы с практической государственной политикой и оценить степень их институциональной реализации. Результаты: исследование выявило эволюцию конституционной нормы от лаконичной формулировки 1992 г. к развернутому определению 2023 г., отражающую трансформацию от постсоветского становления к зрелой государственности. Установлено соответствие ст. 1 Конституции РУз универсальным международно-правовым стандартам и целям устойчивого развития. Раскрыты институциональные механизмы реализации конституционных принципов через судебную-правовую реформу, социальные программы и цифровизацию государственного управления в контексте стратегических инициатив Президента РУз Ш.М. Мирзиёева. Обосновано, что конституционная модель Узбекистана органично сочетает приверженность универсальным принципам демократии и прав человека с национальной спецификой и способностью к адаптации в условиях вызовов XXI в.

Ключевые слова: конституционное право, правовое государство, социальное государство, государственный суверенитет, республиканизм, светское государство, конституционная реформа, цифровая трансформация

Для цитирования: Рустамбеков И.Р. Конституционная модель узбекского государства: от суверенитета к цифровой трансформации в эпоху «Нового Узбекистана» / И.Р. Рустамбеков, С.С. Гулямов, Ф.Г. Аминев. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 45–58.

universal trends in contemporary constitutionalism while respecting national specificities. The historical legal method is applied to research the evolution of Article 1 from the 1992 edition of the Constitution to the 2023 edition, revealing the dynamics of constitutional development within the context of political, economic, and social transformations of the independence period in Uzbekistan. The formal legal method is used to analyze the normative content of the state's constitutional characteristics, their position within the constitutional law system, and their influence on the interpretation of other constitutional norms. The methods of induction and synthesis are applied to formulate universal principles of modern constitutionalism, adaptable to the national context of Uzbekistan. Systemic analysis makes it possible to investigate the interrelationship between five constitutional characteristics of the state and their cumulative impact on the structure of public power, the legal system, and human rights protection. The teleological method is used to determine the purposes and functions of constitutional norms in the context of Uzbekistan's strategic development plans. This approach enables to connect constitutional principles with practical state policy and to assess their institutional implementation. Results: The study reveals the evolution of the constitutional norm from a concise formulation in 1992 to a detailed definition in 2023, reflecting the transition from post-Soviet formation to developed statehood. The paper demonstrates that Article 1 of the Constitution of the Republic of Uzbekistan is in line with universal international legal standards set and the Sustainable Development Goals. The study reveals institutional mechanisms for implementing constitutional principles through judicial and legal reform, social programs, and digitalization of public administration in the context of the strategic initiatives of the President of the Republic of Uzbekistan, Sh.M. Mirziyoyev. The study justifies that Uzbekistan's constitutional model harmoniously combines adherence to universal democratic and human rights principles with national specificity and adaptability to the 21st-century challenges.

Keywords: constitutional law, rule-of-law state, welfare state, state sovereignty, republicanism, secular state, constitutional reform, digital transformation

For citation: Rustambekov I.R., Gulyamov S.S., Aminev F.G. The Constitutional Model of the Uzbek State: From Sovereignty to Digital Transformation in the "New Uzbekistan" Era. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 45–58. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.5.

ВВЕДЕНИЕ

Статья 1 Конституции РУз 2023 г. – фундаментальная конституционная норма, определяющая государственно-правовую природу Узбекистана в XXI в. Она выступает «визитной карточкой» государства, закрепляя пять ключевых характеристик государственности: суверенное, демократическое, правовое, социальное и светское государство, а также определяя республиканскую форму правления. Конституционная реформа 2023 г. существенно расширила содержание статьи по сравнению с редакцией 1992 г., что отражает эволюцию государственного строительства в рамках концепции «Нового Узбекистана»¹ под руководством Президента Ш.М. Мирзиёева. В отличие от преамбулы, закрепляющей ценности и идеалы, ст. 1 фокусируется на институциональных и формальных характеристиках государства, определяя конституционную модель организации публичной власти.

Методологическая значимость исследования ст. 1 Конституции РУз 2023 г. обусловлена ее системообразующей ролью в конституционной архитектуре государства. Конституционные характеристики, закрепленные в данной норме, выступают интерпретационными принципами для всей правовой системы Узбекистана, определяя вектор развития законодательства, правоприменительной практики и государственной политики. Конституционный суд РУз при осуществлении нормоконтроля обязан оценивать конституционность законов и подзаконных актов через призму пяти конституционных характеристик государства, что превращает ст. 1 в живую норму, непосредственно воздействующую на правотворческую и правоприменительную деятельность. Более того, конституционная модель, закрепленная в ст. 1, формирует конституционную идентичность Узбекистана в глобальном конституционном пространстве, позиционируя страну как современное правовое, социальное и демократическое государство, приверженное международным стандартам прав человека при сохранении национальной специфики.

Актуальность научного осмысления ст. 1 Конституции РУз 2023 г. в контексте глобаль-

ных трансформаций XXI в. определяется необходимостью адаптации конституционной модели государства к вызовам цифровой эпохи, технологическим инновациям и изменяющимся социально-экономическим реалиям. Развитие искусственного интеллекта, алгоритмического управления и автоматизации государственных функций ставит новые вопросы о содержании принципа правового государства в условиях цифровизации правосудия и административных процедур. ESG-трансформация и императивы устойчивого развития расширяют традиционное понимание социального государства, интегрируя экологическую ответственность и корпоративное управление в государственную политику. Концепция цифрового суверенитета актуализирует классическую доктрину государственного суверенитета, требуя от государства способности контролировать цифровую инфраструктуру и защищать информационное пространство от транснациональных киберугроз. В этом контексте научное исследование конституционных основ государственности становится не только академической задачей, но и практическим императивом для обеспечения конституционной стабильности при необходимости институциональных инноваций.

НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ СТАТЬИ 1 КОНСТИТУЦИИ РУЗ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Семантический анализ пяти характеристик государства. Первая конституционная характеристика – «суверенное государство» – отсылает к классической доктрине государственного суверенитета, разработанной Жаном Боденом [1], согласно которой суверенитет представляет собой верховную, неделимую и неотчуждаемую власть на территории государства. Внутренний аспект суверенитета предполагает верховенство государственной власти внутри страны, в то время как внешний аспект означает независимость в международных отношениях [2]. В условиях глобализации концепция суверенитета трансформируется, требуя баланса между национальной автономией и международной интеграцией [3]. Особое значение в современ-

¹ О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы : Указ Президента РУз от 28.01.2022 № УП-60 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/gu/docs/5841077> (дата обращения: 18.11.2025).

ную эпоху приобретает цифровой суверенитет как способность государства контролировать цифровую инфраструктуру и защищать информационное пространство от внешних угроз [4].

«Демократическое государство» воплощает концепцию народовластия, где источником власти выступает народ. Современная демократия XXI в. включает не только классические формы представительной и прямой демократии [5], но и новые формы цифровой демократии и электронного участия граждан в управлении государством [6]. Цифровизация создает беспрецедентные возможности для расширения демократического участия через онлайн-петиции, электронное голосование и цифровые платформы общественных консультаций.

Третья характеристика – «правовое государство» (Rechtsstaat, Rule of Law, État de droit) – является одним из центральных принципов современного конституционализма [7]. Правовое государство предполагает верховенство права над произволом власти, разделение властей как механизм сдержек и противовесов, независимость судебной системы как гаранта законности и конституционный контроль как инструмент защиты Основного закона. Концепция правового государства требует не только формального соответствия законам, но и материального содержания права, обеспечивающего защиту прав человека и справедливость.

«Социальное государство» (Welfare State, Sozialstaat) отражает конституционное обязательство государства обеспечивать социальную справедливость и защиту граждан. Концепция социального государства, берущая начало в германской конституционной доктрине [8], предполагает баланс между рыночной экономикой и социальной защитой населения. Социальные права на труд, образование, здравоохранение, социальное обеспечение становятся конституционными гарантиями. В современных условиях социальное государство интегрируется с принципами ESG (экологической, социальной и корпоративной ответственности), что требует от государства не только экономической эффективности, но и социальной инклюзивности и экологической устойчивости [9].

Пятая характеристика – «светское государство» – закрепляет принцип *laïcité* (светскости), означающий отделение религиозных институтов от государственной власти [10]. Светскость не означает враждебности к религии, но предполагает религиозный нейтралитет государства, свободу совести и вероисповедания для всех граждан (ст. 35 Конституции), равенство религиозных объединений перед законом. Светское государство обеспечивает религиозный плюрализм и предотвращает использование религии в политических целях, что особенно актуально в условиях угроз религиозного экстремизма.

Республиканская форма правления. Конституционное определение Узбекистана как государства «с республиканской формой правления» отражает доктрину республиканизма, противопоставляющую выборность и сменяемость власти наследственной монархии [11]. Современная типология республик различает парламентские (где исполнительная власть формируется парламентом), президентские (с прямым избранием президента и жестким разделением властей) и смешанные (полупрезидентские) республики [12]. Узбекская конституционная модель, особенно после реформ 2023 г., представляет собой президентско-парламентскую республику с усиленной ролью главы государства при значительных полномочиях парламента. Баланс властей в республике обеспечивается через систему сдержек и противовесов (ст. 11 Конституции).

Эволюция республиканской формы правления в Узбекистане отражает процесс демократизации и укрепления институтов представительной демократии. Конституционная реформа 2023 г. усилила парламентские контрольные функции, расширила полномочия Законодательной палаты Олий Мажлиса, укрепила независимость Сената, что свидетельствует о движении к более сбалансированной модели разделения властей.

Юридическая техника и ее место в Конституции РУз. Статья 1, как системообразующая норма, открывает гл. I «Государственный суверенитет» и определяет базовые принципы конституционного строя. Связь с последующими статьями гл. I очевидна: ст. 2 конкретизирует принцип служения государства народу, ст. 3 закрепляет территориальное устройство,

ст. 4 определяет государственный язык. Взаимосвязь ст. 1 со всей Конституцией проявляется в том, что пять характеристик государства находят детальное развитие в соответствующих разделах: демократия – в главе о народовласти (ст. 7–10), правовое государство – в главах о верховенстве Конституции (ст. 15–17) и о судебной власти, социальное государство – в статьях о социальных правах (разд. II), светскость – в ст. 31 о свободе совести.

Статья 1 оказывает влияние на интерпретацию всех норм Основного закона, выступая герменевтическим ключом для толкования Конституционным судом. При оценке конституционности законов Конституционный суд² обязан проверять их соответствие принципам суверенитета, демократии, правового, социального и светского государства, закрепленным в ст. 1. Равнозначность названий государства «Республика Узбекистан» и «Узбекистан» имеет конституционно-правовое значение, обеспечивая единообразное правовое регулирование и исключая возможность разночтений в официальных документах и международных отношениях.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИЙ 1992 И 2023 ГОДОВ И ОЦЕНКА КОНСТИТУЦИОННЫХ ИННОВАЦИЙ

Текстуальное сопоставление. Анализ конституционного текста позволяет выявить фундаментальную эволюцию государственно-правовой концепции. Конституция 1992 г. в ст. 1 лаконично определяла: «Узбекистан – суверенная демократическая республика». Конституция 2023 г. существенно расширила формулу: «Узбекистан – суверенное, демократическое, правовое, социальное и светское государство с республиканской формой правления».

Ключевые нововведения включают пять концептуальных изменений. Во-первых, добавлена характеристика «правовое государство», что конституционализирует принцип верховенства права (Rule of Law) и связанности государства правом. Это нововведение отражает глубокие судебно-правовые реформы и укрепление независимости судебной вла-

сти (Концепция совершенствования судебно-правовой системы³). Во-вторых, введена характеристика «социальное государство», закрепляющая конституционную ответственность государства за социальное благополучие граждан. Это коррелирует с масштабными социальными программами и системами социальной защиты. В-третьих, закреплена характеристика «светское государство», что конституционализирует отделение религии от государства и гарантирует свободу совести. В-четвертых, уточнена формулировка «республиканская форма правления» вместо просто «республика», что более точно определяет конституционную модель организации власти. В-пятых, сохранены базовые характеристики «суверенное» и «демократическое», подтверждающие преемственность конституционного развития.

Содержательный анализ изменений. Историко-политический контекст трансформации ст. 1 отражает глубокие изменения в государственном строительстве. 1992 год характеризовался становлением независимости после распада СССР, постсоветской трансформацией политической и экономической систем, минималистичным конституционным определением государства с акцентом на суверенитет и демократию. Редакция Основного закона 2023 г. принята в условиях зрелой государственности периода «Нового Узбекистана», системных конституционных реформ, максималистичного определения государства с пятью характеристиками, интеграции мировых стандартов конституционализма при сохранении национальной специфики.

Причины расширения конституционной формулы многообразны. Имплементация концепции правового государства связана со Стратегией «Узбекистан – 2030»⁴, которая определяет построение правового государства как стратегический приоритет. Развитие социального государства обусловлено необходимостью усиления социальной защиты

³ О коренном совершенствовании системы повышения правосознания и правовой культуры в обществе : Указ Президента РУз от 09.01.2019 № УП-5618 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4149770> (дата обращения: 18.11.2025).

⁴ О Стратегии «Узбекистан – 2030» : Указ Президента РУз от 11.09.2023 № УП-158 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6600404> (дата обращения: 18.11.2025).

² О Конституционном суде Республики Узбекистан : Конституционный закон Республики Узбекистан от 27.04.2021 № ЗРУ-687 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5391999> (дата обращения: 01.09.2025).

населения и обеспечения социальной справедливости. Конституционализация принципа светскости отражает стремление к балансу между уважением к религиозным традициям и предотвращением использования религии в политических целях. Влияние судебной реформы (Концепция судебной реформы) и адаптация к международным стандартам (Национальная стратегия по правам человека⁵) также сыграли существенную роль.

Конституционные инновации и их значение. Первая крупная инновация – конституционализация правового государства – включает несколько аспектов. Верховенство Конституции и законов закреплено в ст. 15, независимость судебной власти гарантирована гл. XXIII, конституционный контроль осуществляется Конституционным судом. Эта инновация оказывает влияние на всю правовую систему: законодательство должно соответствовать принципам правового государства, правоприменительная практика ориентируется на защиту прав и законности, судебная власть укрепляет свою независимость и авторитет.

Вторая инновация – социальное государство – создает конституционные социальные обязательства государства перед гражданами. Социальная справедливость и солидарность (ст. 14) становятся конституционными принципами. Баланс экономических свобод и социальной защиты обеспечивается через систему социальных гарантий при сохранении рыночной экономики. Реализация концепции социального государства осуществляется через социальные программы, включая адресную помощь малоимущим, пенсионное обеспечение, поддержку семей. Интеграция ESG-принципов и устойчивого развития расширяет традиционное понимание социального государства, включая экологическую ответственность.

Третья инновация – светское государство – закрепляет отделение религиозных институтов от государственной власти при сохранении свободы совести и вероисповедания (ст. 35). Религиозный плюрализм обеспечивается через равенство всех религиозных объединений перед законом. Предотвращение религиозного экстремизма становится конституцион-

ной задачей государства. Баланс светскости и уважения к религиозным традициям достигается через политику, невраждебную к религии, но исключающую ее влияние на государственную политику.

Четвертая инновация – уточнение республиканской формы правления – конкретизирует форму правления и организацию власти. Баланс президентской и парламентской власти достигается через конституционную реформу разделения властей, расширение парламентского контроля при сохранении сильной президентской власти, укрепление независимости судебной власти.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА

Конституционные гарантии суверенитета и республиканизма. Гарантии государственного суверенитета закреплены в системе конституционных норм. Статья 3 определяет территориальную целостность и неприкосновенность границ как основу государственного суверенитета. Статьи 17–18 закрепляют субъектность Узбекистана в международных отношениях, право заключать международные договоры и участвовать в деятельности международных организаций. Статья 15 устанавливает верховенство Конституции РУз на всей территории страны, что является основой внутреннего суверенитета. Статья 16 защищает основные принципы конституционного строя от изменений, обеспечивая стабильность государственной системы. Механизм защиты конституционного строя реализуется через Конституционный суд, проверяющий конституционность актов законодательной и исполнительной власти.

Институциональные основы республиканизма воплощаются в системе разделения властей. Олий Мажлис, как законодательная власть, осуществляет представительство народа и законодательные функции. Президент, как гарант Конституции, обеспечивает согласованное функционирование органов государственной власти. Судебная власть осуществляет правосудие независимо от законодательной и исполнительной власти (ст. 130). Разделение властей (ст. 11) создает систему сдержек и

⁵ Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан по правам человека : Указ Президента РУз от 22.06.2020 № УП-6012 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4872357> (дата обращения: 18.11.2025).

противовесов, предотвращающую концентрацию власти и обеспечивающую республиканскую форму правления.

Механизмы реализации правового государства. Законодательные гарантии правового государства создаются через систему конституционных и обычных законов. Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Узбекистан» обеспечивает защиту конституционной законности через проверку конституционности актов законодательной и исполнительной власти. Конституционный закон «О Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан»⁶ регулирует законодательный процесс и обеспечивает качество законодательства. Закон «О судах»⁷ определяет организацию и деятельность судебной системы. Закон «О нормативно-правовых актах»⁸ (Концепция совершенствования нормотворческой деятельности⁹) устанавливает иерархию права и требования к нормативным актам.

Институциональная система правового государства включает несколько ключевых элементов. Конституционный суд осуществляет конституционный контроль, обеспечивая соответствие законодательства Основному закону. Верховный суд обеспечивает единообразие судебной практики и надзор за деятельностью нижестоящих судов. Прокуратура осуществляет надзор за законностью в деятельности государственных органов и должностных лиц. Уполномоченный Олий Мажлиса по правам человека (омбудсман)¹⁰ защищает

6 О Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан : Конституционный закон РУз от 12.12.2002 № 434-II [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/52069> (дата обращения: 18.11.2025).

7 О судах : Закон РУз от 28.07.2021 № ЗРУ-703 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/uz/docs/5534928> (дата обращения: 18.11.2025).

8 О нормативно-правовых актах : Закон РУз от 20.04.2021 № ЗРУ-682 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/5378968> (дата обращения: 18.11.2025).

9 Об утверждении Концепции совершенствования нормотворческой деятельности : Указ Президента РУз от 08.08.2018 № УП-5505 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/uz/docs/3858812> (дата обращения: 18.11.2025).

10 О мерах по совершенствованию деятельности Уполномоченного Олий Мажлиса Республики Узбекистан по правам человека (омбудсмана) : Указ Президента РУз от 10.09.2021 № УП-6312 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5625271> (дата обращения: 18.11.2025).

права и свободы граждан. Адвокатура обеспечивает право граждан на квалифицированную юридическую помощь и защиту.

Цифровизация правового государства создает новые механизмы реализации конституционных принципов. Электронное правосудие повышает доступность и эффективность судебной системы, а открытые данные судебной практики обеспечивают ее прозрачность. Автоматизация правовых процессов ускоряет рассмотрение дел и снижает коррупционные риски.

Реализация социального и светского государства. Социальное государство реализуется через законодательные основы социальных прав. Трудовой кодекс РУз¹¹ (вступил в силу 30 апреля 2023 г.) регулирует социально-трудовые права работников, включая право на труд, его справедливую оплату, отдых, безопасные условия труда. Пенсионное законодательство гарантирует социальное обеспечение граждан в старости и при утрате трудоспособности. Законодательство об образовании гарантирует право на образование. Законодательство о здравоохранении обеспечивает право на охрану здоровья. Социальные программы (Стратегия социальной защиты населения¹²) конкретизируют социальные обязательства государства через адресную помощь малообеспеченным семьям, поддержку многодетных семей, защиту прав инвалидов.

Светское государство обеспечивается правовыми гарантиями. Закон «О свободе совести и религиозных организациях» определяет правовой статус религиозных организаций и гарантирует свободу вероисповедания. Отделение образования от религии закреплено в законодательстве об образовании, обеспечивающем светский характер государственного образования. Отделение религиозных организаций от государства предполагает невмешательство государства во внутренние дела религиозных объединений при условии соблюдения ими законодательства. Запрет на

11 Трудовой кодекс РУз от 28.10.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/6257291> (дата обращения: 18.11.2025).

12 Об утверждении Стратегии социальной защиты населения Республики Узбекистан : Указ Президента РУз от 25.07.2022 № УП-175 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/6130271> (дата обращения: 18.11.2025).

использование религии в политических целях предотвращает политизацию религии. Защита от религиозного экстремизма реализуется через законодательство о противодействии экстремизму и терроризму.

Соответствие законодательной практики Узбекистана международным обязательствам. Узбекистан ратифицировал основные международные договоры ООН по правам человека, включая Международный пакт о гражданских и политических правах¹³, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах¹⁴. Доклады Комитетам ООН представляются периодически для мониторинга выполнения обязательств. Рекомендации Универсального периодического обзора учитываются в национальной правовой политике. Сотрудничество с ОБСЕ осуществляется в области демократизации и прав человека. Членство в международных организациях, включая ООН, ВТО, ШОС, расширяет международное сотрудничество.

Анализ ст. 1 в контексте международных стандартов показывает высокую степень соответствия им. Суверенное государство соответствует принципам Устава ООН о суверенном равенстве государств. Демократическое государство имплементирует стандарты ОБСЕ через систему выборов, многопартийность, гражданское общество. Правовое государство реализует критерии Венецианской комиссии через верховенство Конституции, независимость судов, конституционный контроль. Социальное государство выполняет обязательства по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) через системы социальной защиты, образования, здравоохранения. Светское государство гарантирует свободу совести в соответствии с международными стандартами. Республиканская форма правления соответствует принципам народовластия и представительной демократии.

13 Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 18.11.2025).

14 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 18.11.2025).

Влияние статьи 1 Конституции РУз на систему государственного управления и институциональные реформы в эпоху цифровой трансформации

Реализация принципа правового государства. Судебно-правовая реформа, воплощающая конституционный принцип правового государства, осуществляется на основе системных документов. Концепция совершенствования судебно-правовой системы определяет стратегические направления укрепления независимости судебной власти через создание Высшего судейского совета, реформирование процедур назначения и отбора судей, повышение квалификации судейского корпуса. Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Узбекистан» создает механизм конституционного контроля как фундаментальную гарантию правового государства, наделяя Конституционный суд полномочиями по проверке конституционности законов и подзаконных актов. Реформа процессуального законодательства осуществляется через принятие новых Гражданского процессуального кодекса¹⁵, Экономического процессуального кодекса¹⁶, Кодекса об административном судопроизводстве¹⁷. Создание специализированных административных судов (ст. 131 Конституции РУз) обеспечивает эффективную защиту прав граждан от незаконных действий администрации. Институт медиации и альтернативное разрешение споров развиваются как дополнительные механизмы урегулирования конфликтов.

Верховенство закона обеспечивается через совершенствование нормотворческого процесса. Концепция совершенствования нормотворческой деятельности устанавливает требования к качеству законодательства, включая правовую экспертизу законопроектов, общественное обсуждение проектов актов, антикоррупционную экспертизу. Систе-

15 Гражданский процессуальный кодекс РУз от 22.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/3517334> (дата обращения: 18.11.2025).

16 Экономический процессуальный кодекс РУз от 24.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/3523895> (дата обращения: 18.11.2025).

17 Кодекс РУз об административном судопроизводстве от 25.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/3527365> (дата обращения: 18.11.2025).

матизация законодательства осуществляется через кодификацию и инкорпорацию нормативных актов. Цифровизация нормотворческого процесса включает создание единого реестра нормативно-правовых актов, электронную систему подготовки и согласования проектов.

Цифровое правовое государство реализуется через внедрение информационных технологий. Электронное правосудие включает электронную подачу исков, электронное ознакомление с материалами дела, видео-конференц-связь для судебных заседаний. Единая база судебных решений обеспечивает прозрачность судебной практики. Онлайн обжалование административных решений упрощает доступ к правосудию.

Институциональные механизмы социального государства. Социальная защита населения реализуется через комплексную систему мер. Концепция социальной защиты населения определяет стратегию адресной социальной помощи малоимущим семьям, поддержки многодетных семей, защиты прав инвалидов. Реформа пенсионной системы направлена на повышение размера пенсий и расширение охвата пенсионным обеспечением. Система адресной социальной помощи¹⁸ обеспечивает материальную поддержку нуждающихся семей на основе объективных критериев оценки нуждаемости. Социальное страхование охватывает случаи временной нетрудоспособности, материнства, инвалидности.

Трудовые отношения регулируются новым Трудовым кодексом, который модернизирует регулирование трудовых отношений в соответствии с международными стандартами МОТ. Защита трудовых прав работников усиливается через расширение механизмов трудовой инспекции, упрощение процедур обжалования нарушений трудовых прав. Программы занятости¹⁹ направлены на сокращение безработицы через профессиональную подготовку и переподготовку. Молодежная за-

нятость стимулируется через программы стажировок и первого рабочего места.

Социальная инфраструктура развивается через комплексные программы. Программы развития здравоохранения²⁰ направлены на модернизацию медицинских учреждений, повышение квалификации медицинских работников, внедрение современных технологий диагностики и лечения. Реформа образования осуществляется через повышение качества образовательных услуг, модернизацию образовательной инфраструктуры, цифровизацию образования. Жилищные программы обеспечивают доступность жилья для граждан. Инициативы по водоснабжению направлены на улучшение доступа к безопасной питьевой воде в сельских районах.

ESG в социальной политике интегрируется через программы устойчивого развития, включающие экологическую устойчивость, социальную инклюзию, ответственное управление [13]. Социальная ответственность бизнеса стимулируется через налоговые льготы для социально ответственных компаний. «Зеленые» рабочие места создаются в секторах возобновляемой энергетики и экологической реабилитации.

Светское государство и государственное устройство. Реализация принципа светскости осуществляется через законодательное регулирование. Закон «О свободе совести и религиозных организациях»²¹ обеспечивает баланс между свободой вероисповедания и светским характером государства. Отделение религиозных институтов от государства предполагает невмешательство государства во внутренние дела религиозных объединений. Программы противодействия религиозному экстремизму направлены на профилактику радикализации через просветительскую работу. Светское образование обеспечивается государственными образовательными стандартами, исключающими религиозное воздействие в государственных школах.

18 О дополнительных мерах материальной поддержки нуждающихся в социальной защите слоев населения : Указ Президента РУз от 28.07.2023 № УП-120 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6549725> (дата обращения: 18.11.2025).

19 О дальнейшем совершенствовании системы государственной социальной поддержки бедных семей : Указ Президента РУз от 08.05.2025 № УП-84 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/7519187> (дата обращения: 18.11.2025).

20 О мерах по последовательному продолжению реформирования сферы здравоохранения путем совершенствования данной системы и принципов оказания медицинских услуг населению в республике : Указ Президента РУз от 19.05.2025 № УП-88 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7534278> (дата обращения: 18.11.2025).

21 О свободе совести и религиозных организациях : Закон РУз от 05.07.2021 № ЗПУ-699 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/5491541> (дата обращения: 18.11.2025).

Республиканская форма правления укрепляется институциональными реформами. Конституционная реформа разделения властей (2023) усилила парламентский контроль через расширение контрольных полномочий Олий Мажлиса, введение института парламентских запросов, усиление роли комитетов палат. Усиление роли парламента проявляется в расширении законодательных инициатив депутатов, участии парламента в формировании правительства. Концепция административной реформы²² направлена на оптимизацию структуры исполнительной власти, повышение эффективности государственного управления, сокращение административных барьеров. Баланс между ветвями власти обеспечивается конституционной системой сдержек и противовесов.

Цифровизация государственного управления трансформирует взаимодействие государства и граждан [14]. Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030»²³ определяет приоритеты цифровой трансформации, включая создание цифрового правительства, развитие цифровой экономики, формирование цифрового общества. Единый портал государственных услуг обеспечивает доступ граждан к государственным услугам в электронной форме, сокращая время и затраты на их получение. Open Data и транспарентность реализуются через публикацию государственных данных в открытом доступе. Цифровая идентификация граждан через биометрические паспорта и электронные подписи обеспечивает безопасный доступ к электронным услугам.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ ПРЕЗИДЕНТА РУЗ Ш.М. МИРЗИЁЕВА ПО РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА

Философия государственного строительства. «Все реформы в Новом Узбекистане осуществляются на основе принципа

22 Об утверждении Концепции административной реформы в Республике Узбекистан : Указ Президента РУз от 08.09.2017 № УП-5185 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/3331176> (дата обращения: 18.11.2025).

23 Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан – 2030» и мерах по ее эффективной реализации : Указ Президента РУз от 05.10.2020 № УП-6079 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/uz/docs/5031048> (дата обращения: 18.11.2025).

"Во имя чести и достоинства человека". За последние восемь лет мы проделали огромную работу, направленную на защиту прав людей, обеспечение достойными рабочими местами, увеличение их доходов, улучшение условий жизни. Все наши действия ориентированы на создание условий и расширение возможностей для наиболее полного проявления каждым человеком, особенно молодежью и женщинами, своего потенциала»²⁴.

Эти слова Главы государства определяют ключевые направления реализации конституционной модели узбекского государства, закрепленной в ст. 1 Конституции. Философия государственного строительства «Нового Узбекистана» основывается на трех взаимосвязанных принципах: приоритет прав человека, верховенство права, служение государства народу.

Стратегические реформы государственного устройства. Реформа системы государственного управления воплощает конституционный принцип правового государства. Концепция административной реформы направлена на оптимизацию государственного аппарата через сокращение избыточных функций государственных органов, исключение дублирования полномочий, внедрение принципов «одного окна» в предоставлении государственных услуг. Принцип «государство – на службе народу» воплощается через переориентацию деятельности государственных органов с контрольно-надзорных функций на предоставление качественных услуг населению и бизнесу. Сокращение государственного вмешательства в экономику осуществляется через дерегулирование экономической деятельности, приватизацию государственных активов²⁵, либерализацию лицензионных и разрешительных процедур. Дебюрократизация реализуется через программы сокращения административных барьеров, упрощения документооборота, внедрения принципа презумпции добросовестности субъектов предпринимательства.

24 Выступление Президента РУз Шавката Мирзиёева на открытии III международного форума «От бедности к процветанию» 18.09.2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/8500> (дата обращения: 18.11.2025).

25 О Программе приватизации на 2025 год : Указ Президента РУз от 21.04.2025 № УП-70 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7488172> (дата обращения: 18.11.2025).

Судебно-правовая реформа как основа правового государства воплощает конституционный принцип независимости судебной власти [15]. Концепция судебной реформы устанавливает приоритеты укрепления гарантий независимости судей, повышения авторитета судебной власти, обеспечения доступности и качества правосудия. Создание Конституционного суда стало историческим достижением, обеспечивающим конституционный контроль и защиту конституционных прав граждан. Повышение статуса судей включает увеличение им заработной платы, улучшение социального обеспечения, создание достойных условий труда. Внедрение современных технологий в правосудии осуществляется через электронное правосудие, видео-конференц-связь, автоматизацию судебного делопроизводства.

Парламентская реформа укрепляет представительную демократию [16]. Усиление контрольных функций Олий Мажлиса осуществляется через расширение парламентских запросов, создание специализированных контрольных комиссий, усиление роли комитетов палат в законодательном процессе. Законодательная инициатива депутатов стимулируется через упрощение процедур внесения законопроектов, обеспечение экспертной поддержки депутатов. Профессионализация парламентской деятельности реализуется через программы повышения квалификации депутатов, создание аналитических служб парламента. Вовлечение общественности в законотворчество обеспечивается через обязательное публичное обсуждение законопроектов, учет общественного мнения.

Социальная политика и цифровое государство. Реализация концепции социального государства осуществляется через масштабные социальные программы. Стратегия сокращения бедности²⁶ определяет комплекс мер по снижению уровня бедности вдвое к 2030 г. через создание рабочих мест, повышение доходов населения, адресную социальную поддержку нуждающихся семей. Программы адресной поддержки обеспечивают

26 О мерах по установлению взаимовыгодного сотрудничества с субъектами предпринимательства по сокращению бедности : Указ Президента РУз от 12.06.2023 № УП-93 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/6493144> (дата обращения: 18.11.2025).

материальную помощь малоимущим семьям на основе объективной оценки нуждаемости. Социальная поддержка уязвимых групп включает программы для инвалидов²⁷, престарелых граждан²⁸, многодетных семей²⁹. Молодежная политика реализуется через программы молодежной занятости, поддержки молодых предпринимателей, развития молодежных организаций.

Образование и здравоохранение выступают ключевыми приоритетами социального государства [17]. Реформа системы образования³⁰ направлена на обеспечение качества образования, совершенствование образовательных стандартов, подготовку педагогических кадров³¹, внедрение цифровых технологий в образование [18]. Концепция развития здравоохранения предусматривает последовательное продолжение реформирования сферы здравоохранения, совершенствование системы и принципов оказания медицинских услуг, повышение квалификации медицинских работников. Доступность и качество социальных услуг обеспечиваются через модернизацию социальной инфраструктуры, внедрение стандартов качества услуг, мониторинг удовлетворенности граждан.

Цифровая трансформация государства является инструментом реализации конституционных принципов [19]. Стратегия «Цифровой

27 О дополнительных мерах по совершенствованию системы обеспечения занятости лиц с инвалидностью : Указ Президента РУз от 08.05.2025 № УП-85 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/uz/docs/7518498> (дата обращения: 18.11.2025).

28 О социальной поддержке престарелых и лиц с инвалидностью, а также дальнейшем развитии системы центров социальной поддержки и системы домов-интернатов «Мурувват» : Указ Президента РУз от 25.03.2021 № УП-6195 [Электронный ресурс]. URL: <https://nrm.uz/contentf?doc=656185> (дата обращения: 18.11.2025).

29 О дополнительных мерах по совершенствованию деятельности Комитета семьи и женщин : Указ Президента РУз от 21.12.2023 № УП-208 [Электронный ресурс]. URL: https://static.norma.uz/doc/doc_10/208.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

30 О дополнительных мерах по обеспечению качества образования и совершенствованию системы оказания образовательных услуг : Указ Президента РУз от 05.05.2025 № УП-76 [Электронный ресурс]. URL: <https://nrm.uz/contentf?doc=779176> (дата обращения: 18.11.2025).

31 О мерах по дальнейшему совершенствованию системы подготовки педагогических кадров : Указ Президента РУз от 28.04.2025 № УП-73 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/7499786> (дата обращения: 18.11.2025).

Узбекистан – 2030» определяет приоритеты построения цифрового государства, цифровой экономики, цифрового общества. Внедрение электронного правительства включает интеграцию информационных систем государственных органов, межведомственный электронный документооборот, единую систему идентификации и аутентификации. Цифровые государственные услуги предоставляются через Единый портал интерактивных государственных услуг, мобильные приложения, многофункциональные центры. Открытые данные и транспарентность обеспечиваются через публикацию государственных данных, мониторинг эффективности государственных органов, обратную связь с гражданами.

Региональный рост является приоритетом сбалансированного развития территорий [20]. Программы развития регионов направлены на выравнивание уровня социально-экономического развития регионов, модернизацию региональной инфраструктуры, создание рабочих мест в регионах. Децентрализация полномочий расширяет самостоятельность местных органов власти в решении вопросов местного значения. Институт махалли³² как первичное звено решения проблем населения усиливает роль местного самоуправления в обеспечении благосостояния граждан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статья 1 Конституции РУз 2023 г. представляет собой фундаментальную конституционную норму, определяющую государственно-правовую идентичность узбекского государства в XXI в. Пять конституционных характеристик – суверенное, демократическое, правовое, социальное и светское – в сочетании с республиканской формой правления образуют комплексную модель современного конституционного государства, отвечающего высоким стандартам международного конституционализма.

Эволюция от лаконичной формулировки Конституции 1992 г. («суверенная демократическая республика») к развернутому опреде-

лению 2023 г. отражает путь от постсоветского становления к зрелой государственности периода «Нового Узбекистана». Конституционные инновации 2023 г. – закрепление характеристик правового, социального и светского государства – воплощают стратегическое видение Президента РУз Ш.М. Мирзиёева по построению государства, служащего интересам человека, где верховенство права, социальная справедливость и религиозная толерантность становятся не декларациями, а живой конституционной практикой.

Институциональные реформы, осуществляемые на основе Стратегии «Узбекистан – 2030» и других документов, обеспечивают практическую реализацию конституционных принципов. Судебно-правовая реформа укрепляет правовое государство, социальные программы воплощают концепцию социального государства, цифровизация государственного управления модернизирует взаимодействие государства и граждан, парламентские реформы усиливают представительную демократию.

Международное измерение ст. 1 Конституции РУз демонстрирует соответствие узбекской конституционной модели универсальным стандартам, установленным ООН, ОБСЕ и другими международными организациями. Конституционная практика Узбекистана органично вписывается в глобальное конституционное пространство, сочетая приверженность универсальным принципам демократии, прав человека, правового государства с национальной спецификой и культурной идентичностью.

Перспективы развития конституционной модели государства в условиях вызовов XXI в. – цифровизации, искусственного интеллекта, климатических изменений, ESG-трансформации – требуют проактивного подхода и адаптации правовой системы. Статья 1 Конституции РУз, как «живая норма», пригодная к эволютивному толкованию Конституционным судом, обеспечивает конституционные основы для ответа на эти вызовы, сохраняя стабильность и преемственность при необходимости инноваций. Баланс между технологическим прогрессом и защитой человеческого достоинства, между национальным суверенитетом и глобальной интеграцией, между традицией и модернизацией определяет траекторию конституционного развития Узбекистана в XXI в.

32 О мерах по кардинальному повышению роли института махалли в обществе и обеспечению его функционирования в качестве первичного звена решения проблем населения : Указ Президента РУз от 21.12.2023 № УП-209 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/6707809> (дата обращения: 18.11.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bodin J. The six bookes of a commonweale : Trans. R. Knolles / J. Bodin. – London : Impensis G. Bishop, 1606. – 828 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/sixbookesofcommo00bodi> (дата обращения: 14.06.2025).
2. Krasner S.D. Sovereignty: Organized hypocrisy / S.D. Krasner. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1999. – 280 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691007113/sovereignty> (дата обращения: 14.06.2025).
3. Keohane R.O. Hobbes's dilemma and institutional change in world politics: Sovereignty in international society / R.O. Keohane // Power and governance in a partially globalized world. – London : Routledge, 2002 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.routledge.com/Power-and-Governance-in-a-Partially-Globalized-World/Keohane/p/book/9780691007113/sovereignty> (дата обращения: 14.06.2025).
4. Pohle J. Digital sovereignty / J. Pohle, T. Thiel // Internet Policy Review. 2020. – № 9 (4). – P. 47–67.
5. Dahl R.A. On democracy / R.A. Dahl. – New Haven, CT : Yale University Press, 1998. – 217 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://yalebooks.yale.edu/book/9780300254051/on-democracy/> (дата обращения: 12.06.2025).
6. Macintosh A. Characterizing e-participation in policy-making / A. Macintosh // Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'04). – 2004. – January. – P. 1–10.
7. Tamanaha B.Z. On the rule of law: History, politics, theory / B.Z. Tamanaha. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 190 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cambridge.org/core/books/on-the-rule-of-law/A22B686FAAED3D4ACA202BEF5FC760EB> (дата обращения: 29.05.2025).
8. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism / G. Esping-Andersen. – Cambridge : Polity Press ; Princeton, NJ : Princeton University Press, 1990. – 248 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/threeworldsofwel0000espi> (дата обращения: 12.06.2025).
9. Clark G.L. From the Stockholder to the Stakeholder: How Sustainability Can Drive Financial Outperformance / G.L. Clark, A. Feiner, M. Vihs [Электронный ресурс]. – URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2508281> (дата обращения: 08.06.2025).
10. Baubérot J. Les 7 laïcités françaises: Le modèle français de laïcité n'existe pas. – Paris : Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2015. – 276 p.
11. Pettit P. Republicanism: A theory of freedom and government / P. Pettit. – Oxford : Oxford University Press, 1997. – 316 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://global.oup.com/academic/product/republicanism-9780198290834> (дата обращения: 12.06.2025).
12. Shugart M.S. Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics / M.S. Shugart, J.M. Carey. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 316 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cambridge.org/core/books/presidents-and-assemblies/BE671C20B12E6433DED8F058C36D0E17> (дата обращения: 12.06.2025).
13. Мантаева Э.И. Стандарты ESG-концепции устойчивого развития / Э.И. Мантаева, В.С. Голденова, И.В. Слободчикова // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2023. – Т. 242, № 4. – С. 93–104.
14. Синица С.А. Цифровизация системы государственного управления в Российской Федерации / С.А. Синица // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 11-3 (105). – С. 71–77.

REFERENCES

1. Bodin J. The six bookes of a commonweale. R. Knolles Trans. London, Impensis G. Bishop Publ., 1606. 828 p. Available at: <https://archive.org/details/sixbookesofcommo00bodi>.
2. Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, NJ, Princeton University Press Publ., 1999. 280 p. Available at: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691007113/sovereignty>.
3. Keohane R.O. Hobbes's Dilemma and Institutional Change in World Politics: Sovereignty in International Society. *Power and Governance in a Partially Globalized World*. London, Routledge Publ., 2002. Available at: <https://www.routledge.com/Power-and-Governance-in-a-Partially-Globalized-World/Keohane/p/book/9780691007113/sovereignty>.
4. Pohle J., Thiel T. Digital Sovereignty. *Internet Policy Review*, 2020, no. 9 (4), pp. 47–67.
5. Dahl R.A. On Democracy. New Haven, CT, Yale University Press Publ., 1998. 217 p. Available at: <https://yalebooks.yale.edu/book/9780300254051/on-democracy/>.
6. Macintosh A. Characterizing E-Participation in Policy-Making. *Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'04)*, 2004, January, pp. 1–10.
7. Tamanaha B.Z. On the Rule of Law: History, Politics, Theory. Cambridge University Press Publ., 2004. 190 p. Available at: <https://www.cambridge.org/core/books/on-the-rule-of-law/A22B686FAAED3D4ACA202BEF5FC760EB>.
8. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, Polity Press Publ., Princeton University Press Publ., 1990. 248 p. Available at: <https://archive.org/details/threeworldsofwel0000espi>.
9. Clark G.L., Feiner A., Vihs M. From the Stockholder to the Stakeholder: How Sustainability Can Drive Financial Outperformance. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2508281>.
10. Baubérot J. Les 7 laïcités françaises: Le modèle français de laïcité n'existe pas. Paris, Éditions de la Maison des sciences de l'homme Publ., 2015. 276 p.
11. Pettit P. Republicanism: A theory of Freedom and Government. Oxford University Press Publ., 1997. 316 p. Available at: <https://global.oup.com/academic/product/republicanism-9780198290834>.
12. Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge University Press Publ., 1992. 316 p. Available at: <https://www.cambridge.org/core/books/presidents-and-assemblies/BE671C20B12E6433DED8F058C36D0E17>.
13. Mantaeva E.I., Goldenova V.S., Slobodchikova I.V. ESG Standards for the Concept of Sustainable Development. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2023, vol. 242, no. 4, pp. 93–104. (In Russian).
14. Sinitsa S.A. Digitalization of the Public Administration System in the Russian Federation. *Journal of Economy and Business*, 2023, no. 11-3 (105), pp. 71–77. (In Russian).
15. Huchhanavar S.S. Conceptualising Judicial Independence and Accountability from a Regulatory Perspective. *Oslo Law Review*, 2023, no. 9 (2), pp. 110–148.
16. United Nations. E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development. New York, UN DESA Publ., 2024. 205 p.

15. Huchhanavar S.S. Conceptualising Judicial Independence and Accountability from a Regulatory Perspective / S.S. Huchhanavar // Oslo Law Review. – 2023. – № 9 (2). – P. 110–148.

16. United Nations. E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development. – New York : UN DESA, 2024. – 205 p.

17. Gulyamov S. Reforming Traditional Modern Education in the Context of the Projected Symbiotic Economy / S. Gulyamov // Uzbek Journal of Law and Digital Policy. – 2025. – Vol. 3, № 1. – P. 57–73.

18. Гулямов С.С. Применение кибергигиены в качестве эффективной психологической меры профилактики киберзависимостей / С.С. Гулямов, А.А. Родионов // Психология и право. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 77–91.

19. Lubis S. Electronic governance in advancing sustainable development goals through systematic literature review / S. Lubis, E. Purnomo, J. Lado, Chin-Fu Hung // Discover Global Society. – 2024. – Vol. 2.

20. Dijital Devlet Yönetişiminin Teorik ve Hukuki Temelleri / H. Sharipova, I. Rustambekov, S. Gulyamov, H. Bozgeyik. – Ankara : Adalet Yayınevi, 2024. – Vol. 1. – 543 p.

17. Gulyamov S. Reforming Traditional Modern Education in the Context of the Projected Symbiotic Economy. *Uzbek Journal of Law and Digital Policy*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 57–73.

18. Gulyamov S.S., Rodionov A.A. Cyber Hygiene as an Effective Psychological Measure in the Prevention of Cyber Addictions. *Psychology and Law*, 2024, vol. 14, no. 2, pp. 77–91. (In Russian).

19. Lubis S., Purnomo E., Lado J., Chin-Fu Hung Electronic Governance In Advancing Sustainable Development Goals Through Systematic Literature Review. *Discover Global Society*, 2024, vol. 2.

20. Sharipova H., Rustambekov I., Gulyamov S., Bozgeyik H. *Dijital Devlet Yönetişiminin Teorik ve Hukuki Temelleri*. Ankara, Adalet Yayınevi Publ., 2024. Vol. 1. 543 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рустамбеков Исламбек Рустамбекович – доктор юридических наук, профессор, исполняющий обязанности ректора;

Гулямов Саид Саидахарович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой киберправа;

Аminev Фарит Гизарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rustambekov Islambek Rustambekovich – Doctor of Law, Professor, Acting Rector;

Gulyamov Said Saidakhrarovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Cyber Law;

Aminev Farit Gizarovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 16.10.2025. The article was submitted 24.09.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 16.10.2025.

Научная статья
УДК 34 (075.8)
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.6

Original article

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна ✉
Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Россия,
polyakova_ta@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3791-2903>

POLYAKOVA Tatyana Anatolievna
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

КАМАЛОВА Гульфия Гафиятовна
Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия,
kamalova_gulfiya@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3568-9429>

KAMALOVA Gulfiya Gafiyatovna
Udmurt State University,
Izhevsk, Russia

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ДАННЫХ И ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

LEGAL SUPPORT FOR THE TECHNOLOGICAL POLICY OF DATA ECONOMY
DEVELOPMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION TRANSFORMATION:
CHALLENGES AND PROSPECTS

Аннотация. Для современного этапа развития информационного права актуальны проблемы обеспечения современной технологической политики Российской Федерации и формирование новых механизмов в этой области в связи с реализацией федеральной программы «Экономика данных и цифровая трансформация государственного управления». В связи с этим авторами с позиции информационного права проанализированы ключевые аспекты формирования экономики данных как логического продолжения построения цифровой экономики при реализации национального проекта в контексте дальнейшего развития законодательства Российской Федерации в условиях цифровизации. Основной целью исследования является выявление перспективных направлений развития и систематизации информационного (цифрового) законодательства, стоящего на передовых рубежах правового регулирования развития сквозных цифровых технологий. В процессе работы авторами на основе системного подхода применялась совокупность общенаучных и специальных правовых методов, включая методы анализа, обобщения, описания, формально-логический метод и др. Формально-логический метод использовался при исследовании проблем формирования понятийно-категориального аппарата регулирования цифровой среды. Методы анализа и обобщения полученных

Abstract. At the current stage of development of information law, relevant issues include supporting the modern technological policy of the Russian Federation and forming new mechanisms in this area, in connection with the implementation of the federal program "Data Economy and Digital Transformation of Public Administration". In this regard, from the perspective of information law, the authors analyze the key aspects of data economy formation as a logical continuation of digital economy development within the framework of implementing the national project, considering the further development of the Russian Federation legislation in the context of digitalization. The primary purpose of the research is to identify promising directions for the development and systematization of information (digital) legislation, which stands at the forefront of legal regulation for the advancement of cross-cutting digital technologies. In the course of their work, the authors apply a set of general scientific and specific legal methods, including analysis, generalization, description, the formal logical method, and others, based on a systemic approach. The formal logical method is employed in the study of issues related to the formation of the conceptual and categorical apparatus for regulating the digital environment. Analysis and synthesis of the obtained results

© Полякова Т.А., Камалова Г.Г., 2025

результатов позволили сформулировать выводы по совершенствованию российского законодательства в связи с цифровой трансформацией государства и общества. Результаты: проанализированы положения новой технологической политики России, получившей закрепление в Федеральном законе «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; выявлены проблемы развития понятийно-категориального аппарата, формирования и углубления правового регулирования определенных критических и сквозных цифровых технологий на базе системного подхода в целях формирования экономики данных и цифровой трансформации государства.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках Государственного задания FMUZ-2024-0035 «Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами».

Ключевые слова: технологическая политика, цифровые технологии, экономика данных, цифровая трансформация, трансформация государства и управления, информационное право, национальный проект, информационная безопасность

Для цитирования: Полякова Т.А. Правовое обеспечение технологической политики развития экономики данных и трансформации государственного управления: вызовы и перспективы / Т.А. Полякова, Г.Г. Камалова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 59–65.

enable the formulation of conclusions regarding the improvement of Russian legislation in connection with the digital transformation of the state and society. Results: The article analyzes the provisions of Russia's new technological policy, enshrined in the Federal Law "On Technological Policy in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". The paper identifies problems in the development of the conceptual and categorical apparatus, the formation and deepening of legal regulation of certain critical and cross-cutting digital technologies based on a systemic approach, with the aim of forming a data economy and the digital transformation of the state.

Financing. The preparation of the article is supported by the State Assignment FMUZ-2024-0035 "Ensuring Digital Sovereignty and Information Security through Legal Means".

Keywords: technology policy, digital technologies, data economy, digital transformation, state and governance transformation, information law, national project, information security

For citation: Polyakova T.A., Kamalova G.G. Legal Support for the Technological Policy of Data Economy Development and Public Administration Transformation: Challenges and Prospects. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 59–65. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.6.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях продолжающегося кризиса современной мировой цивилизации, обусловленного формированием многополярного мира, приоритетное значение для любого государства имеет достижение технологического лидерства и конкурентоспособности высокотехнологичной, наукоемкой продукции как основы для достойного места и роли в системе межгосударственного взаимодействия с целью эффективного экономического развития за счет внедрения и коммерциализации инноваций в технологической сфере. В настоящее время, когда «техника и уровень материального развития считаются высшими критериями» [1, с. 13] и являются мерилами ценности, достижение реальной многополярности невозможно без борьбы и противостояния государств, в том числе без конкуренции в области цифровых технологий и информационного противоборства.

В этой связи закономерной задачей является дальнейшее развитие государственной политики Российской Федерации. В целях ее реализации Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации¹. В нем определены основные принципы и векторы политики государства в указанной области, а также меры по их реализации. В целях развития российской государственной политики, направленной на достижение технологического лидерства, в декабре 2024 г. принят Федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²

1 Собрание законодательства РФ. 2024. № 10, ст. 1373.

2 О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (ч. 1), ст. 8533.

(далее – Закон о технологической политике), которым определены цели, задачи создания и внедрения в России отечественных критических и сквозных технологий, формирования долгосрочных предложений и спроса в отношении высокотехнологичной продукции, подготовки высококвалифицированных кадров и др. Ключевой задачей с позиции права, полагаем, является формирование благоприятных правовых и иных условий для реализации технологической политики, включая создание условий для развития инфраструктуры и технологий, формирования спроса на них, осуществления мониторинга и оценки эффективности принимаемых мер стимулирования в сфере наукоемких технологий.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Значительную роль среди наукоемких технологий, которые относятся к критическим и сквозным, играют цифровые технологии. Их развитию придают стратегическое значение многие государства. Сегодня стала традиционной констатация исследователями того, что интенсивное применение революционно развивающихся цифровых технологий оказывает трансформирующее воздействие на все сферы. Вместе с тем динамика указанных процессов и происходящие изменения в области цифровизации, несомненно, способствуют не только технологическому развитию, но и эволюции общественных отношений, основой которой является развитие экономического базиса общества. Это связано с тем, что результаты успешной цифровой трансформации сегодня детерминируют основное конкурентное преимущество государства, общества и отдельной личности. Для российской экономики и трансформации управления определяющее значение приобретают процессы разработки и внедрения инновационных цифровых технологий, включая технологии больших данных, искусственного интеллекта, робототехники, распределенного реестра, виртуальной и дополненной реальности, квантовых вычислений, кибербезопасности.

В этих условиях закономерно дальнейшее развитие процессов, начало которым было положено на предыдущих этапах, – киберне-

тики [2; 3], информатизации [4], технологического развития в рамках формирования в России цифровой экономики, связанных с реализацией национальных проектов. Следует обратить внимание, что цифровую экономику, как правило, связывают с процессами технологической цифровой модернизации общества и государства, переходом на новый уровень экономического развития в связи с широким использованием информационно-коммуникационных технологий, усилением роли и значения электронной коммерции и бизнеса. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. цифровая экономика определена как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»³.

Логическим продолжением взятого Россией курса на цифровизацию явился национальный проект формирования экономики данных, о котором впервые было заявлено Президентом РФ летом 2023 г. на Форуме будущих технологий. В указанном проекте поставлены задачи перехода всей экономики, государственного управления, социальной сферы на качественно новые принципы функционирования на основе больших данных. Новым национальным проектом «Экономика данных и цифровая трансформация государства»⁴ определен ряд федеральных проектов в данной области, имеющих ключевое значение для дальнейшего развития приоритетных сквозных цифровых технологий, включая цифровые платформы для социальной сферы, цифровую трансформацию системы государственного управления, отечественные цифровые решения, искусственный интеллект, инфраструктуру кибербезопасности и проти-

³ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

⁴ Экономика данных и цифровая трансформация государства: национальный проект [Электронный ресурс] // Правительство РФ : сайт. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения: 02.04.2025).

водействия киберпреступности. Несомненно, все указанные проекты потребуют соответствующего правового обеспечения, основанного на фундаментальных междисциплинарных научных исследованиях.

ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В рамках настоящего исследования, учитывая непреходящее, возрастающее значение развития правового понятийно-категориального аппарата, обращают на себя внимание дефиниции основных понятий, используемых в Законе о технологической политике: агенты развития технологий, высокотехнологичная продукция, технология, критическая технология, сквозная технология, проекты развития технологий, технологическая инновация, технологическое лидерство и др. Подавляющее большинство этих понятий являются не только новеллами законодательства, но и создают основания для дальнейшего развития системы понятий информационного (цифрового) права и иных смежных отраслевых наук. Очевидно, что это необходимо в целях правового обеспечения технологической политики в сфере экономики данных и цифровой трансформации государства.

Сегодня в обширный перечень основных направлений продвижения экономики данных и цифровой трансформации государства входит развитие и продвижение отечественных решений и продуктов в области искусственного интеллекта, робототехники, облачных сервисов, квантовых вычислений, формируемых и внедряемых на базе наукоемких инновационных проектов и достижений. Это позволит вывести российскую цифровую инфраструктуру на новый уровень и обеспечить экономический прорыв и технологическое лидерство. Все указанные векторы неразрывно связаны с поставленными стратегическими задачами достижения технологического суверенитета во взаимосвязанных областях, высокого уровня научно-технологического развития страны, кибербезопасности, расширения и углубления подготовки кадров в соответствующих областях [5; 6; 7].

В связи с этим формирование и дальнейшее продвижение экономики данных требует

и в целом определяет необходимость системных правовых решений в этой сфере, позволяющих создать, совершенствовать, поддерживать и эффективно использовать современную мощную цифровую инфраструктуру России с одновременным обеспечением безопасности используемых цифровых продуктов и решений, массивов разнообразных цифровых данных. Это предполагает переход российской экономики, государства и общества на качественно новые механизмы, включая вопросы публичного управления и инновационного бизнеса, что детерминирует необходимость более совершенного правового регулирования в данной области по сравнению с действующим. Как же должно реагировать в этих условиях право? Безусловно, возрастает значение формирования соответствующих адекватных правовых моделей и механизмов регулирования совокупности общественных отношений, связанных с цифровыми технологиями [8].

Рассматривая вопросы совершенствования правового регулирования информационной (цифровой) сферы в свете новой технологической политики России, построения экономики данных и цифровой трансформации государства, нельзя оставить без внимания то, что важным направлением информационно-правового обеспечения новой формирующейся в России экономики является развитие понятийно-категориального аппарата.

Вместе с тем в рамках полученных результатов сравнительного анализа законодательных норм обращает на себя внимание, что определение понятия «технология» в Законе о технологической политике, которое целесообразно рассматривать как родовое по отношению к понятию «информационная технология», закрепленному в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵ (далее – Закон об информации), представляется значительно более точным с позиции юридической техники. Делается акцент на следующих аспектах технологии:

– является совокупностью методов, средств, операций и процессов;

⁵ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3448.

– включает научно и практически обоснованные методы, средства, процессы и операции;

– осуществляет преобразование различных объектов, включая информацию, для получения продукции, выполнения работ, оказания услуг.

Очевидно, что понятие «информационная технология» в Законе об информации, сформулированное и законодательно закрепленное около двадцати лет назад, значительно отличается и требует развития с учетом многих факторов, являющихся ключевыми в условиях дальнейшего развития информационного общества, модернизации рассматриваемой сферы и цифровой трансформации с учетом именно цифровых аспектов технологий. Это определяет необходимость дальнейшего совершенствования информационного законодательства в русле современной технологической политики России.

Кроме того, с цифровой экономикой и экономикой данных непосредственно связано множество категорий и понятий: цифровая трансформация, цифровизация, цифровые технологии, цифровые инновации, цифровая зрелость, цифровая доверенная среда, цифровой сервис, цифровая платформа, цифровая экосистема, кибербезопасность и иные. Даже беглый их анализ позволяет отметить взаимосвязь содержания указанных понятий с цифровыми данными и их оборотом.

РОЛЬ МОДЕЛЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В настоящее время уже не вызывает сомнений, что цифровые данные лежат в основе не только новой модели экономического развития, но и, как справедливо отмечает А.В. Минбалева, являются новой мировой ценностью, определяющей все стратегические векторы развития современного государства [9, с. 957]. В связи с этим переход на экономику данных предполагает первоочередное продвижение технологий сбора и обмена цифровыми данными, в том числе с использованием новейших датчиков, систем связи, а также их обработки на базе отечественной информационной инфраструктуры.

Вместе с тем при анализе нормативной правовой базы, актов технического регулирования, а также материалов теоретических исследований становится очевидным, что содержание понятия «цифровые данные» для права пока остается дискуссионным и подлежит дальнейшему научно-правовому осмыслению. Однако следует обратить внимание, что такое положение в праве с определением понятий в области цифровых технологий не уникально, аналогичная ситуация сложилась со многими широко используемыми и, в общем, устоявшимися правовыми дефинициями в этой сфере. Так, это относится к широко применяемым сегодня в праве понятиям: искусственный интеллект, робот, киберфизическая система, цифровая платформа, цифровой сервис, цифровая экосистема и др. [10; 11].

Несомненно, что формирование понятийно-категориального аппарата в праве имеет в значительной степени определяющее значение. Однако следует признать, что проблемы правового обеспечения развития отечественной цифровой среды не исчерпываются только этим. Инновационные цифровые технологии предоставляют недоступные до этого возможности, что определяет формирование новых векторов развития, и приоритет приобретают определенные виды деятельности. В этих условиях появляются новые участники информационно-правовых отношений, что предполагает определение их правового статуса и встраивание в систему субъектов информационной сферы в праве [12, с. 135]. В связи с этим следует, на наш взгляд, приветствовать закрепление в Законе о технологической политике таких определений правового статуса субъектов, как агенты развития технологий, квалифицированный заказчик и производитель высокотехнологичной продукции. Между тем следует обратить внимание, что перед информационным правом остро встает вопрос о соотношении правового статуса новых субъектов реализации технологической политики в цифровой сфере с таким базовым субъектом информационного права, как обладатель информации. Кроме того, следует отметить, что вне поля зрения разработчиков Закона о технологической политике, на наш взгляд, остался такой субъект, как разработчик технологии, хотя в документе содержится множество по-

ложений, направленных на усиление охраны права интеллектуальной собственности.

Безусловно, большое влияние на ускорение темпов цифровизации в России, как и во всем мире, оказала недавняя пандемия. События последних лет показали, что реализация прав, свобод и законных интересов граждан, обеспечение информационной безопасности, создание конкурентоспособных цифровых продуктов требуют и должны основываться только на использовании качественных и достоверных цифровых данных. В связи с этим главным вектором построения экономики данных в рамках реализации современной технологической политики должно стать формирование рынка цифровых данных, регламентация механизмов и правил доступа к ним и оборота данных.

В условиях, когда факторами, влияющими на эффективность реализации национальной технологической политики, являются, с одной стороны, глобальная экономическая нестабильность, продолжающаяся рестриктивная политика, характеризующаяся санкционной агрессией недружественных государств, а с другой – возрастает эффективность и динамика разработки и внедрения наукоемких, высокотехнологичных продуктов инновационной деятельности, которые становятся вопросами не только технологического лидерства, но и обеспечения национальной безопасности, в России определен вектор на стратегическое

планирование, формирование среднесрочных и долгосрочных планов реализации политики государства в сфере науки, техники и технологий, создание правовых инструментов практического воплощения данной политики. Это касается в том числе принятия перечней критических и сквозных технологий, порядка подготовки карт технологической кооперации, методики оценки уровня готовности технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования позволяют сделать вывод о высокой степени актуальности Закона о технологической политике, который в целом носит рамочный характер и, соответственно, потребует принятия целого ряда подзаконных нормативных правовых актов, а также актов технического регулирования, обеспечивающих реализацию его норм, что в значительной степени определяется и сроком его вступления в силу – через 180 дней с момента официального опубликования. Это представляется оправданным, поскольку предстоящая нормотворческая работа потребует значительных усилий на основе межотраслевых и междисциплинарных научно-правовых подходов, усиления роли такого научного направления, как информационное право, включая дальнейшую разработку проблем систематизации и кодификации информационного и цифрового законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. Плюриверсум : учебное пособие для вузов / А.Г. Дугин. – Москва, 2015. – 349 с.
2. Батулин Ю.М. Теоретические проблемы компьютерного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Ю.М. Батулин. – Москва, 1991. – 39 с.
3. Батулин Ю.М. Право и политика в компьютерном круге. Буржуазная демократия и «электронная диктатура» / Ю.М. Батулин ; отв. ред. Г.Х. Шахназаров. – Москва : Наука, 1987. – 111 с.
4. Морозов А.В. Методологические и организационные основы развития системы правовой информации Минюста России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.13 / А.В. Морозов. – Москва, 2000. – 51 с.
5. Камалова Г.Г. Национальный технологический суверенитет в сфере цифровых технологий: вопросы правового обеспечения / Г.Г. Камалова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 10 (122). – С. 52–60.

REFERENCES

1. Dugin A.G. Theory of a Multipolar World. Pluriversum. Moscow, 2015. 349 p.
2. Baturin Yu.M. Theoretical Problems of Computer Law. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 1991. 39 p.
3. Baturin Yu.M.; Shakhnazarov G.Kh. (ed.). Law and Politics in the Computer Circle. Bourgeois Democracy and "Electronic Dictatorship". Moscow, Nauka Publ., 1987. 111 p.
4. Morozov A.V. Methodological and Organizational Foundations of Development of the Legal Information System of the Ministry of Justice of Russia. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2000. 51 p.
5. Kamalova G.G. National Technological Sovereignty in the Sphere of Digital Technologies: Issues of Legal Support. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. 10 (122), pp. 52–60. (In Russian).
6. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B. Modern Priorities for the Development of Information Law: Legal Support of State Sovereignty and Information Security in the Information Space of Russia. *State and Law*, 2025, no. 1, pp. 160–173. (In Russian).

6. Полякова Т.А. Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов // Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 160–173.

7. Полякова Т.А. Обеспечение суверенитета в информационном пространстве – стратегическая задача национальной политики / Т.А. Полякова, Н.А. Троян // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 1. – С. 41–53.

8. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография / А.В. Минбалеев и др. – Москва, 2023. – 264 с.

9. Минбалеев А.В. Формирование экономики данных в России в условиях многополярного мира: проблемы правового обеспечения / А.В. Минбалеев // Экономика и управление. – 2023. – Т. 29, № 8. – С. 956–963.

10. Камалова Г.Г. Вопросы правового обеспечения информационной безопасности в контексте развития цифровых сервисов / Г.Г. Камалова // Информационное право. – 2022. – № 4 (74). – С. 38–40.

11. Минбалеев А.В. Проблемы правовой природы цифровых платформ / А.В. Минбалеев // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности: сборник докладов XIV Московской юридической недели: в 6 ч. – Москва, 2025. – Ч. 1. – С. 112–115.

12. Чубукова С.Г. Концепция развития системы субъектов информационного права в условиях цифровой трансформации / С.Г. Чубукова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 134–137.

7. Polyakova T.A., Troyan N.A. Ensuring Sovereignty in the Information Space is a Strategic Task of National Policy. *Legal Policy and Legal Life*, 2024, no. 1, pp. 41–53. (In Russian).

8. Minbaleev A.V. et al. Mechanisms and Models of Regulation of Digital Technologies. Moscow, 2023. 264 p.

9. Minbaleev A.V. Formation of Data Economy in Russia in a Multipolar World: Problems of Legal Support. *Economics and Management*, 2023, vol. 29, no. 8, pp. 956–963. (In Russian).

10. Kamalova G.G. Issues of Legal Support of Information Security in the Context of the Development of Digital Services. *Information Law*, 2022, no. 4 (74), pp. 38–40. (In Russian).

11. Minbaleev A.V. Problems of the Legal Nature of Digital Platforms. *Russian Legal System: In Search of National Identity. Collection of Reports of the 14th Moscow Legal Week*. Moscow, 2025, pt. 1, pp. 112–115. (In Russian).

12. Chubukova S.G. Concept of Development of Information Law Subjects System in the Digital Transformation Context. *Law And State: Theory and Practice*, 2024, no. 9 (237), pp. 134–137. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Полякова Татьяна Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующей сектором информационного права и международной информационной безопасности, заслуженный юрист Российской Федерации;

Камалова Гульфия Гафиятовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой информационной безопасности в управлении, почетный работник сферы образования Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polyakova Tatyana Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Acting Head of the Sector of Information Law and International Information Security, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Kamalova Gulfiya Gafiyatovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Information Security in Management, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 30.09.2025. The article was submitted 14.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Научная статья
УДК 347.45/.47
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.7

Original article

КОЛЕСНИЧЕНКО Ольга Викторовна
Рязанский филиал Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Рязань, Россия,
olja_korn@mail.ru

KOLESNICHENKO Olga Viktorovna
Ryazan branch of the Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ryazan, Russia

ДОГОВОР О ЛИЧНОМ НАСТАВНИЧЕСТВЕ В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕРНЕТ-БЛОГЕРОВ

DIGITAL PERSONAL MENTORING AGREEMENT AS A TOOL FOR REGULATING INTERNET
BLOGGERS' EDUCATIONAL ACTIVITIES

Аннотация. Современное интернет-пространство сложно представить без блогеров – активных пользователей социальных сетей, размещающих на своих страницах контент определенной тематической направленности, привлекающих для его изучения и оценки целевую аудиторию (подписчиков). Одним из наиболее популярных видов экономической деятельности блогеров является реализация на платформе блога образовательного контента (онлайн-курсов по саморазвитию, финансовой грамотности и т. п.). Негативную известность данному виду деятельности в правовом поле придает широко распространенная проблема несоответствия между ожиданиями заказчика услуги и содержанием информации, полученной после оплаты доступа к обучающему курсу, способами ее подачи и взаимодействия с исполнителем в ходе обучения. Цель: обосновать оптимальную конструкцию договора, опосредующего реализацию блогерами образовательного контента своим подписчикам, обеспечивающего защиту прав пользователей сети Интернет от обозначенных рисков. Методы: общеправовые методы исследования (материалистический, диалектический) обеспечили возможность рассмотрения социально-экономических процессов, протекающих с участием блогеров в цифровой среде, в их взаимосвязи с современными тенденциями развития гражданского оборота, а также с учетом объективно существующих потребностей в правовом регулировании; с помощью общеправовых

Abstract. The current Internet environment is almost unimaginable without bloggers – active social media participants who share content focused on particular topics on their pages, engaging a target audience (subscribers) to view and assess it. One of the most popular types of bloggers' economic activity is the implementation of educational content on the blog platform (online courses on self-development, financial literacy, etc.). The negative legal reputation of this type of activity is largely due to the widespread problem of discrepancy between the client's expectations for the service and the content of the information received after paying for access to the training course, the methods of its delivery, and the interaction with the instructor during the training. Purpose: To substantiate the optimal agreement design for bloggers to deliver educational content to their subscribers, ensuring the protection of Internet users' rights against the identified risks. Methods: General philosophical research methods (materialistic, dialectical) provide the opportunity to examine socio-economic processes involving bloggers in the digital environment, in their interrelation with current trends in civil turnover, and also taking into account the objectively existing needs for legal regulation. Using general scientific methods (logical, systemic structural, axiological), the qualitative features of the relationships between bloggers and subscribers, established on the Internet within the framework of influencers' educational activities, are

методов (логического, системно-структурного, аксиологического) были раскрыты качественные особенности взаимосвязей между блогером и подписчиками, выстраиваемых в сети Интернет в рамках осуществления инфлюенсерами образовательной деятельности, включая их ценностную основу, предпосылки возникновения и специфику развития; комплекс частнонаучных методов (догматический, системный, толкования правовых норм) позволил выявить действительный смысл правовых предписаний, распространяющихся на исследуемые отношения, противоречия между ними и пробелы, требующие устранения. Результаты: обосновано, что характеру возникающих между блогером и подписчиками отношений в большей степени соответствует фидуциарный договор о личном наставничестве в цифровой форме, рассматриваемый как специфическая разновидность договора об оказании услуг. По такому договору наставник (блогер) обязуется действовать в интересах наставляемого (подписчика), предоставляя ему информацию, оказывая помощь и поддержку при постановке и достижении целей личного или профессионального развития. Существенным условием договора о личном наставничестве является форма личного участия наставника в деятельности по постановке и достижению соответствующих целей. Избранные формы, порядок и периодичность взаимодействия с подписчиком должны быть достаточными для того, чтобы осуществляемая исполнителем деятельность подпадала под характеристику непосредственно принимаемых наставником мер по передаче опыта, оказанию помощи и поддержки наставляемому.

Ключевые слова: блогер, образовательная услуга, обучающий курс, фидуциарный договор, личное наставничество, цифровая услуга

Для цитирования: Колесниченко О.В. Договор о личном наставничестве в цифровой форме как инструмент регулирования образовательной деятельности интернет-блогеров / О.В. Колесниченко. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.7 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 66–77.

revealed, including their value basis, prerequisites for their emergence, and specifics of development. A set of specific scientific methods (dogmatic, systemic, interpretation of legal norms) allows for the identification of the true meaning of legal provisions applicable to the studied relations, contradictions between them, and gaps requiring elimination. Results: the author substantiates that the nature of the relations arising between the blogger and subscribers is better suited to a fiduciary agreement for digital personal mentoring, considered as a specific type of agreement for services provision. Under such an agreement, the mentor (blogger) undertakes to act in the interests of the mentee (subscriber), providing him/her with information, assistance and support in setting and achieving goals in the field of personal or professional development. An essential condition of the personal mentoring agreement is the form of mentor's personal participation in the activity of setting and achieving the relevant goals. The chosen methods, sequence, and regularity of engagement with the mentee should be adequate to ensure that the mentor's actions are considered direct efforts in experience transfer, assistance, and support.

Keywords: blogger, educational service, training course, fiduciary agreement, personal mentoring, digital service

For citation: Kolesnichenko O.V. Digital Personal Mentoring Agreement as a Tool for Regulating Internet Bloggers' Educational Activities. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 66–77. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.7.

ВВЕДЕНИЕ

Современную реальность сложно представить без интернет-блогеров – активных пользователей социальных сетей, размещающих на своих страницах контент определенной тематической направленности, привлекающих для его изучения и оценки целевую аудиторию (подписчиков). Блогерская деятельность напрямую связана с реализацией права свободно искать, получать, передавать

и распространять информацию. Ведение блога предполагает создание и публикацию на персональной странице в социальной сети постов, видеофрагментов и иного пользовательского контента (коротких видео – reels, постов с текстовым содержанием, фото- и видеорядом, stories – постов, размещаемых на короткий срок непосредственно в зоне фото профиля на персональной странице, и др.) с акцентом на личный опыт, основанный на таком опыте «экспертность», позволяющую сформировать

определенный уровень доверия и симпатии к личности и образу жизни блогера, его мнению о событиях или качествах третьих лиц, выбору продуктов, услуг, видов активности.

Очевидно, что без компонента влияния на пользовательскую аудиторию невозможно представить себе ни смысл, ни содержание блогерской деятельности. По этой причине в доктринальных источниках блогеров нередко называют инфлюенсерами (от англ. *influence* – влияние) [1, с. 306; 2, с. 11; 3, с. 139]. В то же время такое влияние оказывается не только с целью общественного признания или самовыражения. Блогеры могут предлагать своим подписчикам определенные продукты или услуги (проверенные блогером, протестированные им на себе), реализуемые ими самими или третьими лицами, привлекать денежные средства на развитие блога и иные цели. В данном контексте наиболее остро встает вопрос о содержании и пределах осуществления экономической деятельности указанных субъектов.

Действующее гражданское законодательство не содержит специальных установлений относительно способов и организационно-правовых форм извлечения дохода инфлюенсерами, а потому основы нормативного правового регулирования возникающих отношений приходится искать в зоне действия норм информационного права. В частности, в п. 1.1 ст. 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации»¹ сформулировано требование, согласно которому пользователь социальной сети, создавший персональную страницу и привлечший в качестве подписчиков более десяти тысяч пользователей, обязан пройти регистрацию в федеральном органе исполнительной власти, осуществляющем функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи. При достижении соответствующего числа подписчиков регистрация становится обязательным условием для распространения на странице блога рекламной информации, ссылок для сбора донатов (пожертвований), то есть, в сущности, для осуществления экономической деятельности владельцем такой страницы.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 24.06.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кроме того, блогер-десятилетиячник обязан определить тип своей экономической деятельности по специально введенным для данной категории субъектов кодам ОКВЭД – в действующей версии классификатора упоминается деятельность по распространению информации (код 70.21.1) и деятельность по распространению рекламы, осуществляемые пользователем социальной сети (код 73.11.1)². В то же время нельзя считать регистрацию в Роскомнадзоре процедурой, направленной на легитимацию особой разновидности субъектов экономической деятельности, поскольку блогерам с меньшим числом подписчиков не запрещается извлекать доход от рекламы, размещенной на личной странице в социальной сети, или получать добровольные пожертвования от пользователей. При этом упомянутые коды ОКВЭД не отражают специфику возникающих в данной области отношений. Инфлюенсер не просто распространяет информацию (в том числе в рекламных целях) наравне с организациями сферы услуг, лицами, создающими персональные страницы для предложения товаров, его целью является привлечение «своей» аудитории для последующего выстраивания имущественных и неимущественных отношений на платформе блога.

С позиции частного правового регулирования интерес, однако, представляет не форма преподнесения информации на странице блога или ее содержание, вероятная вредность и пр., а механизм выстраивания экономических отношений на платформе блога как уже существующей площадки для интернет-коммуникации, характер и содержание возникающих при этом обязательственных связей и их договорное сопровождение. В частности, речь идет о таком весьма популярном направлении, как оказание услуг по прохождению пользователями обучающих курсов, направленных на раскрытие творческого или жизненного потенциала, формирование навыков в сфере финансовой грамотности и ведения бизнеса под руководством блогера, заявляющего о своей «экспертности» в соответствующей области.

² Общероссийский классификатор видов экономической деятельности : утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст (в ред. от 09.04.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 27.06.2025).

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЛОГЕРА: НЕСООТВЕТСТВИЕ ОЖИДАНИЯМ ЗАКАЗЧИКА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПОТРЕБНОСТИ В ВЫБОРЕ ОСОБОЙ ДОГОВОРНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Определенную известность оказанию блогерами образовательных услуг придает широко распространенная проблема несоответствия между ожиданиями подписчика (заказчика услуги) и содержанием информации, полученной после оплаты доступа к обучающему курсу, способами ее подачи и (или) взаимодействия с исполнителем (блогером) в ходе обучения. Руководствуясь доверием и симпатией к медийной персоне, сформировавшимися в результате ознакомления с материалами блога, демонстрирующими успешность жизненной, финансовой, бизнес- и иной стратегии, заказчик платной услуги нередко сталкивается с тем, что предоставляемые ему «эксклюзивные» сведения в действительности являются общеизвестными или не предполагают вовлеченного участия заявленного «коуча».

Следует обратить внимание на то, что в судебной практике услуги по прохождению обучающих курсов, предлагаемые блогерами, квалифицируются как образовательные, несмотря на то что в силу п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»³ образовательной считается деятельность по реализации образовательных программ, соответствующих определенному уровню образования (общее и профессиональное образование, профессиональное обучение, дополнительное образование)⁴. Обоснование такого подхода может быть обнаружено в том, что прохождение обучающего интернет-курса у инфлюенсера не предполагает выдачи документа об образовании или квалификации, однако при согласии

с данным условием заказчика и его стремлении получить доступ к определенной информации и (или) услугам по персональному консультированию считается соответствующим потребностям лица, в интересах которого осуществляется такая «образовательная» деятельность (п. 17 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

Вместе с тем при реализации образовательной программы, соответствующей определенному уровню, требования к качеству образования фиксируются в образовательных стандартах, предусматривающих не только перечень формируемых знаний, умений и навыков обучающихся, но и структуру и содержание учебных курсов, требования к организационно-техническим и кадровым условиям и др. Компонент личных потребностей при этом связывается преимущественно с созданием особых условий для успешного освоения образовательной программы отдельными категориями обучающихся (в особенности лицами с ограниченными возможностями здоровья).

При заключении договора об оказании платных образовательных услуг ориентир в виде образовательного стандарта отсутствует, а потому соответствие их критерию качества устанавливается исключительно на основании содержащихся в договоре требований к структуре и содержанию курса, расписанию и форме проведения занятий, количеству и продолжительности индивидуальных консультаций. Показательным в данном контексте является следующий пример из судебной практики.

Истцом был заключен договор об оказании платных образовательных услуг с индивидуальным предпринимателем (ИП), предусматривающий обучение и индивидуальное консультирование по вопросам ведения рекламных страниц пользователей в социальных сетях. В рамках исполнения обязательств по договору исполнитель трижды созванивался с заказчицей по видеосвязи, однако, по ее мнению, предоставленная информация носила общий характер и могла быть получена из открытых источников. Кроме того, заказчица была лишена возможности получения личных консультаций у ответчика, так как имела доступ только в общий чат подписчиков, оплативших образовательные услуги. В связи с отказом от дальнейшего прохождения обучения

³ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 23.05.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Решение Советского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 13.10.2023 по делу № 2-1205/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/%E2%84%96%202-1205|2023/all:1> (дата обращения: 27.06.2025); Решение Лефортовского районного суда г. Москвы по делу № 02-1954/202 [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru/#/basesearch/N%2002-1954|202/all:2> (дата обращения: 27.06.2025); Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2024 № 88-13537/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/%E2%84%96%2088-13537|2024:0> (дата обращения: 27.06.2025) и др.

истец требовала взыскать с ответчика его стоимость за вычетом фактически понесенных ИП затрат. Расчет таких затрат был произведен исходя из суммы оплаты услуг сторонних исполнителей, привлекавшихся ответчиком для содержательного наполнения курса, составления отчетов и презентаций по нему, ведения чата обучающихся, а также средней стоимости трех индивидуальных консультаций по вопросам создания личного бренда и ведения рекламного аккаунта в социальных сетях.

Оценивая обстоятельства дела, суд исходил из того, что заказчик добровольно приняла на себя условия, предложенные исполнителем, предусматривающие оплату в размере 400 000 рублей, доступ к курсу и проведение индивидуальных консультаций посредством 8 видеозвонков в течение 2 месяцев. Расторжение договора было произведено на основании ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей»⁵ в отсутствие каких-либо нарушений со стороны лица, оказывающего платные образовательные услуги. При таких обстоятельствах истец могла претендовать на возврат части стоимости обучения, пропорциональной объему фактически не оказанных услуг (пяти консультаций) по заключенному с ней договору, поскольку привлечение ответчиком сторонних исполнителей не свидетельствует, что соответствующими расходами в полной мере покрываются затраты ИП на организацию курса. В связи с тем, что указанные средства были перечислены ответчиком в пользу заказчика добровольно, суд отказал в иске⁶.

Стоит заметить, что право на отказ от исполнения договора, направленного на выполнение работ или оказание услуг, в любой момент с момента его заключения закрепляется за потребителем в порядке исключения из правила ст. 310 ГК РФ («Недопустимость одностороннего отказа от исполнения обязательства») исходя из специфики статуса потребителя как слабой стороны в возникающих правоотношениях. В то же время его реализация применительно к договору об оказании

платных образовательных услуг далеко не всегда предполагает правовую возможность возврата части внесенной оплаты. Возврат невозможен, например, если исполнитель докажет, что на момент заявления заказчика об одностороннем отказе от договора такие услуги были оказаны в полном объеме.

Так, например, было отказано в иске подписчику, который приобрел у популярного блогера образовательный курс, однако принял решение отказаться от обучения сразу после предоставления ему доступа к обучающим материалам. Заказчик мотивировал свой отказ тем, что содержание курса не соответствует его ожиданиям, к тому же в нем присутствует ненормативная лексика и иные оскорбительные выражения. Суд встал на сторону блогера – исполнителя образовательной услуги, подчеркнув, что в соответствии с условиями заключенного между сторонами договора образовательная услуга считается оказанной с момента предоставления доступа к методическому пособию и курсу видеолекций. Данные обязательства были выполнены ответчиком в полном объеме⁷.

Как нетрудно заметить, в приведенных примерах претензии заказчиков обращены к содержанию и порядку прохождения обучающих курсов как показателям, позволяющим определить соответствие оказываемой образовательной услуги критерию качества. Ввиду отсутствия обязательных требований к обучающим программам, предлагаемым блогерами, выполнение этого критерия оценивается с опорой на договорные условия, в частности на зафиксированный в договоре порядок предоставления доступа к образовательному контенту и порядок получения образовательной услуги (последний, как правило, предполагает подписание акта приемки непосредственно на этапе получения пользователем учетных данных для ознакомления с материалами курса).

В подобных обстоятельствах неудивительно, что судебная практика не содержит примеров удовлетворения исков подписчиков, воспользовавшихся платными образовательными услугами блогеров, которые основыва-

5 О защите прав потребителей : Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (в ред. от 08.08.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.08.2024 № 88-17287/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/N%2088-17287|2024/all:2> (дата обращения: 27.06.2025).

7 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.08.2021 № 88-15388/2021 по делу № 2-3531/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/N%2088-15388|2021/all:1> (дата обращения: 27.06.2025).

лись бы на ч. 1 ст. 29 Закона «О защите прав потребителей» (данная норма предусматривает возможность снижения стоимости платной услуги при обнаружении ее недостатков или устранения их исполнителем по требованию заказчика). Следовательно, односторонний немотивированный отказ от исполнения договора по ст. 32 упомянутого закона остается единственной правовой возможностью для защиты интересов подписчиков, доверивших свое личное или профессиональное развитие популярному инфлюенсеру.

Еще бóльшую актуальность проблема качества оказываемых блогерами образовательных услуг приобретает постольку, поскольку обращение к образовательному контенту в сети гражданами, имеющими статус индивидуального предпринимателя, в связи с планированием и осуществлением ими предпринимательской деятельности не подпадает под действие специального законодательства о защите прав потребителей. Для данной категории заказчиков образовательных услуг блогеров односторонний отказ от исполнения договора, по общему правилу, недопустим, а при его совершении влечет за собой гражданско-правовую ответственность (возмещение убытков, понесенных исполнителем, согласно ст. 782 ГК РФ). Такая позиция находит поддержку в судебной практике⁸.

Сказанное в данной части позволяет прийти к выводу, что используемая на практике договорная конструкция, опосредующая реализацию блогером образовательного контента, не соответствует особой целевой направленности возникающих отношений. Обращение к обучающим курсам, предлагаемым популярными инфлюенсерами, не является формой реализации потребности в получении профессиональных или образовательных компетенций. Подписчики, приобретая такие услуги, в действительности уплачивают денежные средства за возможность профессионального или личностного роста под руководством блогера, привлечшего внимание пользовательской аудитории благодаря демонстрации успешности своей личной или бизнес-стра-

тегии. При этом ожидается, что блогер будет действовать в роли опытного наставника, принимающего непосредственное участие в развитии личных или профессиональных качеств своего подписчика (заказчика) не только путем предоставления необходимой информации (формирования обучающего курса, предоставления доступа к нему и контроля за выполнением заданий), но и посредством мотивации к достижению поставленных целей, оказания поддержки и практической помощи на основных этапах этого пути. Такие ожидания, как можно убедиться на примерах из судебной практики, не могут быть учтены при реализации конструкции договора об оказании платных образовательных услуг, по которому обязательства исполнителя ограничиваются предоставлением образовательного контента, не подлежащего проверке на соответствие государственным образовательным стандартам.

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ БЛОГЕРОВ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВНО ЛИ УЖЕСТОЧЕНИЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ?

Наиболее очевидный путь решения исследуемой проблемы связывается с ужесточением государственного контроля за деятельностью блогеров, распространением на оказываемые ими образовательные услуги требования государственных образовательных стандартов. Однако такой вариант подразумевает решение практически невыполнимой задачи по согласованию индивидуальных потребностей потребителей пользовательского контента в сети Интернет и требований к результату освоения образовательной программы, которая не предполагает повышения образовательного уровня (получения образования). Он также сопряжен с явным ограничением договорной свободы, рассматриваемой как возможность субъектов вступать в отношения, опосредуемые не только существующими, но и непоименованными в ГК РФ договорными конструкциями. Наконец, существует риск перевода обучающего контента в разряд развлекательного для ухода от устанавливаемых ограничений.

Легализация блогеров как особой разновидности субъектов экономической деятельности, поддерживаемая многими учеными,

⁸ Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2023 по делу № 8Г-26460/2022[88-253/2023-(88-30837/2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/513:1> (дата обращения: 28.07.2025).

также не способна, на наш взгляд, помочь в преодолении сложившейся ситуации. Так, например, отмечается, что в легальном определении блогера следует отразить не только количественный критерий блогерской деятельности (число подписчиков), но и критерий вовлеченности пользователей в коммуникацию на платформе блога. Оценку такой вовлеченности планируется производить исходя из показателя среднемесячной аудитории блога, а также индекса цитируемости (индекса репостов) и положительных реакций (лайков)⁹. Нельзя не отметить, что такое предложение частично исходит из утративших силу положений ст. 10.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которыми предусматривалось, что владелец сайта (страницы сайта) в сети Интернет признается блогером в том случае, если размещаемой на таком ресурсе общедоступной информации в течение суток фактически обращается более трех тысяч пользователей. В том же ключе исследует блогерскую деятельность целый ряд современных авторов [4, с. 59; 5, с. 92; 6, с. 64].

Думается, с помощью процедуры легитимации можно отследить масштаб, а не содержание и тем более качество экономической деятельности блогеров. Масштаб же важен преимущественно при реализации права на меры государственной поддержки и выборе режима налогообложения (подобно тому как установленные законодательством предельные значения прибыли предпринимателя служат критерием для отнесения его к субъектам малого или среднего бизнеса с соответствующими правовыми последствиями). Неслучайно, например, Д.М. Костин, настаивая на легитимации блогеров, связывает преимущества такого решения в первую очередь с достижением целей публично-правового регулирования – обеспечением контроля за контентом, распространяемым в сети Интернет, экономической стабильности в государстве, выработкой четких правил для блогеров [7, с. 12].

⁹ Ключевская Н. Закон о блогерах: предложения по правовому регулированию блогосферы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1636883/> (дата обращения: 27.06.2025).

ФИДУЦИАРНЫЙ ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БЛОГЕРОМ И ПОДПИСЧИКОМ. ДОГОВОР О ЛИЧНОМ НАСТАВНИЧЕСТВЕ В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ КАК ОПТИМАЛЬНАЯ ДОГОВОРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ, ОПОСРЕДУЮЩАЯ РЕАЛИЗАЦИЮ БЛОГЕРАМИ ОБУЧАЮЩЕГО КОНТЕНТА

Следует полагать, что договорная конструкция, сопровождающая и обслуживающая в правовом поле те или иные виды гражданско-правовых отношений, должна соответствовать их существу и характеру, отражать особенности их возникновения и развития, а также целевую направленность. Специфика возникновения и развития отношений по поводу оказания образовательных услуг в блогосфере состоит в том, что заключению договора предшествует определение целевой аудитории (подписчиков), установление блогером круга лиц, симпатизирующих ему лично и (или) формируемому потребителю контенту (способу подачи и содержанию публикуемой информации), жизненным ценностям, профессиональным достижениям, убеждениям, методам ведения бизнеса или построения семейных отношений и т. п.

В данном контексте нельзя не согласиться с утверждением, что инфлюенсер в своей деятельности не просто отвечает на запрос аудитории, создавая и преподнося в определенной форме интересующую ее информацию, а является субъектом, продуцирующим новые социально-культурные ценности, находящие своих последователей благодаря возможностям цифровой среды [8, с. 28]. Однако блогерство оказывает влияние не только на формирование общественного мнения.

Ведение блога предусматривает публикацию информации в формате личного дневника, содержащего сведения об обстоятельствах своей жизни и жизни своей семьи, профессиональной (предпринимательской или иной) деятельности, мнения и суждения по поводу таких обстоятельств, а также социально-экономических, политических и культурных процессов, происходящих в мире. Одной из важнейших черт таких отношений является активное использование инструментов обратной связи с подписчиками (лайков, репостов, комментариев, сообщений), позволяющих ин-

флюенсеру определять степень охвата пользовательской аудитории, оценивать реакцию на тот или иной материал и корректировать на основе такой оценки проблематику дальнейших публикаций.

Характерной особенностью развития современной блогосферы является сочетание профессионального пользовательского контента и пользовательского контента личного характера, посвящающего подписчиков в повседневную жизнедеятельность блогера, область его эмоциональных переживаний и взаимоотношений с родственниками и друзьями. В результате такого подхода между блогером и подписчиком формируются особые отношения, отличающиеся признаками близости или даже семейственности, выражением чувства доверия как внутренней убежденности в искренности инфлюенсера, поддержки его взглядов, форм личной или профессиональной активности. Неслучайно популярные блогеры называют своих подписчиков «семьей» [9, с. 2]. В случае, когда блогер намеренно формирует у заказчика образовательных услуг ложное представление о том, что прохождение обучения гарантированно повысит его доход, решит проблемы в личной жизни и т. п., может ставиться вопрос о наличии в действиях инфлюенсера мошенничества – деяния, совершаемого посредством злоупотребления доверием.

В описываемом контексте оказание блогером образовательных услуг своим подписчикам оценивается ими как форма удовлетворения потребности в личном наставничестве, оказания содействия в достижении индивидуальных целей в области личной, профессиональной, семейной, общественной жизни. Опосредующий такие отношения договор, с учетом его целевой направленности и характера взаимоотношений сторон, может быть определен как договор о личном наставничестве.

В действующем гражданском законодательстве конструкция договора данного рода, разумеется, не зафиксирована, однако вряд ли можно говорить о том, что договоры, основанные на доверии, являются новшеством для цивилистической доктрины и права. Такие договоры именуется фидуциарными (лат. *fiducia* – доверие) и в качестве своих базовых характеристик предполагают, что действия фидуциара (обязанной сто-

роны) осуществляются в целях наилучшего обеспечения интересов другой стороны (бенефициара). Утрата лично-доверительных отношений между фидуциаром и бенефициаром позволяет расторгнуть заключенный договор в любой момент без неблагоприятных последствий (при условии оплаты фактически понесенных расходов).

Фидуциарный характер в настоящее время общепризнанно имеет договор поручения, что обуславливается, во-первых, возможностью одностороннего отказа от надлежащего исполнения обязательств по такому договору; во-вторых, опциональным характером условия о вознаграждении в нем (ввиду лично-доверительных связей сторон такое вознаграждение, по общему правилу, не выплачивается) [10, с. 234]. В судебной практике лично-доверительный характер признается также за договором пожизненного содержания с иждивением, что, однако, связывается не с упрощенным порядком его расторжения, а со спецификой установления обстоятельств, свидетельствующих о существенном нарушении со стороны плательщика ренты¹⁰. Фидуциарность может относиться и к договору дарения – в той части, в которой предпосылки его заключения обнаруживаются в области личных отношений между субъектами¹¹. В то же время о доверительном характере такого договора в некоторой степени может свидетельствовать то, что действующее законодательство (п. 2 ст. 578 ГК РФ) допускает отмену дарения в случае ненадлежащего обращения одаряемого с подаренной вещью, представляющей для дарителя большую неимущественную ценность. В некотором роде такое поведение может оцениваться как влекущее за собой утрату доверия дарителя.

Относительно договора доверительного управления имуществом аргументом против

10 См., например: Апелляционное определение Самарского областного суда от 17.12.2018 по делу № 33-15103/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/%E2%84%96%2033-15103|2018/all:1> (дата обращения: 27.06.2025); Кассационное определение Московского городского суда от 24.12.2013 № 4г/2-10933/13 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/4%D0%B3%7C2-10933|13/all:3> (дата обращения: 27.06.2025).

11 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.12.2021 № Ф09-2106/21 по делу № А76-40953/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/%D0%9076-40953|2019/all:4> (дата обращения: 27.06.2025).

включения его в число фидуциарных является то, что личность управляющего, как и личный характер отношений сторон, не имеет правового значения при его заключении и исполнении [11, с. 29]. С позиции противоположного подхода «доверительность» в данном договоре означает, что управляющий обязан проявлять заботу в отношении переданного ему имущества, принимать решение о его использовании наиболее выгодным для учредителя управления или выгодоприобретателя способом [12, с. 12]. Именно в контексте принятия/непринятия наилучших мер категория «фидуциарная ответственность» исследуется в настоящее время применительно к корпоративным отношениям [13, с. 265; 14, с. 30; 15, с. 34].

В целом фидуциарный характер чаще всего приписывается именно посредническим договорам. При этом отмечается, что доверие между сторонами фидуциарного договора поручения является настолько полным, что личность доверителя при его заключении как бы растворяется в личности поверенного, который при осуществлении возложенных на него полномочий обязан руководствоваться волей доверившегося ему лица и проявлять обычно свойственные таковому осмотрительность и расчетливость [16, с. 9]. Представляется, однако, что такой подход несколько упрощает и одновременно сакрализует рассматриваемые отношения, поскольку поручительство, как и прочие разновидности посреднических договоров (агентирования, комиссии), не предполагает создания нового субъекта права, по аналогии с юридическим лицом. Более того, привлечение поверенного (равно как и доверительного управляющего) нередко приобретает смысл как раз благодаря тому, что фидуциар располагает большими возможностями, знаниями, умениями, навыками и т. п. для совершения тех или иных действий в интересах и для большей выгоды бенефициара.

За рубежом, в особенности в странах англосаксонской правовой семьи, свойство фидуциарности исследуется в первую очередь применительно к корпоративным связям, в которых конструкция фидуциарных обязанностей обеспечивает установление и соблюдение стандартов управления корпорациями, а также привлечение к ответственности недобросовестных управляющих. В то же время представ-

ляет интерес, что это свойство определяется как возможность одной стороны в правоотношениях оказывать влияние на действия другого субъекта, в том числе давать ему обязательные к исполнению указания и советы [17, р. 76].

С учетом приведенных характеристик, можно заключить, что фидуциарность договора предполагает не только установление особых лично-доверительных отношений сторон на этапе, предшествующем его заключению, но и непосредственно вытекающую из такой характеристики обязанность фидуциара действовать в целях наилучшего обеспечения интересов другой стороны (бенефициара), получения последним выгоды в предусмотренных договором формах. При такой трактовке главной характеристикой фидуциарного договора является не сама по себе посредническая деятельность фидуциара, а наличие особых лично-доверительных отношений между сторонами, в силу которых выполнение тех или иных прав и обязанностей в принципе становится возможным только потому, что предполагается: что бы ни делал фидуциар, он всегда действует для того, чтобы улучшить положение бенефициара, к которому испытывает симпатию, проявляет заботу и т. п.

В отношениях по реализации блогером образовательного продукта достаточно четко прослеживается предварительный этап взаимодействия с подписчиками, на котором устанавливаются такие доверительные связи, определяется круг лиц, разделяющих внутренние убеждения блогера, его образ жизни и (или) стремящихся к приобретению собственных ему личных или профессиональных качеств. Эта специфика позволяет обратить внимание и на особенности субъектного состава заключаемого договора: в качестве заказчика по нему выступает подписчик, принявший решение о приобретении соответствующего контента по результатам ознакомления с материалами блога, демонстрирующими успешность непосредственно реализуемой блогером (исполнителем) жизненной, финансовой, бизнес- и иной стратегии; исполнителем является лицо, транслирующее на платформе своего блога информацию о такой стратегии в режиме онлайн-дневника.

Однако было бы неверным считать, что лишь на этапе, предшествующем заключению

договора, имеет значение и прослеживается элемент доверия между указанными субъектами. В отличие от договора поручения в договоре, направленном на реализацию блогером образовательного контента, эта характеристика относится не столько и не только к допустимости совершения фидуциаром отдельных действий в интересах бенефициара (выполнению поручения), но и к самой возможности выступать в качестве исполнителя в той мере, в которой наставничество представляет собой особую форму лично-доверительных отношений, предполагающих не только передачу знаний и опыта наставляемому, но и раскрытие его профессионального или личностного потенциала, оказание поддержки при постановке индивидуальных целей и деятельности, направленной на их достижение [18, с. 85].

Утрата доверия к фигуре наставника делает невозможным сохранение договорных связей на любом этапе их развития. При этом наиболее проблематично сохранить доверие именно при взаимодействии в цифровой среде, а не в офлайн-формате, поскольку коммуникация с применением современных информационно-телекоммуникационных технологий стирает грани между личным участием и простым размещением информации (обучающего контента). Ввиду указанных причин принципиальным здесь является определение форм личного участия наставника в деятельности по постановке и достижению личных или профессиональных целей. Такие формы, порядок и периодичность их использования (например, звонки в мессенджере или с помощью сервисов видеосвязи, письма по электронной почте и т. п.) должны быть достаточными, чтобы осуществляемая исполнителем деятельность подпадала под характеристику непосредственно реализуемых им мер по передаче опыта, оказанию помощи и поддержки при постановке и достижении целей в области личностного или профессионального роста и развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сказанное в целом позволяет утверждать, что характеру возникающих отношений в большей степени соответствует фидуциарный договор о личном наставничестве в цифровой форме, рассматриваемый в качестве

специфической разновидности договора об оказании услуг. В рамках такого договора наставник (блогер), реализующий свою услугу в цифровой форме на платформе блога, обязуется действовать в интересах наставляемого (подписчика), предоставляя ему информацию, оказывая помощь и поддержку при постановке и достижении целей в области личностного или профессионального роста и развития. Наставляемый, в свою очередь, обязуется произвести оплату услуг, выполнять задания наставника и следовать его рекомендациям.

Специфику такого договора составляют целевая направленность, субъектный состав и форма реализации (в цифровой среде). Целью договора о личном наставничестве в цифровой форме является предоставление наставляемому (подписчику) возможности профессионального или личностного роста и развития под руководством блогера, оказывающего ему помощь и поддержку при постановке и достижении поставленных целей в избранном направлении. В качестве наставляемого (заказчика) по такому договору выступает подписчик, принявший решение о приобретении соответствующего контента по результатам ознакомления с материалами блога, демонстрирующими успешность непосредственно реализуемой блогером (наставником) жизненной, финансовой, бизнес- и иной стратегии; наставником (исполнителем) является лицо, транслирующее на платформе своего блога информацию о такой стратегии в режиме онлайн-дневника (блогер). Реализация в цифровой среде предполагает, что размещение информационного контента осуществляется на платформе блога или иным способом в сети Интернет, коммуникация наставника с наставляемым осуществляется с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий (посредством обмена сообщениями и информацией на платформе блога, в формате видеозвонков, выполнения заданий с обратной онлайн-связью и т. п.).

Существенным условием договора о личном наставничестве является форма личного участия наставника в деятельности по постановке и достижению соответствующих целей (может выражаться, в частности, в обращении пользователя к созданному лично блогером обучающему контенту, в собственноручной

проверке и комментировании наставником хода выполнения заданий, в возможности обращения за персональной консультацией и т. п.). Такие формы, порядок и периодичность их использования должны быть достаточными для того, чтобы осуществляемая исполнителем деятельность подпадала под характеристику непосредственно предпринимаемых им мер по передаче опыта, оказанию помощи и поддержке наставляемому.

Доверительный характер возникающих отношений предполагает возможность любой из сторон отказаться от исполнения договора без возмещения убытков независимо от правового статуса наставляемого – заказчика (в таком качестве может выступать в том числе и физическое лицо – индивидуальный предприниматель). Немотивированный односторонний отказ наставляемого от исполнения договора с возвратом полной стоимости по договору при этом должен быть

доступен, если им не задействована ни одна из предусмотренных договором форм личного участия наставника. В иных случаях при учете фактически понесенных исполнителем расходов следует оценивать количество и продолжительность взаимодействий между блогером и подписчиком.

Внедрение конструкции договора о личном наставничестве в цифровой форме предполагает значительное повышение требований к качеству образовательного продукта, предлагаемого блогерами, и в целом к содержанию экономической деятельности указанных субъектов. Однако представляется, что такая мера может быть поддержана блогерским сообществом, в том числе без сопутствующих законодательных изменений, как инструмент, который позволяет повысить уровень лояльности пользовательской аудитории, а значит, увеличить число подписчиков и совокупный доход инфлюенсера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильина И.А. Инфлюенс-маркетинг как социальная технология продвижения образовательных услуг / И.А. Ильина, Б.С. Десятков, И.К. Струлев // Социология и право. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 306–317.
2. Короткова Е.А. Правовой статус инфлюенсеров как субъектов экономической деятельности в России и за рубежом / Е.А. Короткова // Право и экономика. – 2021. – № 12 (406). – С. 11–16.
3. Саламова З.К. Модные блогеры как селебрити-эксперты в русскоязычных социальных медиа / З.К. Саламова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2021. – № 9. – С. 139–156.
4. Арсланов К.Т. Правовые аспекты цифровизации общественных отношений: блогеры и блогерская деятельность / К.Т. Арсланов // Вестник Университета управления «ТИСБИ». – 2022. – № 2. – С. 59–71.
5. Каджаметова Т.Н. Проблемы налогообложения доходов пользователей социальных сетей / Т.Н. Каджаметова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 92–96.
6. Лаврова А.А. «Закон о блогерах»: правоприменительная практика / А.А. Лаврова // Проблемы современной экономики и прикладные исследования : сборник статей. – Владимир : Аркаим, 2021. – С. 64–67.
7. Костин Д.М. Необходимость легализации деятельности блогеров в России / Д.М. Костин // Научный журнал. – 2023. – № 1 (66). – С. 12–18.
8. Лескова Ю.Г. Правовое обеспечение безопасности деятельности блогеров как субъектов предпринимательских отношений / Ю.Г. Лескова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 6. – С. 28–33.

REFERENCES

1. Ilyina I.A., Desyatov B.S., Strulev I.K. Influence Marketing as a Social Technology for the Promotion of Educational Services. *Sociology and Law*, 2022, vol. 14, no. 3, pp. 306–317. (In Russian).
2. Korotkova E.A. The Legal Status of Influencers as Subjects of Economic Activity in Russia and Abroad. *Law and Economics*, 2021, no. 12 (406), pp. 11–16. (In Russian).
3. Salamova Z.K. Fashion Bloggers as Celebrity Experts in Russian-Spoken Segment of Social Media. *RSUH/ RGGU Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2021, no. 9, pp. 139–156. (In Russian).
4. Arslanov K. Legal Aspects of Digitizing of Public Relations: Bloggers and Blogging Activities. *TISBI University "Bulletin"*, 2022, no. 2, pp. 59–71. (In Russian).
5. Kadzhametova T.N. Social Networks Users' Income Taxation Issues. *Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University*, 2020, no. 3, pp. 92–96. (In Russian).
6. Lavrova A.A. "The Law on Bloggers": Law Enforcement Practice. *Problems of Modern Economics and Applied Research. Collection of Articles*. Vladimir, Arkaim Publ., 2021, pp. 64–67. (In Russian).
7. Kostin D.M. The Need to Legalize Bloggers' Activities in Russia. *Scientific Journal*, 2023, no. 1 (66), pp. 12–18. (In Russian).
8. Leskova Yu.G. Legal Security of Bloggers' Activities as Subjects of Business Relations. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2024, no. 6, pp. 28–33. (In Russian).

9. Сладкоедова И.А. Речевое вовлечение в Интернет-коммерции на русском и китайском языках (на материале игровых блогов) / И.А. Сладкоедова, С.В. Оленев, Е.Е. Рынзина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 12 (150). – С. 1–6.
10. Зорин В.С. Понятие и содержание фидуциарных правоотношений / В.С. Зорин // Вестник гражданского права. – 2024. – № 2. – С. 220–241.
11. Михеева Л.Ю. Доверительное управление имуществом / Л.Ю. Михеева; под ред. В.М. Чернова. – Москва: Юристъ, 1999. – 176 с.
12. Емелькина И.А. Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом» / И.А. Емелькина // Гражданское право. – 2021. – № 6. – С. 12–17.
13. Андреев В.К. Корпоративное право современной России: монография / В.К. Андреев, В.А. Лаптев. – Москва: Проспект, 2023. – 432 с.
14. Горева А.А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте / А.А. Горева // Вестник гражданского права. – 2020. – № 6. – С. 30–66.
15. Сайфуллин Р.И. Внедоговорный залог: оптимальная модель регулирования / Р.И. Сайфуллин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 10. – С. 34–78.
16. Белоусова Е.В. Правовое регулирование фидуциарных договоров по гражданскому праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Владикавказ, 2011. – 22 с.
17. Lau M.W. The Economic Structure of Trusts: Towards a Property-based Approach / M.W. Lau. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. – 230 p.
18. Урмина И.А. Наставничество, его значение в истории и современности / И.А. Урмина, Н.Н. Горелова // Социальная политика и социология. – 2010. – № 7. – С. 85–94.
9. Sladkoedova I.A., Olenev S.V., Rynzina E.E. Speech Engagement in Internet Commerce in Russian and Chinese (on the Material of Game Blogs). *International Research Journal*, 2024, no. 12 (150), pp. 1–6. (In Russian).
10. Zorin V.S. The Concept and Substance of Fiduciary Legal Relationships. *Civil Law Review*, 2024, no. 2, pp. 220–241. (In Russian).
11. Mikheeva L.Yu.; Chernov V.M. (ed.). Trust Management of Property. Moscow, Jurist Publ., 1999. 176 p.
12. Emelkina I.A. Problems of the Correlation Between a Proprietary Right and the “Management of Other Person’s Property” Structure. *Civil Law*, 2021, no. 6, pp. 12–17. (In Russian).
13. Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate Law of Modern Russia. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 432 p.
14. Goreva A.A. Agreement of Simple Company and its Types: Russian Law in a Comparative Legal Aspect. *Civil Law Review*, 2020, no. 6, pp. 30–66. (In Russian).
15. Sayfullin R. Non-Consensual Lien: Optimal Regulation Model. *The Herald of Commercial Justice of Russia*, 2020, no. 10, pp. 34–78. (In Russian).
16. Belousova E.V. Legal Regulation of Fiduciary Agreements Under the Civil Law of Russia. *Cand. Diss. Thesis*. Vladikavkaz, 2011. 22 p.
17. Lau M.W. The Economic Structure of Trusts: Towards a Property-based Approach. Oxford University Press Publ., 2011. 230 p.
18. Urmina I.A., Gorelova N.N. Mentoring, its Significance in History and Modernity. *Social Policy and Sociology*, 2010, no. 7, pp. 85–94. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolesnichenko Olga Viktorovna – Candidate of Sciences (Law), Docent, Associate Professor at the Department of State and Civil Law Disciplines.

Статья поступила в редакцию 02.10.2025; одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 28.10.2025. The article was submitted 02.10.2025; approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 28.10.2025.

Научная статья
УДК 347.9
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.8

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна
Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Россия,
e.v.mihailova@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>

Original article

MIKHAILOVA Ekaterina Vladimirovna
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ЗАЩИТА НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ГОСУДАРСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

PROTECTION OF NON-PROPERTY RIGHTS OF THE STATE: PROBLEM STATEMENT

Аннотация. В статье поднимается проблема гражданской правосубъектности Российского государства и способов защиты нематериальных благ, принадлежащих публично-правовым образованиям. Автор исходит из того, что Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования являются полноправными участниками гражданско-правовых отношений, им принадлежат как имущественные, так и неимущественные права. Указывается на проблему определения надлежащих сторон при рассмотрении судами дел с участием публично-правовых субъектов. Цель: обосновать наличие у публично-правового образования неимущественных прав, предложить способы и формы защиты некоторых из них. При подготовке статьи использовались наиболее распространенные методы исследования: анализа процессуального законодательства, регламентирующего участие в гражданском деле публично-правовых образований, структурно-логический (раскрытие темы статьи в четко сформулированной логической структуре), формально-юридический (использование общепринятых юридических терминов и понятий), сравнительно-правовой (изучение и сопоставление правовых норм, институтов и практики их применения), историко-правовой (анализ истории формирования законодательства об участии в процессе публично-правовых образований). Результаты: в качестве нематериальных благ, которыми могут обладать государство, его субъекты и муниципальные образования, названы деловая репутация (как участников гражданских правоотношений) и традиционные российские духовно-нравственные ценности. Гражданско-правовая защита указанных благ должна осуществляться в рамках искового производства.

Abstract. The article raises the problem of the civil legal capacity of the Russian state and methods to protect intangible assets belonging to public law entities. The author proceeds from the fact that the Russian Federation, its constituent entities and municipalities are full participants in civil law relations, they own both property and non-property rights. The problem of determining the appropriate parties when considering cases involving public law entities by the courts is pointed out. Purpose: To substantiate the existence of non-property rights in a public law entity, and to propose methods and forms of protection for some of them. In preparing the article, the most common research methods are used: analysis of procedural legislation regulating the participation of public law entities in a civil case, structural-logical (disclosure of the topic of the article in a clearly formulated logical structure), formal-legal (use of generally accepted legal terms and concepts), comparative-legal (study and comparison of legal norms, institutions and their application practices), historical-legal (analysis of the history of the formation of legislation on participation in the process of public law entities). Results: Business reputation (as participants in civil law relations) and traditional Russian spiritual and moral values are mentioned as intangible assets that the state, its constituent entities and municipalities can possess. Civil law protection of these assets should be carried out within the framework of litigation proceedings.

Ключевые слова: публично-правовые образования, субъекты права, гражданская правосубъектность, нематериальные права, деловая репутация, духовно-нравственные ценности, прокурор, сторона в судопроизводстве, нравственность

Для цитирования: Михайлова Е.В. Защита неимущественных прав государства: постановка проблемы / Е.В. Михайлова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 78–84.

Keywords: public law entities, subjects of law, civil legal capacity, intangible rights, business reputation, spiritual and moral values, prosecutor, party to legal proceedings, morality

For citation: Mikhailova E.V. Protection of Non-Property Rights of the State: Problem Statement. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 78–84. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.8.

ВВЕДЕНИЕ

Субъектами гражданского права, наряду с гражданами и юридическими лицами, являются Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования (ч. 1 ст. 2 ГК РФ). Их правовое положение определяется в ст. 124 ГК РФ¹. Закон закрепляет равенство публично-правовых образований с иными участниками гражданских правоотношений.

Однако «равенство» не означает «тождественность». Конституционный Суд РФ подчеркивает, что публично-правовая природа указанных субъектов определяет и особенности их правоспособности, имеющей отличия от правоспособности лиц, преследующих частные интересы².

Вместе с тем правовая позиция Конституционного Суда РФ не отличается ясностью.

1 Статья 124 ГК РФ устанавливает: «1. Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республика, край, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами. 2. К субъектам гражданского права, указанным в пункте 1 настоящей статьи, применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов».

2 Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования участвуют в гражданских правоотношениях как субъекты со специальной правоспособностью, которая в силу их публично-правовой природы не совпадает с правоспособностью других субъектов гражданского права – граждан и юридических лиц, преследующих частные интересы» (Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Совета Федерации о проверке конституционности Федерального закона «О переводном и простом векселе»: определение Конституционного Суда РФ от 04.12.1997 № 139-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Остается нерешенным вопрос: какова же правосубъектность государства, субъектов государства и муниципальных образований как участников гражданско-правовых отношений, если она не совпадает с гражданской правосубъектностью граждан и юридических лиц?

Как известно, гражданские права классифицируются по разным основаниям. В частности, различают имущественные и личные неимущественные права. Согласно сложившемуся подходу обладателями неимущественных прав признаются граждане³.

Однако в ст. 125 ГК РФ говорится о возможности реализации публично-правовыми образованиями не только имущественных, но и личных неимущественных прав⁴. То, что данная статья прямо указывает на наличие личных неимущественных прав у публично-правовых образований, отмечается и в научной литературе⁵.

3 В ч. 1 ст. 150 ГК РФ сказано: «Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом».

4 В ч. 1 ст. 125 ГК РФ закреплено: «От имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов».

5 В.С. Толстой пишет: «Проблема наличия у публично-правовых образований неимущественных прав практически не обсуждается в юридической литературе, что совсем не удивительно: публично-правовая природа отодвигает на второй план их гражданско-правовой статус... Наличие у публично-правовых образований и их органов личных неимущественных прав прямо признает ст. 125 ГК» [1].

ДИСКУССИЯ О НОСИТЕЛЯХ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Такое нематериальное благо, как деловая репутация, в силу прямого указания закона принадлежит не только гражданам, но и юридическим лицам⁶. Поскольку к участвующим в гражданских правоотношениях публично-правовым образованиям применяются, по общему правилу, нормы, определяющие участие юридических лиц в такого рода отношениях, то публично-правовые образования следует считать обладателями такого нематериального блага, как деловая репутация, и признать наличие у них права защищать его [2, с. 24]. Между тем ученые отмечают, что нередко происходит смешение понятий «нематериальное благо» и «личное неимущественное право» [3, с. 19; 4].

Исследователи, опираясь на правовую позицию Конституционного Суда РФ, отмечают наличие различий в содержании нематериальных прав разных субъектов, но констатируют, что все эти права нуждаются в конституционной защите [5]. В силу сказанного мнение, что репутационный вред, нанесенный публично-правовому образованию преступлением должностного лица, подлежит возмещению, заслуживает поддержки⁷.

При этом ГК РФ умалчивает, являются ли органы государственной власти и местного самоуправления самостоятельными участниками гражданско-правовых отношений, а потому сложно сказать, являются ли они обладателями деловой репутации и, соответственно, вправе ли самостоятельно ее защищать. Некоторые исследователи полагают, что необходимо расширить сферу применения компенсации нематериального вреда и распространить ее на органы публичной власти и иных субъектов права [7].

⁶ В ч. 11 ст. 152 ГК РФ прямо указано: «Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица».

⁷ В.А. Родикова полагает, что «репутационный вред, нанесенный публичным образованиям, в том числе – муниципальным образованиям, субъектам федерации, арестом и привлечением к уголовной ответственности их высших должностных лиц, может и должен быть оценен в том числе в порядке общей деликтной ответственности данных должностных лиц с возмещением пострадавшему образованию убытков, а также компенсации сверх возмещения вреда в порядке ст. 1064 ГК РФ» [6, с. 90].

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Подчеркну, что в соответствии со ст. 124 ГК РФ только Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования являются субъектами гражданского права (это прямо закреплено в названии данной статьи). А в соответствии с содержанием ст. 125 ГК РФ органы публичной власти уполномочены только действовать от имени указанных публично-правовых образований. Поэтому можно сделать вывод, что органы публичной власти самостоятельно в гражданских правоотношениях не участвуют. Логично предположить, что эти органы также не могут быть самостоятельными участниками гражданских процессуальных и арбитражных процессуальных отношений, складывающихся в связи с рассмотрением и разрешением гражданско-правовых споров с участием публичных образований, указанных в ст. 124 ГК РФ.

Однако в противоречие этому в ст. 2 АПК РФ⁸ установлено, что задачей арбитражного судопроизводства выступает защита интересов не только тех лиц, за которыми ГК РФ закрепляет статус субъектов гражданского права, но и органов публичной власти, а также должностных лиц. Статья 2 ГПК РФ⁹ к числу задач гражданского судопроизводства относит защиту интересов «других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений» [8, с. 2].

⁸ Статья 2 АПК РФ устанавливает: «Задачами судопроизводства в арбитражных судах являются: 1) защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере...».

⁹ Статья 2 ГПК РФ закрепляет: «Задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду, мирному урегулированию споров».

Иными словами, субъектами гражданского процессуального и арбитражного процессуального права выступают не только лица, являющиеся субъектами гражданского права, но и органы публичной власти, должностные лица и даже «другие лица», к числу самостоятельных субъектов гражданского права Гражданским кодексом не отнесенные. Это крайне важный момент, поскольку в судебной практике нерешенным остается вопрос о том, какой процессуальный статус (совокупность процессуальных прав и обязанностей) необходимо придавать органам публичной власти и должностным лицам. Ошибка в этом вопросе будет иметь серьезные последствия. Например, привлечение субъекта в качестве свидетеля, в то время как он должен участвовать в деле как третье лицо, лишает его целого ряда важнейших процессуальных прав, обеспечивающих реализацию конституционного права на судебную защиту, таких как право на обжалование судебных актов, представлять суду доказательства и участвовать в их исследовании, заявлять ходатайства и пр.

Вместе с тем необходимо помнить, что только наличие гражданской правосубъектности является основанием для допуска в процесс в качестве лица, участвующего в деле. В этом смысле органы государственной власти и местного самоуправления, должностные лица не могут участвовать в делах в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Таким образом, к числу субъектов гражданского права действующее законодательство относит публично-правовые образования. Поскольку нормы гражданского законодательства не предусматривают каких-либо изъятий из содержания гражданской правоспособности нашего государства, субъектов государства и муниципальных образований, указанные публично-правовые субъекты обладают как имущественными, так и неимущественными правами (материальными благами). Учитывая, что органы власти действуют от имени публично-правовых образований (ст. 125 ГК РФ), самостоятельным процессуальным статусом в гражданском и арбитражном судопроизводстве они не обладают, а их участие в деле представляет собой особую форму законного представительства.

Судебной защите подлежат любые нарушенные и оспоренные гражданские права и законные интересы, как имущественные, так и

неимущественные, принадлежащие всем субъектам гражданского права, включая, разумеется, публичные образования. Применительно к последним имеет смысл в первую очередь говорить о деловой репутации, вред от причинения ущерба которой должен быть возмещен, в том числе в судебном порядке. Авторы справедливо пишут о возможных отрицательных последствиях негативной деловой репутации публично-правового образования¹⁰.

ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА

По моему мнению, публично-правовым образованиям принадлежит не только такое нематериальное благо, как деловая репутация. В свете издания Указа Президента РФ, закрепившего традиционные российские духовно-нравственные ценности¹¹, представляется, что они тоже являются нематериальными благами, которые принадлежат всему российскому народу, а значит, гарантом их реализации и защиты является государство¹². Глава государства отметил: «Безусловно, важнейшее условие укрепления суверенитета и безопасности государств – это сохранение и защита традиционных духовно-нравственных ценностей»¹³. О важности ценностей для

¹⁰ Так, Д.М. Павлов и П.Н. Хвостов отмечают, что, например, «при объявлении о проведении закупки путем конкурентных процедур государственный (муниципальный) заказчик может столкнуться с нежеланием потенциальных исполнителей участвовать в данной закупке именно ввиду возможной негативной деловой репутации конкретного заказчика (органа власти). При этом негативная деловая репутация может быть связана с непосредственной хозяйственной деятельностью (качество исполнения обязательств по оплате или обязанностей кредитора) и с непосредственной властной деятельностью (недостатки в работе по основному направлению деятельности)» [9, с. 177].

¹¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 19.06.2025).

¹² В п. 7 Указа Президента РФ № 809 закреплено: «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала».

¹³ Путин назвал защиту традиционных ценностей важнейшим условием суверенитета [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/20632937> (дата обращения: 19.06.2025).

функционирования правовой системы писали и многие ученые¹⁴.

Безусловно, защита традиционных духовно-нравственных ценностей является базовой потребностью как российского общества, так и государства. Но для того чтобы создать эффективный защитный механизм, требуется определить место традиционных ценностей в системе объектов правового регулирования, имплементировать их в действующее материальное и процессуальное законодательство. Пока это не сделано.

Полагаю, что работа в указанном направлении должна вестись следующим образом. Прежде всего, необходимо закрепить понятие и признаки традиционных духовно-нравственных ценностей. Оно не должно быть оценочным, поскольку в таком случае будет возможно использовать их как инструмент давления, механизм недобросовестного поведения. Пример этого уже имеется. Так, многоженство противоречит законодательству России – пояснил ТАСС источник в Генпрокуратуре после внесения представления Духовному управлению мусульман в связи с фетвой, допустившей многоженство¹⁵.

В разных регионах России могут быть разные представления о традиционных духовно-нравственных ценностях. Поэтому правильно будет закрепить, что обладателем таких нематериальных благ, как духовно-нравственные ценности, является исключительно Российская Федерация. Возможно, следует разъяснить, что духовно-нравственные ценности относятся к числу объектов гражданского права, и уточнить, что «законодательство о традиционных российских духовно-нравственных ценностях находится в исключительном ведении Российской Федерации». Также необходимо исходить из того, что традиционные духовно-нравственные ценности не должны противоречить нормам действующего законодательства, а учитывая, что объектами гражданско-правового регулирования являются не только гражданские

права, но и охраняемые законом интересы, имеется настоятельная потребность в разграничении даже не двух (права и ценности), а трех категорий: субъективные права, охраняемые законом интересы и традиционные духовно-нравственные ценности.

На самом деле нельзя сказать, что традиционные ценности сегодня совершенно не включены в нормы действующего отечественного законодательства. Например, в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закреплено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в том числе в целях защиты нравственности. Статья 169 ГК РФ посвящена признанию недействительной сделки, противной основам правопорядка или нравственности.

Однако необходим процессуальный механизм защиты таких нематериальных благ, как традиционные российские духовно-нравственные ценности. Без этого само существование этих ценностей, поставленное в зависимость от одной только доброй воли всех членов общества, находится под прямой угрозой. А этот механизм в настоящее время отсутствует. Суды, рассматривая и разрешая гражданские дела, руководствуются не философскими измышлениями, не общественными представлениями, не научными идеями, а нормами российского права. Решение суда должно быть основано на положениях действующего материального и процессуального права, и только в этом случае оно будет законным. Применительно к вопросу о защите нематериальных благ это ясно видно, например, из совершенно обоснованного заключения суда, согласно которому обязанность принести извинение не относится к числу способов защиты гражданских прав¹⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основным направлением разработки эффективного механизма защиты нематериальных прав публично-правовых образова-

14 Так, Н.М. Кропачев и В.В. Архипов правильно подчеркивают, что «на наиболее высоком уровне теоретических обобщений ценности в целом – это необходимое условие функционирования правовой системы, а традиционные духовно-нравственные ценности – это их разновидность» [10, с. 300].

15 Генпрокуратура предупредила о незаконности решения ДУМ о многоженстве [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22754095> (дата обращения: 19.06.2025).

16 В решении суда сказано, что «извинение как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и другими нормами законодательства не предусмотрено, поэтому суд не вправе обязывать ответчика по данной категории дел принести истцу извинения в той или иной форме» (Решение Октябрьского районного суда г. Иркутска от 24.12.2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WNjn6taexsQW/> (дата обращения: 20.06.2025)).

ний должно стать, во-первых, признание, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, являясь полноправными субъектами гражданского права, обладают как имущественными правами, так и неимущественными интересами. К числу последних можно отнести деловую репутацию, поскольку она играет важную роль в гражданско-правовой деятельности публичных образований, которые, осуществляя хозяйственную деятельность, выступают на равных со всеми прочими участниками гражданского оборота. Взыскание компенсации за причинение вреда деловой репутации публично-правовых образований должно осуществляться по общим правилам искового производства в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства. Этого требует равенство публичных образований и других субъектов права в сфере гражданской юрисдикции.

Необходимо принять во внимание, что согласно положениям ГК РФ субъектами гражданского права являются только публично-правовые образования, а органы публичной власти действуют от их имени и в их интересах (ст. 124, 125). При этом, согласно нормам ГПК РФ и АПК РФ, к числу участников гражданского и арбитражного судопроизводства относятся также органы публичной власти, должностные лица и даже «иные участники» спорных правоотношений. Думается, что проблема определения надлежащих сторон в гражданских делах с участием публичных образований должна решаться с использованием классического для науки цивилистического судебного процесса метода, предполагающего определение лиц, имеющих материально-правовую заинтересованность в деле (предполагаемых участников рассматриваемого судом спорного материального правоотношения).

Вместе с тем необходимо учитывать, что в указанных делах объектом судебной защиты всегда выступает публичный интерес, что неизбежно предполагает государство как конечного «бенефициара» или должни-

ка по гражданскому делу с участием публичных образований.

Кроме деловой репутации к числу нематериальных благ необходимо отнести традиционные российские духовно-нравственные ценности, закрепленные в Указе Президента РФ. Крайне важно, что их обладателем должна быть признана исключительно Российская Федерация. Законодательство, регулирующее традиционные российские духовно-нравственные ценности, порядок их реализации и процессуальную форму их защиты, должно находиться в исключительном ведении Российской Федерации.

Защита традиционных ценностей гражданско-правовыми способами (в порядке гражданского судопроизводства) должна осуществляться по правилам искового производства. Иск о защите может быть предъявлен от лица и в интересах государства как уполномоченным органом государственной власти, так и прокурором. При предъявлении иска о взыскании компенсации за нарушение неимущественных прав публичных образований прокурор должен быть наделен статусом стороны в деле с предоставлением ему всего комплекса процессуальных прав, включая распорядительные.

Отмечу, что случаи нарушения неимущественных интересов общества, а значит и государства, к большому сожалению, имеют тенденцию к увеличению. Не всегда с ними можно бороться уголовно-правовыми или административными средствами. Это невозможно, если такие нарушения совершаются лицами, не достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности. В этих случаях единственным правовым механизмом воздействия на нарушителей, защиты общественных интересов и восстановления правопорядка является привлечение родителей (усыновителей), опекунов к гражданско-правовой ответственности в порядке ст. 1073 ГК РФ. Процессуальной формой защиты в данном случае выступает цивилистическое судопроизводство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения / В.С. Толстой. – Москва : Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – 216 с. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.06.2025).
2. Лебедев Ф.Р. Проблема возмещения репутационного вреда, причиненного публично-правовому образованию / Ф.Р. Лебедев // Гражданское право. – 2025. – № 2. – С. 21–24.
3. Долинская В.В. Предмет гражданского права: тенденции и проблемы развития / В.В. Долинская // Цивилист. – 2011. – № 4. – С. 18–26.
4. Михайлова И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы / И.А. Михайлова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 3–9.
5. Садиков О.Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам гражданского права / О.Н. Садиков // Журнал российского права. – 2013. – № 12. – С. 20–32.
6. Родикова В.А. Честь имею: право публичных образований на защиту деловой репутации / В.А. Родикова // Административное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 82–94.
7. Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц : монография / Е.В. Гаврилов. – Москва : Юстицинформ, 2022. 344 с.
8. Михайлова Е.В. К проблеме защиты интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований как субъектов гражданско-правовых отношений / Е.В. Михайлова // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2025. – № 2. – С. 2–6.
9. Павлов Д.М. Роль деловой репутации в деятельности органов публичной власти / Д.М. Павлов, П.Н. Хвостов // Образование и право. – 2018. – № 7. – С. 175–178.
10. Кропачев Н.М. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты / Н.М. Кропачев, В.В. Архипов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 294–306.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Екатерина Владимировна – доктор юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права, главный научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova Ekaterina Vladimirovna – Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 14.09.2025; одобрена после рецензирования 08.10.2025; принята к публикации 08.10.2025. The article was submitted 14.09.2025; approved after reviewing 08.10.2025; accepted for publication 08.10.2025.

REFERENCES

1. Tolstoy V.S. Personal Non-Property Legal Relations. Academy of Advanced Training and Professional Retraining of Education Workers Publ., 2009. 216 p. Available at: <https://www.consultant.ru/>.
2. Lebedev F.R. The Issue of Compensation for Reputational Damage Inflicted on a Public-Law Entity, *Civil Law*, 2025, no. 2, pp. 21–24. (In Russian).
3. Dolinskaya V.V. The Subject Matter of Civil Law: Development Trends and Problems. *Civilist*, 2011, no. 4, pp. 18–26. (In Russian).
4. Mikhailova I.A. Personal Non-Pecuniary Rights and Non-Material Goods: Traditional Notion and New Approaches. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2012, no. 4, pp. 3–9. (In Russian).
5. Sadikov O.N. Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on Civil Law Issues. *Journal of Russian Law*, 2013, no. 12, pp. 20–32. (In Russian).
6. Rodikova V.A. Have the Honour: The Right of Public Entities to Protection of Business Reputation. *Administrative and Municipal Law*, 2023, no. 1, pp. 82–94. (In Russian).
7. Gavrilov E.V. Compensation for Intangible (Reputational) Damage as a Way to Protect Legal Entities Business Reputation. Moscow, Yustitsinform Publ., 2022. 344 p.
8. Mikhailova E.V. On Protection of Interests of the Russian Federation, Constituent Entities of the Russian Federation and Municipal Structures as Subjects of Civil Law Relations. *Municipal Service: Legal Issues*, 2025, no. 2, pp. 2–6. (In Russian).
9. Pavlov D.M., Khvostov P.N. The Role of Business Reputation in the Activities of Public Authorities. *Education and Law*, 2018, no. 7, pp. 175–178. (In Russian).
10. Kropachev N.M., Arkhipov V.V. Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of Digital Transformation of Society: Aspects of Legal Theory. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 294–306. (In Russian).

Научная статья
УДК 347.13, 347.472
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.9

Original article

ПОВАРОВ Юрий Сергеевич
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва,
Самара, Россия,
povus@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4728-5301>

POVAROV Yuriy Sergeevich
Samara National Research University named
after Academician S.P. Korolev,
Samara, Russia

КОНЦЕПТ СВОБОДНОГО ПРИНЯТИЯ ПОЖЕРТВОВАНИЯ (критический анализ нормы пункта 2 статьи 582 Гражданского кодекса Российской Федерации)

THE CONCEPT OF FREE ACCEPTANCE OF DONATIONS (A CRITICAL ANALYSIS
OF THE RULE OF PARAGRAPH 2 OF ARTICLE 582 OF THE CIVIL CODE OF THE
RUSSIAN FEDERATION)

Аннотация. Интерпретация нормы п. 2 ст. 582 ГК РФ, отражающей концепт свободного принятия пожертвования (безотносительно к чьему-либо разрешению или согласию), в доктрине и на практике не является эксплицитной. Кроме того, дискутируется вопрос о (не)целесообразности ее корректировки либо вообще отмены. Цели: раскрытие смысла и назначения указанного законоположения (прежде всего, с позиции непреложности учета воли одаряемого на принятие пожертвования); выявление ограничений сферы действия концепта (в том числе субъектного и предметного толка); анализ аспекта (не)правомерности децентрализованной регламентации механизма принятия пожертвования (в ракурсе оценки нормы как императивной или диспозитивной). Методы: общетеоретические – формальной и диалектической логики; частнонаучные – юридико-догматический (прежде всего, для выявления общего смысла концепта с учетом договорной природы пожертвования), правового моделирования (в частности, для определения уместности «огульного» применения концепта), толкования правовых норм (в том числе для решения вопроса об органичности применения правил, касающихся согласий на совершенные сделки). Результаты: доказано, что концепт, не относясь к волеизъявлению одаряемого, имеет важное юридическое значение – препятствует использованию уже установленных режимов согласования или введению новых; обосновано, что по действующему законодательству получение пожертвования свободно от контроля со стороны не только властных органов, но и частных лиц (при

Abstract. The interpretation of the rule of paragraph 2 of Article 582 of the Civil Code of the Russian Federation, reflecting the concept of free acceptance of donations (regardless of anyone's permission or consent), is not explicit in doctrine and in practice. Moreover, the issue of the (in)expediency of its adjustment or outright cancellation is discussed. Purposes: To reveal the meaning and function of the specified legal provision (primarily from the perspective of the irrevocability of considering the donee's will to accept the donation); To identify the limitations of the concept's scope of application (including subjective and objective limitations); To analyze the aspect of the (il)legality of decentralized regulation of the donation acceptance mechanism (in terms of assessing the rule as imperative or dispositive). Methods: general theoretical – formal and dialectical logic; specific scientific – legal-dogmatic (primarily for identifying the general meaning of the concept, taking into account the contractual nature of donation), legal modeling (in particular, for determining the appropriateness of the "blanket" application of the concept), interpretation of legal norms (including for resolving the issue of the inherent application of rules regarding transaction consents). Results: The study proves that the concept, not relating to the donee's expression of will, holds significant legal importance – it prevents the use of already established approval regimes or the introduction of new ones. The article substantiates that under the current legislation, the acceptance of donations is free from control not only by government authorities but also by private individuals (although

этом в ряде случаев подобное масштабирование видится неуместным); автор подчеркивает, что действие концепта не распространяется на другие, нежели согласование, рестриктивные инструменты (например, запреты), а также на передачу пожертвования, вследствие чего, в частности, к пожертвованию применимы правила о распоряжении имуществом обладателями ограниченных вещных прав; аргументирован тезис о неприемлемости принципиального недопущения локального регулирования порядка принятия пожертвования.

Ключевые слова: принятие пожертвования, волеизъявление одаряемого, разрешение (согласие), согласие на совершение сделки, императивная норма, децентрализованное регулирование

Для цитирования: Поваров Ю.С. Концепт свободного принятия пожертвования (критический анализ нормы пункта 2 статьи 582 Гражданского кодекса Российской Федерации) / Ю.С. Поваров. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 85–92.

in some cases, such scaling seems inappropriate). The author emphasizes that the concept's effect does not extend to restrictive instruments other than approval (e.g., prohibitions), nor to the transfer of a donation, consequently, among other things, the rules regarding the disposal of property by holders of limited property rights are applicable to donations; the unacceptable nature of a fundamental prohibition of local regulation concerning the acceptance of donations is argued.

Keywords: acceptance of a donation, donee's expression of will, permission (consent), consent to the transaction, imperative norm, decentralized regulation

For citation: Povarov Yu.S. The Concept of Free Acceptance of Donations (A Critical Analysis of the Rule of Paragraph 2 of Article 582 of the Civil Code of the Russian Federation). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 85–92. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.9.

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с п. 2 ст. 582 ГК РФ принятие пожертвования не нуждается в получении чьего-либо разрешения или согласия. В логике законодателя этот момент составляет атрибутивную особенность субинститута пожертвования (для обычного дарения аналогичное послабление не предусматривается). Данное обстоятельство порой учитывается судами при оценке (не)законности заключения и исполнения договоров пожертвования. Так, по одному из дел вывод о правомерности передачи родителями учащимся денежных средств школе на ее содержание и ремонт был сделан со ссылкой в числе прочего на отсутствие норм, запрещающих образовательным учреждениям получать подобного рода пожертвования, притом что в силу п. 2 ст. 582 ГК РФ принятие пожертвования не требует специального санкционирования¹.

Концепт свободного принятия пожертвования, судя по всему, отражает максимально благожелательное отношение современного законодателя к дарению активов в общепольных целях, тогда как «стандартному» дарению это целеполагание не присуще. Иной

линии придерживался дореволюционный законодатель. Нормируя получившее хождение с древнейших времен «добровольное приношение имущества на пользу общую» [1, с. 35], Свод законов гражданских² оговаривал, в частности, что «принятие в пользу разных духовных и светских заведений... даримых капиталов и вещей на всякую сумму разрешается министром внутренних дел», а «пожертвования недвижимостей в пользу церквей, монастырей, архиерейских домов принимаются с Высочайшего соизволения» [2, с. 124]. Проект Гражданского уложения Российской империи также фундировался на тезисе, что «для принятия пожертвований закон часто требует... разрешения начальства или правительства» [3, с. 316]. В известной степени включение в ГК РФ обсуждаемого «циркуляра» продолжило отечественную традицию нормативной акцентуации внимания на аспекте (не)допустимости произвола одаряемого при принятии пожертвования (хотя подход, как видим, содержательно изменился коренным образом).

Трактовка весьма лаконичного и, казалось бы, простого для понимания правила п. 2 ст. 582 ГК РФ остается неоднозначной.

¹ Постановление Верховного Суда РФ от 27.11.2015 № 31-АД15-18 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. СПб., 1857 [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388202/#page/3/mode/1up> (дата обращения: 09.08.2025).

Более того, нередко под сомнение ставится сама целесообразность установления нормы (по крайней мере, в ее текущем редакционном воплощении). Дополнительные интерпретационные сложности создало внедрение в 2013 г. в ч. 1 ГК РФ общих положений о согласии на совершение сделки (ст. 157.1, 173.1). Аспект их сопряжения с п. 2 ст. 582 ГК РФ пока не получил достойного осмысления.

ОБЩИЙ СМЫСЛ НОРМЫ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 582 ГК РФ

Довольно абстрактная формулировка п. 2 ст. 582 ГК РФ вызывает доктринальные разногласия по фундаментальному вопросу о (не) обязательности учета намерений одаряемого на принятие пожертвования. Проще говоря, споры возникли по поводу того, приложимо ли правило об индифферентности разрешений (согласий) на принятие пожертвования к волеизъявлению одаряемого. Сквозь призму договорной парадигмы принятие дара относится к стадии заключения реального договора дарения (как следствие, выведение за скобки мнения одаряемого колеблет договорную трактовку пожертвования), при задействовании же субъектами консенсуальной модели – к стадии исполнения договора (а здесь непризнание воли одаряемого юридически значимой приведет в том числе к умалению права на отказ от пожертвованного имущества до его передачи – ст. 573 ГК РФ).

Некоторые ученые усматривают в анализируемой максиме «намек» на отрицание законодателем договорной природы отношений пожертвования, хотя и считают подобное истолкование превратным. Так, по словам А.Ю. Кабалкина, «указание, что не нужно... согласия, может создать искаженное представление о сущности дарения как... договоре» (при этом автор справедливо подчеркивает, что «только согласованное волеизъявление дарителя и одаряемого образуют дарение»)³. Пункт 2 ст. 582 ГК РФ, пишет С.Н. Соловых, «ставит под сомнение договорную природу» (несмотря на это, речь, с точки зрения автора, должна идти не о пренебрежении мнением одаряемого, а об иррелевантности внешнего

одобрения – «со стороны вышестоящих органов... учреждений») [4, с. 18].

Также в литературе иногда высказываются соображения, что п. 2 ст. 582 ГК РФ в принципе «обнуляет» необходимость учета воли одаряемого. К примеру, по мнению Э.С. Митюковой, «чтобы сделать пожертвование, не нужно согласие получателя» (причем автор замечает об опосредовании пожертвований односторонними сделками, что, правда, почему-то не мешает параллельно утверждать, что «договор пожертвования... – разновидность договора дарения») [5]. В.В. Новиков и С.Н. Дорофеева считают, что Кодексом закреплена «необязательность получения согласия на совершение сделки – адресат пожертвования обязан принять предмет дара, его мнение в этом вопросе законодателя не интересует» [6, с. 92].

Между тем даже в условиях текущей, действительно несколько «туманной» редакции п. 2 ст. 582 ГК РФ формальные основания для столь радикальных суждений, как представляется, отсутствуют:

а) в п. 2 ст. 582 ГК РФ фиксируется «безразличие» чьей-либо санкции для принятия пожертвования, но отнюдь не отвергается необходимость такого принятия; собственно же акт принятия дара, как раз и совершаемый одаряемым, бесспорно, имеет волевой характер (тем самым воле одаряемого придается правовое значение, он не является безучастным, покорным наблюдателем);

б) пожертвование эксплицитно рассматривается законодателем в качестве вида дарения (ст. 582 «Пожертвование» помещена в гл. 32 «Дарение», пожертвование определяется как «дарение вещи или права в общеполезных целях» и пр.), при этом единственным юридическим фактом, порождающим отношения дарения, объявляется договор (ст. 572 и др.), и ст. 582 ГК РФ этот подход зримо не пересматривает;

в) законодатель исчерпывающим образом определяет посвященные дарению статьи, не работающие при пожертвовании (п. 6 ст. 582 ГК РФ), и ст. 573 о допустимости отказа одаряемого принять дар в их число не попадает.

Наконец, мысль о «резиньяции» одаряемого едва ли адекватна и продуктивна на фоне того, что пожертвование может (а для граждан должно) обуславливаться использованием объекта по определенному назначению. Одаряемый, конечно, должен ясно

³ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации : в 2 т. Т. 1. Части I, II ГК РФ / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012. С. 511.

представлять, под чем он «подписывается», а значит, у него должна быть возможность сделать сознательный выбор – принимать или не принимать дар от жертвователя.

Неслучайно договорная интерпретация пожертвования, априорно предполагающая приуроченность п. 2 ст. 582 ГК РФ к согласиям иных, нежели одаряемый, субъектов, стала доминирующей в науке⁴. Так, по авторитетному заявлению В.В. Витрянского, «законодатель вовсе не отрицает... согласие одаряемого... и безусловное право последнего отказаться принять... имущество», а потому «опасности для договорной природы пожертвования не существует» [3, с. 357–358]. Ю.Г. Лескова указывает, что совершение сделки пожертвования, являющейся разновидностью договора дарения, непременно требует согласия одаряемого (и значит, в частности, учреждение может отказаться от дара, если его назначение противоречит уставным целям) [7, с. 29].

Итак, при пожертвовании «необходимость получения согласия... одаряемого на получение дара сохраняется»⁵, и разговор должен вестись об индифферентности чужого мнения («законодательство, – точно констатирует М.Н. Суровцова, – освобождает одаряемого от необходимости получения... согласия» [8] других лиц). В итоге п. 2 ст. 582 ГК РФ не касается волеизъявления одаряемого, что не отменяет его безусловной необходимости; законоположение посвящено иным разрешениям (согласиям), необходимость в даче которых, наоборот, отвергается.

В этом контексте и с учетом того, что принятие пожертвования производится по воле одаряемого, неизбежно встает вопрос о ценности и назначении нормы п. 2 ст. 582 ГК РФ. Нередко в доктрине указывается на ее самоочевидность или избыточность. В частности, М.Н. Малеина считает законоположение лишним и подлежащим изъятию, ведь «одаряемый – самостоятельная сторона... поэтому он приобретает права... не нуждаясь в чьем-либо... одобрении» [9]. А.Ю. Кабалкин объясняет

⁴ Данное видение получило активную поддержку и в дореволюционной цивилистике. В частности, Г.Ф. Шершеневич резонно подчеркивал, что «как вид дарения, пожертвование предполагает согласие одаряемого» [2, с. 124].

⁵ Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая / С.П. Гришаев, Ю.П. Свит, Т.В. Богачева // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

смысл разбираемого правила тем, что «в противном случае нарушался бы один из принципов договорного права, закрепленных в ст. 1 и 421 ГК»⁶ (скорее всего, имеется в виду принцип свободы договора).

Вне всяких сомнений, в большинстве случаев субъекты автономны в принятии решения о (не)совершении ими сделки. Между тем введение законодателем разрешительного порядка в целях охраны частных либо публичных интересов само по себе не является чем-то неординарным. Законодательство содержит немало примеров, когда легитимное совершение сделки предполагает соблюдение того или иного режима согласования (в том числе в изъятие из принципа свободы договора).

Мало того, в настоящее время ГК РФ, как известно, дает общее регулирование института согласия на совершение сделки (ст. 157.1, 173.1). Несмотря на некоторые «шероховатости» (в п. 2 ст. 582 ГК РФ упоминается не только о согласии, но и о разрешении, причем данные понятия рассматриваются как однопорядковые, предмет согласования сводится к отдельному элементу сделки – «принятию пожертвования» и т. д.), сложно не разглядеть пересечения положений п. 2 ст. 582 ГК РФ с указанными общими правилами (пусть и «с отрицательным знаком», ибо в п. 2 ст. 582 ГК РФ не провозглашается, а купируется необходимость санкционирования совершения юридического действия). Впрочем, идентификация всех разрешений (согласий) по п. 2 ст. 582 ГК РФ в качестве согласий на совершение сделки (в смысле предписаний ст. 157.1 ГК РФ) неуместна хотя бы потому, что специальные правила не замыкаются на актах согласования, требуемых в силу закона (как это имеет место в ст. 157.1 ГК РФ).

С учетом изложенного положения п. 2 ст. 582 ГК РФ несут автономную правовую нагрузку (не дублируя само собой разумеющиеся истины) – служат «защитой» для задействия уже установленных режимов согласования и (или) введения новых. «В дополнение к обычному порядку заключения договора дарения... – доходчиво разъясняет В.В. Витрянский, – в некоторых случаях одаряемому (который не возражает против пожертвования) потребуется... разрешение... Так вот,

⁶ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. С. 511.

как раз такого разрешения... и не потребуются» [3, с. 357–358].

Но и приведенная интерпретация (в целом, полагаем, весьма убедительная) может иметь свои «разветвления», в первую очередь в плоскости определения предмета разрешительных процедур:

1) в русле широкого видения речь будет идти об «обессиливании» любых режимов согласования, в том числе буквально не приуроченных к ситуации принятия пожертвования (согласие законных представителей лиц, не обладающих полной дееспособностью, и т. д.);

2) узкий же подход, напротив, подразумевает прямую привязку разрешительного порядка (косвенно не допускаемого п. 2 ст. 582 ГК РФ) к означенному случаю; по факту это означает главным образом блокирование установления режима согласования именно для принятия пожертвования как такового (причем в будущем, поскольку в настоящее время положений, игнорирующих данный «барьер», в законодательстве нет).

Несмотря на привлекательность узкого понимания (к этому моменту мы еще вернемся), широкий подход, наверное, в большей мере корреспондирует устремлениям законодателя.

Попутно заметим, что целесообразность изучаемого нормирования ставится под сомнение рядом ученых. При этом акцент, как правило, делается на случаях дарения имущества публичным образованиям и контролируемым ими институциями (что, безусловно, неслучайно, ведь предписание п. 2 ст. 582 ГК РФ, по точной констатации И.А. Минахиной, «особенно актуально для государственных и муниципальных организаций» [10]). Так, В.В. Витрянский, небеспричинно указывая на то, что «государству не должно быть безразлично, что представляет собой пожертвование и кто является жертвователем», находит более предпочтительным разрешительный порядок по образцу российского дореволюционного законодательства, когда «принятие пожертвований... организациями, поднадзорными правительству, в определенных случаях требовало разрешения последнего» [3, с. 358]. Данную консервативную установку в общем поддерживает С.Н. Соловьев, рекомендуя, однако, не задействие режима согласования, а абсолютное пресечение получения пожертвований «государственными органами от лиц, находящихся

под следствием, судом либо отбывающих наказание» [4, с. 18–19]. Вместе с тем очевидны и недостатки разрешительной системы, по крайней мере, при ее огульном применении: в условиях, к примеру, массовости государственных и муниципальных учебных заведений она, по справедливому заключению М.Н. Суровцевой, «породит новые проблемы бюрократического характера» [8].

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ КОНЦЕПТА СВОБОДНОГО ПРИНЯТИЯ ПОЖЕРТВОВАНИЯ: СУБЪЕКТНЫЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ АСПЕКТЫ

С точки зрения охвата потенциально возможных вариаций санкционирования обсуждаемый императив сформулирован предельно обобщенно. Законодатель, во-первых, упоминает и о разрешениях, и о согласиях. Правда, разница между данными актами в ст. 582 и в других статьях ГК РФ не раскрывается. При конструировании законоположения в расчет, видимо, принимался известный терминологический «плюрализм» при нормативном описании различных режимов согласования, сохраняющийся, к сожалению, и сегодня. При этом понятие «разрешение» частотно употребляется для обозначения административных актов, а термин «согласие» – также и в приложении к актам частных лиц (и в данной «системе координат» разрешение должно не противопоставляться согласию, а считаться его разновидностью⁷).

Во-вторых, законодатель не детализирует и не ограничивает круг субъектов (закон указывает, что «не требуется чье-либо разрешение или согласия», и на этом останавливается).

Тем самым норма явно отражает субъектное многообразие – принятие пожертвования свободно от «надзора» со стороны и публичных инстанций, и частных лиц. В литературе, впрочем, присутствует и узкое истолкование, при котором под «санкционаторами» мыслятся лишь первые. Например, В.В. Витрянский высказывает предположение о привязке исследуемого правила к разрешительным актам, исходящим от властных органов

⁷ Поэтому Е.А. Крашенинников, например, комментируя п. 2 ст. 582 ГК РФ, дает критическую ремарку о том, что «в действительности разрешение есть один из видов согласия» (см.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая : учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А.П. Сергеева. М. : Проспект, 2010. 992 с.).

[3, с. 358]; М.Г. Масевич осторожно замечает, что ГК РФ, «по-видимому... имеет в виду... отсутствие необходимости получить согласие... органов государственного управления»⁸. Признавая ориентированность правила п. 2 ст. 582 ГК РФ на названные – «властные» – согласия, повторим, что волеизъявление гражданина или организации (естественно, если они не являются одаряемыми) *de lege lata* все-таки подпадает под понятие «чьего-либо согласия» (никаких рестриктивных ремарок на сей счет закон не содержит)⁹.

Другое дело, насколько оправданно подобное масштабирование. Особенно выпукло его небезупречность и, если угодно, парадоксальность проявляются в случае принятия пожертвования несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет¹⁰. В логике применения исключительно правил ст. 26 и 28 ГК РФ данное действие подпадает под общий режим, базирующийся на обязанности получения согласия законных представителей, когда сделка должна пройти нотариальную «верификацию» (например, при дарении недвижимого имущества между гражданами – п. 3 ст. 574 ГК РФ) либо государственную регистрацию; и такое решение вопроса – под углом зрения надлежащей охраны интересов уязвимых участников оборота – кажется довольно органичным и сбалансированным. При подключении же для разрешения приведенного казуса предписаний п. 2 ст. 582 ГК РФ (в их широком прочтении) концепт санкционирования «дезаурируется». Получается, что, скажем, принятие ребенком недвижимости в качестве пожертвования не требует одобрения законных представителей, тогда как при обычном дарении того же имущества ответ будет прямо противоположным. Серьезных политико-правовых резонансов для подобной дифференци-

⁸ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садилов. 4-е изд., испр. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2003. С. 194.

⁹ В такой оценке мы не оригинальны. Так, Ю.Г. Лескова замечает, что в случае справедливости предложенного В.В. Витрянским толкования «законодателю нужно было бы уточнить, чье именно разрешение... не требуется» [7, с. 29].

¹⁰ Данный аспект был не актуален в дореволюционный период, поскольку в качестве одаряемого при пожертвовании мыслилось «юридическое лицо, имеющее общественное значение» [2, с. 123].

ции подходов (провоцирующей, кстати, недобросовестный обход закона) мы не находим¹¹.

Некоторое «замешательство» также вызывает вопрос о (не)обоснованности экстраполяции п. 2 ст. 582 ГК РФ на согласия, исходящие от органов юридического лица (либо от их «функциональных аналогов» – единственных учредителей (участников)). С одной стороны, неопределенное местоимение «чье-либо» нацеливает на причисление к «санкционаторам» лишь внешних акторов, в то время как орган юридического лица есть составная часть последнего. Гипотетически же возможное обращение (для доказывания обратного) к ст. 157.1 ГК РФ, которая непосредственно включает в круг соответствующих субъектов и органы юридического лица, может быть «нейтрализовано» контраргументом об ошибочности суждения о субординационной зависимости нормы п. 2 ст. 582 ГК РФ от положений ст. 157.1 ГК РФ.

С другой стороны, есть основания и для положительного ответа на поставленный проблемный вопрос (п. 2 ст. 582 ГК РФ отказался от конкретизации субъектов дачи разрешений и согласий и пр.). При этой интерпретации (которая, пожалуй, в большей степени вытекает из закона) на передний план – в срезе (не)допустимости корпоративных режимов согласования – выдвигается момент «маркировки» изучаемого правила как императивного или диспозитивного (подробнее об этом – в следующем разделе статьи).

Конструкт «бесконтрольного» принятия пожертвования все же не является тотальным, поскольку он, в частности:

а) не распространяется на другие, нежели согласование, рестриктивные инструменты; поэтому, например, установленные для дарения (ст. 575 ГК РФ и пр.) запреты «активны» и при пожертвовании (более того, не исключается введение новых запретов, что, конечно, несколько снижает потенциал и значимость разбираемого концепта);

б) приурочен сугубо к принятию дара. Соответственно, распоряжение имуществом путем его передачи по договору пожертвова-

¹¹ Примечательно, что отступление от режима согласования законными представителями при принятии пожертвования подвергается критике со стороны некоторых исследователей, например, В.В. Новикова и С.Н. Дорофеевой [6, с. 93]. Правда, не совсем понятно, почему авторы сосредотачивают свое внимание только на недееспособных и малолетних гражданах.

ния всецело подпадает под действие режимов согласования, закрепленных законом (к примеру, в п. 1 и 2 ст. 576, а равно в п. 2 ст. 388, применяемом в купе с п. 3 ст. 576 ГК РФ)¹².

В этом плане немного удивляет встречающаяся в литературе позиция, в соответствии с которой предусмотренное п. 1 ст. 576 ГК РФ ограничение под предлогом наличия правила п. 2 ст. 582 ГК РФ (!) неприменимо к случаям пожертвования (Л.Ю. Грудцына [11], Н.Р. Тимкина [12, с. 209] и др.). Разрешительная система, закрепленная в п. 1 ст. 576 ГК РФ, рационально сужает возможности юридического лица, которому вещь принадлежит на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления (то есть на ограниченном вещном праве), только в части реализации правомочия подарить такую вещь, поэтому здесь подразумевается случай, когда организация выступает дарителем (а не одаряемым).

ПРОБЛЕМА (НЕ)ПРАВОМЕРНОСТИ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРИНЯТИЯ ПОЖЕРТВОВАНИЯ

Неоднозначным в свете универсализма законодательной формулы является момент (не)легитимности введения режима согласования в рамках децентрализованной регламентации, что особенно принципиально в ситуациях, когда в роли одаряемого позиционируется юридическое лицо. Можно ли, скажем, в уставе некоммерческой организации инициативно прописать положения о непреложности санкционирования органом управления (надзора) юридического лица либо его учредителем (если, конечно, исходить из применимости п. 2 ст. 582 ГК РФ к их актам) принятия пожертвования?

Норма п. 2 ст. 582 ГК РФ сформулирована безальтернативно, что потворствует ее квалификации как императивной (к этому выводу, в частности, склонились В.В. Витрянский [3, с. 358] и С.П. Гришаев¹³) и, как следствие, не «способной» к отмене актами индивидуально и локального регулирования. Заметим, однако, что данное прочтение небесспорно, ведь содержащееся в п. 2 ст. 582 ГК РФ правило не

подкрепляется явно манифестируемым запретом (долженствование озвучивается достаточно «деликатно» – законодатель, напомним, прибегает к словосочетанию «не требуется»).

Затронутая проблема отчасти снималась бы с повестки при ограничительном толковании изучаемой нормы – в смысле воспрещения установления разрешительного порядка не иначе как нормативными правовыми актами. Между тем закон все-таки не дает весомых поводов для такого восприятия (даже невзирая на то, что ст. 157.1 ГК РФ, как мы уже писали, посвящена исключительно согласиям, требуемым в силу закона) – в п. 2 ст. 582 ГК РФ отсутствует какое-либо нюансирование касательно источника «происхождения» согласительной процедуры.

Однако «в оптике» обеспечения эффективного функционирования юридических лиц и соблюдения принципа автономии их воли отрицание децентрализованной регламентации по исследуемому вопросу кажется несколько ущербным (тем более что принятие пожертвования от недостойного субъекта может повлечь репутационные издержки и т. п.). Возможность фиксации в учредительных документах разрешительного порядка, кстати, признается отдельными учеными. Так, В.А. Максимов по отношению к организациям системы МВД России небесспорно отмечает, что «Департамент тыла МВД России не может ограничить... принять пожертвование...», но не считая «случаев... указанных в уставе... (подведомственной. – Ю. П.) организации...» [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кратко резюмируя изложенное, позволим себе утверждать о недостаточной ясности и проработанности отраженного в п. 2 ст. 582 ГК РФ концепта свободного принятия пожертвования. Насущным при этом среди прочего видится совершенствование законодательства в части: а) обеспечения внятного сопряжения нормы п. 2 ст. 582 ГК РФ с общими правилами о согласии на совершение сделки; б) четкого распознавания ситуаций, в которых одаряемый вправе пренебречь мнением иных субъектов; в) принципиального допущения децентрализованной (прежде всего, уставной) регламентации механизма принятия пожертвования юридическими лицами.

¹² Неслучайно ст. 575 и 576 не вошли в перечень статей, не применяемых к пожертвованию (п. 6 ст. 582 ГК РФ).

¹³ Гришаев С.П. Указ. соч.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Неволин К.А. История российских гражданских законов. Часть 3. Книга вторая об имуществах. Раздел третий о правах на действия лиц и раздел четвертый о наследстве / К.А. Неволин. – Москва : Статут, 2006. – 493 с.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Статут, 2005. – Т. 2. – 462 с.
3. Брагинский М.И. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – Москва : Статут, 2000. – 800 с.
4. Соловьев С.Н. Дарение в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.Н. Соловьев. – Саратов, 2003. – 25 с.
5. Митюкова Э.С. Некоммерческие организации: правовое регулирование, бухгалтерский учет и налогообложение / Э.С. Митюкова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : АйСи Групп, 2022. – 304 с.
6. Новиков В.В. Актуальные аспекты разграничения договоров дарения и пожертвования / В.В. Новиков, С.Н. Дорофеева // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты : материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 г.). – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. – С. 90–95
7. Лескова Ю.Г. Некоторые проблемы участия учреждений в гражданском обороте / Ю.Г. Лескова // Юрист. – 2003. – № 2. – С. 27–30.
8. Суворцова М.Н. Правовой режим имущества вузов / М.Н. Суворцова // Реформы и право. – 2009. – № 3. – С. 16–24.
9. Малеина М.Н. Пожертвование – разновидность договора дарения / М.Н. Малеина // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Минахина И.А. Наследование. Дарение. Пожизненная рента : вопросы правового регулирования / И.А. Минахина. – Москва : Дашков и Ко, 2007. – 220 с.
11. Грудцына Л.Ю. Как правильно распорядиться своим имуществом (наследование, дарение, рента) / Л.Ю. Грудцына // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Тимкина Н.Р. Запрет и ограничение дарения / Н.Р. Тимкина // Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее : сборник научных статей Всероссийской научной конференции (Курск, 17–18 октября 2018 г.) : в 4 т. / отв. ред. А.А. Горохов. – Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2018. – Т. 2. – С. 208–210.
13. Максимов В.А. Пределы ограничений получения пожертвований частных субъектов подразделениями МВД России / В.А. Максимов // Цивилист. – 2023. – № 2 (42). – С. 64–68.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поваров Юрий Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Юридического института.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Povarov Yuriy Sergeevich – Candidate of Sciences (Law), Docent, Associate professor at the Department of Civil and Business Law of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 17.11.2025. The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 17.11.2025.

REFERENCES

1. Nevolin K.A. History of Russian Civil Laws. Pt. 3. Book Two on Property. Section Three on the Rights of Action of Persons and Section Four on Inheritance. Moscow, Statut Publ., 2006. 493 p.
2. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law. Moscow, Statut Publ., 2005. Vol. 2. 462 p.
3. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Book Two. Agreements on the Transfer of Property. Moscow, Statut Publ., 2000. 800 p.
4. Solovykh S.N. Donations in the Civil Law of Russia. *Cand. Diss. Thesis*. Saratov, 2003. 25 p.
5. Mityukova E.S. Non-Profit Organizations: Legal Regulation, Accounting and Taxation. 5th ed. Moscow, IC Group Publ., 2022. 304 p.
6. Novikov V.V., Dorofeeva S.N. Current Aspects of Distinguishing Between Gift and Donation Agreements. *Modern Trends in the Development of Private Law, Enforcement Proceedings and Methods of Legal Protection. Proceedings of the 9 All-Russian Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, November 24, 2023)*. Saint Petersburg Institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2023, pp. 90–95. (In Russian).
7. Leskova Yu.G. Certain Issues of Institutions' Participation in Civil Circulation. *Jurist*, 2003, no. 2, pp. 27–30. (In Russian).
8. Surovtsova M.N. Legal Regime of Universities' Property. *Reforms and Law*, 2009, no. 3, pp. 16–24. (In Russian).
9. Maleina M.N. Donation as a Type of Gift Agreement. Available at: <https://www.consultant.ru/>.
10. Minakhina I. A. Inheritance. Donation. Lifetime Annuity: Issues of Legal Regulation. Moscow, Dashkov i Ko Publ., 2007. 220 p.
11. Grudtsyna L.Yu. How to Properly Dispose of Your Property (Inheritance, Donation, Rent). Available at: <https://www.consultant.ru/>.
12. Timkina N. R. Prohibition and Restriction of Donation. In Gorokhov A.A. (ed.). *Problems and Prospects of Russia's Development: A Youth's Look into the Future. Collection of Scientific Articles from the All-Russian Scientific Conference (Kursk, October 17–18, 2018)*. South-West State University. University Publ., 2018. Vol. 2, pp. 208–210. (In Russian).
13. Maksimov V.A. Limits for Receiving Donations from Private Actors by Divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Civilist*, 2023, no. 2 (42), pp. 64–68. (In Russian).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.10

Original article

ГОЛОВАЧУК Ольга Сергеевна ✉
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
persival@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9331-4046>

GOLOVACHUK Olga Sergeevna
Ural State Law University named
after V.F. Yakovlev,
Ekaterinburg, Russia

РАМЕНСКАЯ Виктория Святославовна
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
viva-ra@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0428-7283>

RAMENSKAYA Victoria Svyatoslavovna
Ural State Law University named
after V.F. Yakovlev,
Ekaterinburg, Russia

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И СТРАН СНГ

PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF MEDIATION IN THE RUSSIAN CRIMINAL
PROCEDURE BASED ON A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL PROCEDURE
LEGISLATION OF RUSSIA AND SOME CIS COUNTRIES

Аннотация. На текущем этапе развития для российского уголовно-процессуального права характерен поиск оптимальных путей решения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, в том числе обеспечения защиты законных прав и интересов лиц, пострадавших от преступлений. В связи с этим взгляды ученых-процессуалистов и практических работников все чаще обращаются к применяемой в других видах судопроизводства процедуре медиации, позволяющей урегулировать споры между сторонами на взаимоприемлемой основе. При этом вызывает интерес опыт ряда государств – членов СНГ (Республика Казахстан, Республика Беларусь и Республика Кыргызстан), которые внедрили медиацию в уголовное судопроизводство. Цель: на основе комплексного анализа Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», УПК РФ, а также законодательства государств – членов СНГ, применяющих процедуру

Abstract. The current stage of development in Russian criminal procedure law is characterized by the search for optimal solutions to the problems facing criminal proceedings, including ensuring the protection of the legitimate rights and interests of crime victims. In this regard, the views of procedural law scholars and practitioners are increasingly turning to the mediation procedure, used in other types of legal proceedings, which allows for the settlement of disputes between parties on a mutually acceptable basis. At the same time, the experience of several CIS member states (the Republic of Kazakhstan, the Republic of Belarus, and the Republic of Kyrgyzstan), which have introduced mediation into criminal proceedings is of interest. Purpose: based on a comprehensive analysis of Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010, “On Alternative Dispute Resolution Procedures with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)”, and the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the legislation of the CIS member states that

медиации в уголовном судопроизводстве, изучить перспективы ее внедрения в отечественный уголовный процесс и предложить пути совершенствования законодательства в указанном направлении. Методы: сравнительно-правовой (использовался при изучении уголовно-процессуального законодательства государств – участников СНГ); формальной и диалектической логики (с помощью данных методов были исследованы взаимосвязи между явлениями и сформулированы общие выводы); толкования юридических норм (применялся для уяснения смысла правовых предписаний и устранения пробелов). Результаты: сделан вывод о возможности распространения процедуры медиации на уголовное судопроизводство при условии внесения соответствующих изменений как в закон, посвященный регулированию вопросов медиации в целом, так и в УПК РФ; сформулированы конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства с учетом опыта государств – членов СНГ.

Ключевые слова: медиация, медиатор, уголовное судопроизводство, примирение, уголовные дела, потерпевший, обвиняемый

Для цитирования: Головачук О.С. Перспективы внедрения медиации в российский уголовный процесс на основе комплексного анализа уголовно-процессуального законодательства России и стран СНГ / О.С. Головачук, В.С. Раменская. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 93–101.

use mediation procedures in criminal proceedings, to study the prospects for introducing this procedure in the national criminal procedure and to propose ways to improve the legislation in this area. Methods: comparative law (used in the study of the criminal procedure legislation of the CIS member states); formal and dialectical logic (these methods are used to investigate the interrelationships between phenomena and to formulate general conclusions); interpretation of legal norms (applied to clarify the meaning of legal provisions and to address existing gaps). Results: the study concludes that it is possible to extend mediation procedures to criminal proceedings, provided that appropriate amendments are made to both the law governing mediation in general and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The study also formulates specific proposals for improving the current legislation, taking into account the experience of some CIS member states.

Keywords: mediation, mediator, criminal proceedings, reconciliation, criminal cases, victim, accused

For citation: Golovachuk O.S., Ramenskaya V.S. Prospects for the Implementation of Mediation in the Russian Criminal Procedure based on a Comprehensive Analysis of the Criminal Procedure Legislation of Russia and Some CIS Countries. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 93–101. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.10.

ВВЕДЕНИЕ

В 2010 г. в России принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Федеральный закон № 193-ФЗ), п. 2 ст. 2 которого содержит легальное определение медиации: «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения»¹. Этот способ базируется на принципах добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора и применяется при наличии взаимного волеизъявления сторон для урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского,

административного и арбитражного судопроизводства. Таким образом, российский законодатель изначально оставил уголовный процесс вне сферы действия указанного закона.

Однако в последние годы возможность интеграции процедур медиации в российский уголовный процесс активно исследуется не только учеными-процессуалистами, но и практическими работниками, большинство из которых признают, что медиация может быть эффективна для разрешения уголовных дел [1, с. 76].

В уголовном судопроизводстве многих государств давно и успешно применяются процедуры медиации. А.Т. Валеев отмечает: «Большой опыт применения соответствующих процедур в уголовном процессе выработан в США, Канаде, а также некоторых странах Европейского союза» [2, с. 48]. Медиация нашла закрепление и в уголовно-процессуальных кодексах Республики Казахстан (далее – РК), Республики Беларусь (далее – РБ) и Кыргы-

¹ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зской Республики (далее – КР). Эти государства имеют общее историческое прошлое с Российской Федерацией, схожие социально-экономические и политические условия и общие тенденции развития законодательства, в том числе уголовно-процессуального, а потому опыт законодателей этих государств, сумевших интегрировать процедуры медиации в уголовный процесс, заслуживает внимания.

Процессуалисты государств, внедривших в уголовное судопроизводство медиативные процедуры, положительно оценивают накопленный опыт. Г.М. Баймухаметова отмечает: «...включая в процесс урегулирования третью сторону в лице медиатора, мы кардинальным образом меняем характер уголовного судопроизводства Казахстана. Исчезает репрессивность решений, появляется возможность реальной защиты нарушенных прав и законных интересов потерпевшей стороны...» [3, с. 137]. Говоря об аналогичном опыте в Республике Беларусь, Е.А. Дераж подчеркивает: «Медиация позволяет не только предотвратить длительные и сопряженные с большими затратами процессы, а еще и уменьшить число конфликтов в обществе. Таким образом, использование процедуры медиации в уголовном процессе Республики Беларусь является перспективной сферой, способствующей более эффективному урегулированию уголовных дел и удовлетворению интересов сторон» [4, с. 169].

МЕДИАЦИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ СНГ

Анализ законодательства наших ближайших соседей позволяет сделать вывод, что все они использовали общий подход при внедрении медиации в уголовное судопроизводство. Так, в каждом из государств принят специальный законодательный акт, посвященный непосредственно медиации². В нем определено понятие медиации, сформулированы ее принципы и сфера применения, дано понятие ме-

диатора и требования, предъявляемые к нему, предусмотрен порядок процедуры медиации и оформления медиативного соглашения. При этом в ч. 1 ст. 1 Закона «О медиации» РК предусмотрено использование медиации при решении споров (конфликтов), являющихся предметом рассмотрения в рамках уголовного судопроизводства. Таким образом, медиация применяется по делам об уголовных проступках, а также преступлениях небольшой и средней тяжести. При разбирательстве дел о тяжких преступлениях медиативные процедуры возможны только в исключительных случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 68 УК РК (когда субъектами преступления являются лица, не достигшие 18-летнего возраста, беременные женщины, женщины, имеющие малолетних детей, мужчины, которые воспитывают в одиночку малолетних детей, женщины в возрасте от 58 лет и старше, мужчины в возрасте от 63 лет и старше, впервые совершившие тяжкое преступление, не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека, если иное не установлено законами РК).

Часть 1 ст. 1 Закона «О медиации» КР также закрепляет правило, согласно которому медиация может применяться при решении споров, возникающих из уголовно-правовых отношений, но только в случаях, прямо предусмотренных в законе КР.

В ч. 3 ст. 2 Закона «О медиации» РБ говорится, что действие данного нормативно-правового акта распространяется на медиацию, которая осуществляется в рамках иных видов судопроизводства в случаях, определенных законодательными актами РБ. При этом 26 мая 2021 г. УПК РБ³ был дополнен статьей 30.1, которая нормативно закрепила возможность примирения потерпевшего с обвиняемым путем заключения медиативного соглашения.

Таким образом, на примере РБ мы видим, что, хотя законодатель данного государства, как и российский, изначально исключил уголовное судопроизводство из сферы действия медиативных процедур, впоследствии он пересмотрел свое решение. Это позволяет предположить, что подобный вариант возможен и в Российской Федерации.

² О медиации : Закон Республики Казахстан от 28.01.2011 № 401-IV (с изм. и доп. по сост. на 22.01.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 16.07.2025) ; О медиации : Закон Кыргызской Республики от 28.07.2017 № 161 [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/8273/ru> (дата обращения: 16.07.2025) ; О медиации : Закон Республики Беларусь от 13.07.2013 № 58-З [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by> (дата обращения: 16.07.2025).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З (с изм. и доп. по сост. на 17.02.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9900295> (дата обращения 16.07.2025).

**ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В УПК РФ
КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Что же служит препятствием для интеграции медиативных процедур в российский уголовный процесс? Содержит ли УПК РФ нормы, которые могли бы выступить в качестве базы для такой интеграции, чтобы использовать медиацию при разрешении уголовно-правовых конфликтов? Ученые-процессуалисты в своих исследованиях, посвященных возможности внедрения медиации в производство по уголовным делам, отмечают целый комплекс причин, которые затрудняют этот процесс.

Так, В.Е. Градский обращает внимание на отсутствие определения понятия «медиация» применительно к уголовному судопроизводству. Определение, закрепленное в п. 2 ст. 2 Федерального закона № 193-ФЗ, в котором медиация рассматривается как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения, не учитывает специфику уголовного процесса. В рамках производства по уголовному делу необходимо разрешить не просто спор. В данном случае речь идет об уголовно-правовом конфликте, возникшем в связи с совершением лицом противоправного деяния [5, с. 93]. Для решения обозначенной проблемы автор предлагает рассматривать медиацию в уголовном судопроизводстве как процедуру, направленную на разрешение уголовно-правовых конфликтов, осуществляемую с помощью медиатора в целях примирения потерпевшего и обвиняемого и достижения взаимоприемлемых решений по иным связанным с примирением вопросам [6, с. 14].

Кроме того, среди причин можно назвать низкий уровень правовой культуры в обществе, возмездный характер деятельности медиаторов [7, с. 46] и др.

В то же время большинство ученых и практиков говорят, что действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит необходимые предпосылки для внедрения медиации. Но решение данного вопроса требует комплексного подхода.

Так, УПК РФ, определяя назначение уголовного судопроизводства, на первое место

поставил именно защиту прав и законных интересов потерпевших, а не уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания. При этом прежде всего потерпевший заинтересован в возмещении вреда, который причинен ему преступлением (физического, имущественного или морального). Но, к сожалению, достаточно часто при осуждении виновного с назначением ему наказания в виде лишения свободы потерпевшему де-юре присуждается такое возмещение, а де-факто он его не получает из-за отсутствия у осужденного денежных средств либо имущества, за счет реализации которого можно было бы удовлетворить требования потерпевшего, а сам осужденный отбывает наказание в местах лишения свободы, где размер удержаний из его заработной платы невелик. В результате процесс возмещения потерпевшему вреда растягивается на годы. Поэтому в УПК РФ появились нормы, направленные на решение обозначенной проблемы, которые в определенных случаях позволяют достичь компромисса между интересами потерпевшего и обвиняемого. Речь идет об обязательном прекращении уголовных дел частного обвинения, если потерпевший и обвиняемый примирились (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), и о прекращении уголовных дел, если обвиняемый (подозреваемый) примирился с потерпевшим и соблюдены условия, закрепленные в ст. 76 УК РФ (ст. 25 УПК РФ). Но в последнем случае должностные лица, ведущие производство по делу, вправе, а не обязаны прекратить его.

Полагаем, что процедуры, закрепленные в указанных статьях, имеют ряд общих черт с медиацией, хотя есть и существенные отличия, что обусловлено самой природой уголовно-процессуальных отношений. В частности, в основе уголовно-процессуальных отношений лежит так называемый уголовно-правовой конфликт, сторонами которого являются правонарушитель (физическое лицо) и государство, так как преступление характеризуется таким признаком, как общественная опасность. Соответственно, совершая преступление, правонарушитель причиняет вред не только конкретному физическому или юридическому лицу, но и государству, которое в лице своих компетентных органов и должностных лиц привлекает виновного к уголовной ответствен-

ности. Кроме того, далеко не в каждом случае совершения преступления есть конкретный пострадавший (человек или организация), который может быть признан потерпевшим.

Таким образом, сфера применения примирительных процедур в УПК РФ ограничена преступлениями, имеющими невысокую степень общественной опасности (небольшая и средняя тяжесть), то есть вред обществу и государству причиняется, но не столь значительный.

В соответствии со ст. 25 УПК РФ возможно прекращение производства по делу, если вред, причиненный преступлением, был заглажен и стороны примирились. Под заглаживанием вреда Пленум Верховного Суда РФ понимает возмещение причиненного имущественного вреда в натуре (ремонт или исправление поврежденного имущества, предоставление имущества взамен утраченного), в денежной форме (возмещение стоимости поврежденного или утраченного имущества, расходов на лечение) и т. д. Это могут быть иные меры, направленные на восстановление нарушенных преступлением прав и законных интересов потерпевшего: денежная компенсация морального вреда, оказание иной помощи потерпевшему, извинения в его адрес и т. д.⁴

В ст. 76 УК РФ (ссылка на которую содержится в ст. 25 УПК РФ) в качестве обязательного условия прекращения производства по делу в связи с примирением сторон указано, что лицо должно впервые привлекаться к уголовной ответственности. Данное обстоятельство, как считает законодатель, является свидетельством меньшей опасности такого лица для общества.

УПК РФ не предусматривает участия стороннего лица или организации в процедуре примирения потерпевшего и обвиняемого. Урегулирование конфликта посредством примирения остается исключительно на усмотрение самих участников.

Процедуры примирения, предусмотренные ст. 20 и 25 УПК РФ, имеют ряд существенных отличий. Если на мирового судью, в чьем производстве находится дело частного обвинения, возложена обязанность довести до сведе-

ния сторон их право на примирение, которое в обязательном порядке влечет прекращение производства по делу (ч. 5 ст. 319 УПК РФ), то по делам, по которым потерпевший и обвиняемый могут примириться по правилам ст. 25 УПК РФ, у следователей и дознавателей нет аналогичной обязанности (уведомить о наличии права и разъяснить порядок его реализации). И только в подготовительной части судебного заседания судья разъясняет потерпевшему его право примириться с подсудимым в случаях, предусмотренных ст. 25 УПК РФ.

Рассматриваемые процедуры имеют еще одно существенное отличие, о котором упоминалось ранее: примирение по делам частного обвинения в обязательном порядке влечет прекращение уголовного дела, а в случае примирения сторон по делам публичного и частно-публичного обвинения (даже при соблюдении всех условий, предусмотренных ст. 25 УПК РФ и 76 УК РФ) следователь, дознаватель, суд могут не прекратить производство по делу. В законе отсутствует указание на причины такого отказа, а значит, не исключена возможность злоупотреблений со стороны правоохранительных органов.

На наш взгляд, ст. 20 и 25 УПК РФ содержат предпосылки для включения процедур медиации в судопроизводство по уголовным делам, но с соблюдением ряда условий. В этой связи мы не можем согласиться с мнением Ю.А. Герасименко, что медиация в российском уголовном процессе применима исключительно к производству по делам частного обвинения [8, с. 54].

Пути совершенствования законодательства в целях распространения медиации на производство по уголовным делам

Если внедрять медиацию в уголовный процесс, то речь должна идти о преступлениях небольшой и средней тяжести. Именно такой путь выбрал законодатель Кыргызской Республики. Согласно ст. 505 УПК КР стороны могут заявить ходатайство о примирении, в том числе с помощью медиатора⁵. При этом при-

4 О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 129 (с изм. и доп. по сост. на 01.07.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/8273/ru> (дата обращения: 16.07.2025).

мирение допускается только по делам о преступлениях небольшой тяжести и менее тяжких. Согласно УПК РК, как уже было сказано, применение медиативных процедур по делам о тяжких преступлениях допускается в исключительных случаях (ч. 2 ст. 68).

С учетом изложенного предлагаем указать в ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 193-ФЗ, что его действие распространяется и на уголовное судопроизводство (дела частного обвинения, а также дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, которые могут быть прекращены за примирением сторон в порядке ст. 25 УПК РФ). Кроме того, на наш взгляд, ст. 5 УПК РФ необходимо дополнить пунктами 14.2 и 14.3, в которых конкретизировать определение медиации и медиатора применительно к уголовному процессу.

Применение медиативных процедур возможно, только если в деле участвует потерпевший (лицо, в отношении которого вынесено постановление о признании его таковым и о наделении его комплексом прав и обязанностей). В качестве потерпевшего может выступать и физическое, и юридическое лицо. Мы не разделяем точку зрения ученых-процессуалистов, которые говорят о возможности распространения процедуры медиации только на дела, где потерпевший – физическое лицо. В частности, по мнению А.А. Арутюнян, невозможна медиация, если потерпевшим выступает юридическое лицо: «Это связано с самой природой процедуры медиации, которая направлена на примирение сторон, разрешение конфликтной ситуации между индивидами. То есть медиация не может иметь место, если потерпевшая сторона не является физическим лицом» [9, с. 98]. Но ведь сфера действия медиации распространяется на гражданское и арбитражное судопроизводство, где сторонами могут выступать юридические лица. Поэтому полагаем, что при внедрении медиативных процедур в уголовный процесс вне их рамок не должны оказаться дела, где вред преступлением причинен юридическому лицу. При этом участие юридического лица в примирительных процедурах возможно только через его представителя (руководителя или иное лицо, которое будет надлежащим образом уполномочено).

Также нельзя оставить без внимания вопрос о том, допустимо ли применение медиативных процедур, если потерпевший является несовершеннолетним. Для защиты прав и интересов такого участника в процесс привлекается его законный представитель, который и будет выступать стороной в медиативных процедурах. Но возможны ситуации, когда мнение представителя и представляемого по вопросу о примирении расходятся. В таком случае, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, отсутствуют основания для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (подп. 2 п. 11 постановления от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.)). Полагаем, что применение медиативных процедур может стать эффективным средством, с помощью которого участники со стороны потерпевшего придут к единому мнению по вопросу примирения с обвиняемым.

На наш взгляд, возможно использование медиации и в тех случаях, когда преступлением причинен вред лицу, признанному недееспособным. В подобной ситуации стороной в процессе медиации должен быть опекун такого лица.

Необходимо включить в гл. 8 УПК РФ статью 60.1 и закрепить в ней процессуальный статус медиатора, взяв за основу ст. 85 УПК РК и ст. 59 УПК КР, а также сделав необходимые отсылки к отечественному законодательному акту, посвященному медиации.

Необходимость независимого субъекта, деятельность которого будет направлена на урегулирование конфликта между обвиняемым и потерпевшим, связана с тем, что следователи и дознаватели сосредоточены на своей непосредственной работе – расследовании преступлений. Они даже физически, в силу своей загруженности, не имеют времени, чтобы «склонять» стороны к примирению. Подобная примирительная деятельность не относится и к полномочиям суда. При этом медиатором по уголовным делам всегда должно выступать только лицо, имеющее высшее юридическое образование.

Предлагаем наделить медиатора в уголовном судопроизводстве следующими правами:

1) с разрешения следователя, дознавателя или суда знакомиться с материалами дела в объеме, который необходим для проведения медиативных процедур;

2) встречаться с участниками уголовного дела, выступающими сторонами в рамках процедуры медиации (обвиняемым, его законным представителем, защитником, потерпевшим, его представителем, в том числе законным), наедине и конфиденциально, при этом количество и продолжительность таких встреч не должны ограничиваться;

3) оказывать содействие участникам процедуры медиации при заключении соглашения о примирении (медиативного соглашения);

4) отказаться от проведения процедуры медиации, если кто-либо из участников без уважительных причин не является для участия в медиативных процедурах или иным образом препятствует их проведению, либо если в ходе проведения медиативных процедур ему стало известно о наличии обстоятельств, препятствующих его участию (влияющих на его независимость и беспристрастность).

К числу обязанностей медиатора следует отнести:

1) действовать только с согласия сторон медиации;

2) до начала медиативных процедур разъяснить участникам их права и обязанности в процессе медиации, ее цели;

3) подготовить проект соглашения о примирении (медиативного соглашения);

4) не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с проведением медиации, если он был предупрежден об этом в порядке ст. 161 УПК РФ.

Кроме того, медиатор в уголовном судопроизводстве должен обладать свидетельским иммунитетом в отношении той информации, которая стала ему известна в связи с участием в процедуре медиации.

Следует законодательно закрепить право лиц (потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого)) знать о возможности примирения, в том числе с помощью медиатора. В целях реализации указанного права на следователя (дознавателя) и суд должна быть возложена обязанность разъяснить сторонам возможность примирения и применения медиативных процедур [10, с. 119].

В УПК РФ следует включить статью, которая будет определять порядок проведения медиации в уголовном судопроизводстве. Отсутствие такой статьи в тексте уголовно-процессуального закона приведет к тому, что новеллы в УПК РФ не будут иметь ожи-

даемого положительного эффекта. В частности, такую картину можно было наблюдать в гражданском и арбитражном процессах после принятия Федерального закона № 193-ФЗ. Л.Р. Борецкая справедливо отметила: «Несмотря на преимущества обращения сторон гражданского процесса к процедуре медиации, статистические данные свидетельствуют о том, что в период с 2011 по 2017 год примирительные процедуры с участием медиатора применялись крайне редко. Так, в судах общей юрисдикции процент обращений к медиаторам составил 0,0008, а при рассмотрении дел арбитражными судами 0,002» [11, с. 245]. Ситуация изменилась только после вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ, которым были внесены изменения как в текст Федерального закона № 193-ФЗ, так и в ГПК РФ (в частности, Кодекс был дополнен гл. 14.1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение») и в АПК РФ (например, в Кодекс включена ст. 138.1 «Порядок и сроки проведения примирительной процедуры»), то есть после закрепления норм, определивших соответствующую процедуру. При этом наряду с медиацией была закреплена еще одна процедура – судебное примирение, направленная на то, чтобы снизить нагрузку на судебную систему [12, с. 96].

Изучение действующего законодательства приводит к выводу, что медиация и судебное примирение – это не тождественные процедуры. Несмотря на сходство, между ними есть и существенные отличия. Так, судебное примирение осуществляется, если дело уже принято судом к своему производству. Процедура проводится исключительно судебным примирителем, в качестве которого выступает судья в отставке, включенный в специальный список примирителей. Следует также отметить, что в соответствии с Регламентом проведения судебного примирения оно не оплачивается сторонами⁶. На наш взгляд, участников процесса медиации в уголовном судопроизводстве также следует освободить от оплаты услуг медиатора. В противном случае велика вероятность, что потерпевшие и обвиняемые будут избегать указанной процедуры, не желая нести дополнительные расходы.

⁶ Об утверждении Регламента проведения судебного примирения : постановление Пленума Верховного Суда от 31.10.2019 № 41 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А в связи с тем, что, как мы указывали, медиатор по уголовным делам должен обязательно иметь юридическое образование, оптимальным представляется вариант закрепить в тексте УПК РФ, что в качестве медиатора может выступать и судебный примиритель (при этом он вправе осуществлять деятельность как на досудебных стадиях, так и в судебном разбирательстве).

При разработке самой процедуры медиации по уголовным делам следует учесть опыт зарубежных законодателей и положения российского Регламента проведения судебного примирения. По нашему мнению, она должна включать следующие этапы.

1. Решение о применении медиативных процедур по уголовному делу. Инициатором может выступить кто-либо из участников производства по делу (потерпевший или обвиняемый) либо предложение может исходить от следователя, дознавателя или суда. В последнем случае медиативные процедуры применяются только с согласия и потерпевшего, и обвиняемого. Решение о применении медиации должно оформляться постановлением следователя (дознавателя) или судьи, в котором указывается, по какому делу применяется медиативная процедура, а также стороны (обвиняемый и потерпевший, защитник, представители, если участвуют в деле), данные о медиаторе, сроки медиации и т. д. По общему правилу, кандидатура медиатора предлагается сторонами, если же они не приходят к соглашению, то лицо, ведущее производство по делу, приглашает в качестве медиатора судебного примирителя.

При законодательном определении сроков для проведения медиативных процедур следует учитывать, что применение медиации не должно затягивать производство по уголовному делу.

2. Переговоры сторон в целях выработки взаимоприемлемого решения. При этом по ходатайству сторон медиатор может провести индивидуальную беседу с каждой из них.

3. Завершение медиативных процедур. Итогом может быть не только заключение медиативного соглашения (когда стороны урегулировали конфликт и примирились), но и отказ от медиации, если участники медиативных процедур не смогли прийти к соглашению.

Если потерпевший и обвиняемый примирились в результате медиативных процедур, то суд, а также следователь или дознаватель в обязательном порядке прекращают уголовное дело (или уголовное преследование, если по делу проходят несколько обвиняемых, а примирился с потерпевшим только один из них).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации содержит предпосылки для использования медиации в качестве способа разрешения уголовно-правовых конфликтов. Полагаем, что распространение сферы действия Федерального закона № 193-ФЗ, регулирующего вопросы медиации, на уголовное судопроизводство, а также внесение изменений и дополнений в УПК РФ с учетом опыта зарубежных стран и практики применения медиации в российских цивилистических процессах, с одной стороны, обеспечит интересы участников, позволив потерпевшему получить возмещение причиненного преступлением вреда, а обвиняемому освободиться от уголовной ответственности, а с другой – интересы государства, снизив нагрузку на правоохранительные органы, суды и систему исполнения наказаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макарова О.В. Медиация в уголовном процессе: восстановительное правосудие как новая парадигма разрешения конфликтов / О.В. Макарова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 3 (107). – С. 70–78.
2. Валеев А.Т. Медиация в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: направления совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства / А.Т. Валеев // Пенитенциарная наука. – 2014. – № 4 (28). – С. 47–51.

REFERENCES

1. Makarova O.V. Mediation in Criminal Proceedings: Restorative Justice as a New Paradigm for Conflict Resolution. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2025, no. 3 (107), pp. 70–78. (In Russian).
2. Valeev A.T. Mediation in Criminal Proceedings of the Russian Federation: Areas for Improving Russian Criminal Procedure Legislation. *Penitentiary Science*, 2014, no. 4 (28), pp. 47–51. (In Russian).

3. Баймухаметова Г.М. Особенности медиации в уголовном судопроизводстве / Г.М. Баймухаметова // Закон и право. – 2022. – № 3. – С. 134–138.
4. Дераж Е.А. Применение процедуры медиации в уголовном процессе / Е.А. Дераж // Путь в науку. Юридические науки. – 2024. – № 52. – С. 168–169.
5. Горбенкова А.С. Восстановительная юстиция с точки зрения института медиации / А.С. Горбенкова, С.Г. Салмина // Вестник Югорского государственного университета. – 2017. – Вып. 1 (44). – С. 93–96.
6. Градский В.Е. Предпосылки внедрения процедуры медиации в уголовном процессе России / В.Е. Градский // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 11–15.
7. Измestева Е.М. Судебная медиация в России на современном этапе: анализ проблемных аспектов и возможные направления совершенствования / Е.М. Измestева, Ю.А. Вирченко // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2018. – № 3. – С. 42–47.
8. Герасименко Ю.А. Возможные пути имплементации института медиации в уголовный процесс России / Ю.А. Герасименко // Уголовный процесс. – 2018. – № 1 (16). – С. 51–55.
9. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе / А.А. Арутюнян. – Москва: ИнфотропикМедиа, 2013. – 200 с.
10. Софийчук Н.В. Предпосылки внедрения института медиации в уголовное судопроизводство Российской Федерации (криминологический и процессуальный аспекты) / Н.В. Софийчук, А.Т. Валеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 114–124.
11. Борецкая Л.Р. Институт медиации: современное состояние и практика применения сторонами в гражданском процессе / Л.Р. Борецкая // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5(71), № 3. – С. 243–248.
12. Лисицын Ю.В. О перспективах внедрения института судебного примирения в российское процессуальное законодательство / Ю.В. Лисицын, М.С. Трофимова // BENEFICIUM. – 2020. – № 1 (34). – С. 95–102.
3. Baimukhametova G.M. Features of Mediation as a Factor of Efficiency of Criminal Proceedings. *Law and Legislation*, 2022, no. 3, pp. 134–138. (In Russian).
4. Derazh E.A. Application of the Mediation Procedure in Criminal Proceedings. *Path to Science. Legal Sciences*, 2024, no. 52, pp. 168–169. (In Russian).
5. Gorbenkova A.S., Salmina S.G. Restorative Justice from the Point of View of the Institution of Mediation. *Bulletin of Yugra State University*, 2017, iss. 1 (44), pp. 93–96. (In Russian).
6. Gradsky V.E. Prerequisites for the Introduction of Mediation in Criminal Proceedings in Russia. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2020, no. 2, pp. 11–15. (In Russian).
7. Izmesteva E.M., Virchenko Yu.A. Mediation During Litigation in the Modern Russia: Analysis of the Uncertainties and the Perspectives on Improvement. *Actual Issues of Modern Science and Society*, 2018, no. 3, pp. 42–47. (In Russian).
8. Gerasimenko Yu.A. Possible Ways of Implementation of the Institute of Mediation in the Criminal Process of Russia. *Criminal Procedure*, 2018, no. 1 (16), pp. 51–55. (In Russian).
9. Arutyunyan A.A. Mediation in Criminal Procedure. Moscow, InfotropicMedia Publ., 2013. 200 p.
10. Sofiichuk N.V., Valeev A.T. Prerequisites of the Implementation of the Institute of Mediation in Criminal Proceedings of the Russian Federation (Criminological and Procedural Aspects). *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 4, pp. 114–124. (In Russian).
11. Boretskaya L.R. Institute of Mediation: Current State and Practice of Application by Parties in Civil Procedure. *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences*, 2019, vol. 5 (71), no. 3, pp. 243–248. (In Russian).
12. Lisitsyn Yu.V., Trofimova M.S. Prospects for the Introduction of the Institute of Judicial Conciliation in the Russian Procedure Legislation. *BENEFICIUM*, 2020, no. 1 (34), pp. 95–102. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Головачук Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова;

Раменская Виктория Святославовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Golovachuk Olga Sergeevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor at the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure;

Ramenskaya Victoria Svyatoslavovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor at the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 12.11.2025. The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 12.11.2025; accepted for publication 12.11.2025.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.11

ВАЛЬКИРИЯ Наталья Ивановна
Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия,
ni_malykhina@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-6679-8422>

Original article

VALKIRIYA Natalya Ivanovna
Baikal State University,
Irkutsk, Russia

ПРОЦЕСС УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

THE PROCESS OF IDENTIFYING THE PERPETRATOR OF A CRIME: DEBATES ON
SCIENTIFIC DEVELOPMENT IN CRIMINALISTICS

Аннотация. Традиционный подход к криминалистическому исследованию вопросов установления лица, совершившего преступление, заключается в научной разработке данной тематики на стадии предварительного расследования и в большинстве своем не вызывает дискуссий о понимании сущностного содержания данного вида деятельности. Во многом сложившаяся ситуация предопределена устоявшимися в науке подходами к толкованию термина «лицо, совершившее преступление» и его использованием в качестве синонима терминов «преступник», «подозреваемый», «обвиняемый». Вместе с тем в завершённом виде процесс установления данного лица может быть исследован и представлен с учетом стадии судебного разбирательства уголовного дела. Цель: обосновать целесообразность пересмотра традиционного подхода к научной разработке вопросов установления лица, совершившего преступление, в криминалистике, не ограничиваясь стадией предварительного расследования. Для определения степени разработанности вопросов установления лица, совершившего преступление, в криминалистике и выработки предложений по их совершенствованию использовались методы наблюдения, анализа, сравнения, обобщения; применение метода ситуационного моделирования позволило провести различия в изучении и установлении указанного субъекта с учетом существующих в науке подходов к толкованию термина «лицо, совершившее преступление». Результаты: в целях создания целостной системы знаний, отражающей все этапы установления лица, совершившего преступление, аргументировано исследование данного вида деятельности с учетом стадии судебного разбирательства уголовного дела; отмечены

Abstract. The traditional approach to criminalistic investigation of the issues of identifying the perpetrator of a crime is to scientifically develop this topic at the stage of preliminary investigation and, for the most part, does not cause discussions on understanding the essential content of this type of activity. In many respects, the current situation is predetermined by well-established scientific approaches to the interpretation of the term “perpetrator of a crime” and its use as a synonym in relation to the terms “criminal”, “suspect”, “accused”. At the same time, the completed process of identifying this person can be studied and presented taking into account the stage of criminal proceedings. Purpose: To justify the feasibility of revising the traditional approach to the scientific development of the issues of identifying the perpetrator of a crime in criminalistics, not limited to the stage of preliminary investigation. Methods of observation, analysis, comparison, and generalization are used to determine the degree of elaboration of the issues of identifying the perpetrator of a crime in criminalistics and to develop proposals for their improvement; the use of situational modeling allows for differences in the study and identification of the specified subject, taking into account existing scientific approaches to the interpretation of the term “perpetrator of a crime”. Results: In order to create a comprehensive knowledge system reflecting all stages of identifying the perpetrator of a crime, the research on this type of activity is substantiated, taking into account the stage of criminal proceedings. The expediency of differentiating the issues of studying and identifying the perpetrator is noted, as well as the significant importance of scientifically elaborating the issues of

целесообразность разграничения вопросов изучения и установления данного лица, а также важное значение необходимости научной проработки вопросов установления и изучения предполагаемого преступника на стадии доследственной проверки. Рекомендовано уточнять авторское понимание термина «лицо, совершившее преступление» с указанием стадии либо стадий, в рамках которых будут разрабатываться заявленные вопросы.

Ключевые слова: лицо, совершившее преступление, установление виновного лица, доследственная проверка, предварительное расследование, судебное разбирательство, криминалистическое обеспечение

Для цитирования: Валькирия Н.И. Процесс установления лица, совершившего преступление: дискуссионные вопросы научной разработки в криминалистике / Н.И. Валькирия. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 102–107.

identifying and studying the suspected offender at the pre-investigation stage. The article recommends clarifying the author's understanding of the term "perpetrator of a crime" indicating the stage or stages within which the stated issues will be addressed.

Keywords: perpetrator of a crime, identification of the guilty person, pre-investigation check, preliminary investigation, trial, criminalistic support

For citation: Valkiriya N.I. The Process of Identifying the Perpetrator of a Crime: Debates on Scientific Development in Criminalistics. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 102–107. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.11.

ВВЕДЕНИЕ

Разработка вопросов установления лица, совершившего преступление (далее – ЛСП), в общетеоретическом аспекте и, как следствие, по различным видам преступлений базируется на сложившемся традиционном подходе и, как правило, не вызывает научных споров среди ученых-криминалистов.

Общепринятое понимание данного вида деятельности заключается в выявлении и изобличении преступника в ходе предварительного расследования, что нашло свое отражение, в частности, в работе В.А. Образцова, посвященной формированию общетеоретических положений данной тематики. Ученый выделил два этапа, составляющих процесс установления ЛСП: выявление преступника, о котором собирается информация, указывающая на возможность совершения преступления данным лицом; изобличение лица в содеянном посредством сбора достаточных доказательств, свидетельствующих, что именно этот человек совершил расследуемое деяние [1, с. 7].

Ограничиваясь стадией предварительного расследования, различные аспекты установления ЛСП находят свое выражение (прямо либо опосредованно) в аналогичном изложении и в работах, посвященных либо непосредственно процессу установления лица, совершившего

преступное деяние, либо расследованию отдельных видов преступлений.

В целях развития представлений о сущностном содержании процесса установления ЛСП в криминалистике представляется целесообразным рассмотреть данные положения в корреляции с вопросами толкования термина «лицо, совершившее преступление», определением этапов методики расследования преступлений, а также с учетом разграничения процессов установления и изучения данного лица.

ЛИЦО, СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В КРИМИНАЛИСТИКЕ: ПОНЯТИЕ, НАЧАЛО ПРОЦЕССА УСТАНОВЛЕНИЯ

Как правило, в криминалистических работах при раскрытии вопросов о деятельности по установлению ЛСП сам этот термин, как и термин «личность преступника», используется в качестве обобщенного понятия применительно к неизвестному преступнику, а также к лицу, которое подозревается либо обвиняется в совершении преступления. Также им обозначается подсудимый, вопросы изучения которого в настоящее время начали получать свое развитие в криминалистике, но еще не нашли отражения при разработке общего процесса установления ЛСП как его структурный компонент. Примечательно, что вопросы криминалистиче-

ского изучения свидетелей и потерпевших уже системно исследуются в науке с учетом стадии судебного разбирательства уголовных дел [2; 3].

Заметим, что в криминалистике длительное время не подвергалась критическому анализу сложившаяся ситуация с терминологической несогласованностью, в том числе не было разработано целостных положений криминалистического учения о личности преступника как обобщенного понятия, применяемого для обозначения различных субъектов.

Еще в 1973 г. Ф.В. Глазырин выступил с инициативой о создании такого учения в общей теории криминалистики. Он отмечал: «Основными отправными положениями этого учения могли бы стать понятие о личности преступника в криминалистическом аспекте, оценка роли личностных качеств в избрании вида, способа преступного деяния, мест, способов укрытия следов и орудий преступления, обусловленные этим закономерности образования доказательства, система зависимостей между личностью правонарушителя и ее поведением в момент совершения преступления, после него, на предварительном следствии, судебном разбирательстве, с одной стороны, и закономерностями применения технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций – с другой» [4, с. 7].

Несмотря на упоминание стадии судебного разбирательства, криминалистическое изучение личности преступника Ф.В. Глазырин предложил разделять на два вида: «во-первых, сбор, получение информации о личности еще неизвестного следствию преступника; во-вторых, изучение уже известного следствию преступника – подозреваемого, обвиняемого» [4, с. 7].

То есть в представленных научных суждениях разработка криминалистического учения о данной личности предлагалась при терминологическом отождествлении в одном лице различных субъектов (преступника, подозреваемого, обвиняемого). Данная идея не нашла реализации в научных трудах, поскольку совместить в одном учении ввиду их существенных различий методологию, методику, средства изучения и пр. указанных субъектов, а также сформировать целостные положения учения с соблюдением предъявляемых требований к его структурному построению оказалось затруднительным.

Об этом свидетельствуют научные изыскания ученых, посвятивших свои исследования, например, разработке в общей теории криминалистики проблем установления личности преступника (в понимании неизвестного преступника) [5], изучения личности несовершеннолетнего обвиняемого [6] и др.

Ранее нами был проведен всесторонний анализ проблемы понимания в криминалистике и использования в научном обороте термина «лицо, совершившее преступление» (личность преступника) во взаимосвязи с вопросами о возможности формирования соответствующего учения, по итогам которого предложено разграничивать искомого преступника и конкретное лицо, выступающее в качестве определенной процессуальной фигуры¹, в том числе учитывая данный аспект при формировании соответствующих учений в общей теории криминалистики.

Применительно к подсудимому также при разработке вопросов его изучения в криминалистике не следует отождествлять его с ЛСП, в частности в рамках предложения о создании соответствующего учения в указанном разделе криминалистики [9].

В контексте исследуемых вопросов отметим и целесообразность разграничения вопросов изучения и установления ЛСП.

ИЗУЧЕНИЕ И УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В КРИМИНАЛИСТИКЕ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Установление ЛСП в криминалистике включает в себя комплекс действий, направленных на фактическое выявление лица, проверку его причастности к совершению

¹ Лицо, совершившее преступление, представляет собой всего лишь собирательный образ объективно существующего человека, сведения о котором (в процессе его установления) могут быть использованы, например, для сопоставления с информацией об обвиняемом и т. д. В криминалистике под лицом, совершившим преступление, следует понимать либо искомого, либо установленного в законном порядке преступника, без отождествления с конкретным человеком [7]. Понятия «подозреваемый», «обвиняемый» и «подсудимый» имеют специфическое юридическое содержание, связанное с их процессуальной ролью, – во всех случаях речь идет о конкретном человеке, который выступает в качестве определенной процессуальной фигуры. Именованное данных лиц преступниками нарушает принцип презумпции невиновности [8, с. 27–28].

преступления, изобличение в содеянном и установление его виновности.

Изучение ЛСП подразумевает комплекс действий, направленных на выявление, исследование индивидуальных личностных качеств человека и использование данной информации в процессе установления данного субъекта, в том числе для решения иных задач уголовного судопроизводства.

Так, по оставленным на месте происшествия материальным следам можно получить информацию о биологических качествах человека, по идеальным и виртуальным – смоделировать поведение преступника и спрогнозировать его возможные дальнейшие действия (например, выявление таких психических особенностей лица, как умение и навыки владения психотехнологиями, может являться основанием для прогнозирования совершения им новых преступлений [10]) и т. д.

То есть изучение ЛСП – это структурный компонент деятельности по установлению данного лица. При этом в научном исследовании при разработке данных вопросов, по нашему мнению, следует вначале обозначать, в каком значении будет использоваться рассматриваемый термин – в традиционном (то есть отождествляя всех указанных выше субъектов в одном лице), либо в понимании неизвестного преступника или уже установленного лица (в частности, при формировании положений криминалистической характеристики преступлений).

Полагаем, что когда речь идет о конкретной процессуальной фигуре (например, обвиняемом), то вопросы ее изучения следует рассматривать как структурный компонент общего процесса установления ЛСП. Если же исследователем будет заявлена тематика именно установления ЛСП, то в данном случае в целях создания целостной системы знаний, отражающей все ее этапы, необходима всесторонняя разработка темы с учетом стадий – предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела. То есть в исследовании должны быть отражены вопросы изучения неизвестного преступника, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого с указанием субъектов изучения, методологии, методики изучения каждого из них, что в совокупности обеспечит формирование целостной теоретической

модели процесса установления ЛСП. При этом если данный процесс в научном исследовании будет ограничен только стадией предварительного расследования, правильнее будет говорить не о процессе установления ЛСП, а об установлении обвиняемого.

Следующим дискуссионным вопросом является момент определения начала процесса установления ЛСП, что непосредственно связано с определением этапов методики расследования преступлений.

Общеизвестно, что при разработке методик расследования преступлений разные ученые-криминалисты в своих работах момент начала расследования, что, соответственно, отражается и на указании этапов данной методики, определяют либо с момента возбуждения уголовного дела, ориентируясь на положения ст. 156 УПК РФ, либо с момента поступления информации о преступлении, обосновывая важность доследственной проверки необходимой составляющей именно методики расследования и актуальность разработки данных вопросов как части процесса расследования.

Поддерживая последнюю точку зрения, отметим, что особенности возбуждения уголовного дела во многих случаях являются необходимым этапом при разработке методик расследования отдельных видов преступлений [11, с. 383–387; 12, с. 209] наряду с первоначальным, последующим и заключительным. Например, стадия доследственной проверки имеет приоритетное значение при принятии решения о возбуждении уголовного дела, связанного с интернет-мошенничеством [13], нарушениями требований пожарной безопасности [14] и пр.

По рассматриваемой проблематике заслуживает внимания позиция И.М. Комарова, который совершенно справедливо, на наш взгляд, акцентирует внимание ученых-криминалистов на необходимости более пристального внимания к разработке вопросов о типичных ситуациях доследственной проверки, связанных с ними версий, которые имеют важное значение для методики расследования преступлений, однако до настоящего времени не проработаны, в отличие от вопросов типового алгоритма действий в различных типичных следственных ситуациях на различных этапах после возбуждения уголовного дела [15].

Рассуждая по аналогичным вопросам затронутой тематики, А.А. Эксархопуло отмечает: «Только в криминалистической методике и этапы расследования, и условная граница между ними сохраняют качества процедур, имеющих именно познавательные цели, без чего невозможно доказывание ни одного из обстоятельств преступления» [16, с. 637].

Соответственно, проецируя данные положения на вопросы установления ЛСП, отметим, что их разработка также должна корреспондироваться с определением в научном исследовании этапов методики расследования тех или иных преступлений. При этом если в работе будет поставлена задача создания общего алгоритма установления ЛСП, для рассмотрения данного вопроса в целостной системе этот процесс должен охватывать и стадию судебного разбирательства уголовного дела.

Актуальными на сегодняшний день остаются вопросы, связанные с необходимостью научной разработки проблем установления и изучения предполагаемого преступника на стадии доследственной проверки с применением криминалистических методов и средств. Данное направление тоже недостаточно разработано, как и вопросы криминалистического обеспечения доследственной проверки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами предлагается пересмотреть устоявшиеся в криминалистике научные представления о процессе установления ЛСП, ограничивающиеся стадией предварительного

расследования, посредством их расширения стадией судебного разбирательства уголовного дела. При этом в современных условиях требуется также совершенствование вопросов, касающихся использования криминалистических методов и средств установления данного лица на этапе доследственной проверки.

При разработке вопросов установления ЛСП в криминалистических исследованиях следует уточнять авторское понимание термина и указывать стадию либо стадии этого вида деятельности, в рамках которых будут рассматриваться заявленные вопросы, что позволит избежать терминологической несогласованности и двусмысленного понимания процесса установления ЛСП. При этом представляется целесообразным проводить различия между установлением и изучением ЛСП, что также влияет на правильное определение соответствующих методов и средств при изложении материала в научном исследовании.

По нашему мнению, когда в научных работах используется словосочетание «изучение лица, совершившего преступление», речь должна идти либо об изучении неизвестного преступника, либо об изучении лиц, совершивших преступления, информация о которых отражается в криминалистической характеристике преступлений. В случае определения такой задачи, как «установление лица, совершившего преступление», следует рассматривать данный процесс более масштабно, охватывая вопросы изучения искомого преступника, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника / В.А. Образцов. – Москва : Юрист, 1997. – 336 с.
2. Бедрезов А.Г. Личность свидетеля как объект криминалистического исследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.Г. Бедрезов. – Калининград, 2020. – 206 с.
3. Зайнуллин Р.И. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Р.И. Зайнуллин. – Уфа, 2022. – 480 с.
4. Глазырин Ф.В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ф.В. Глазырин. – Свердловск, 1973. – 35 с.

REFERENCES

1. Obratsov V.A. Identification and Exposure of the Criminal. Moscow, Jurist Publ., 1997. 336 p.
2. Bedrizov A.G. Personality of a Witness as an Object of Criminalistic Research. *Cand. Diss.* Kaliningrad, 2020. 206 p.
3. Zainullin R.I. Criminalistic Science Theory on the Personality of Minor Victims and Witnesses. *Doct. Diss.* Ufa, 2022. 480 p.
4. Glazyrin F.V. Criminalistic Study of the Personality of the Accused. *Doct. Diss. Thesis.* Sverdlovsk, 1973. 35 p.

5. Жбанков В.А. Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Жбанков. – М., 1995 // Публичное и частное право. – 2010. – № 2. – С. 196–217.
6. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования / И.А. Макаренко. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 352 с.
7. Малыхина Н.И. Определение понятия «лицо, совершившее преступление» / Н.И. Малыхина // Российская юстиция. – 2012. – № 12. – С. 19–21.
8. Малыхина Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Н.И. Малыхина. – Саратов, 2017. – 403 с.
9. Кисленко С.Л. Учение о личности подсудимого: предпосылки и перспективы формирования в криминалистической теории / С.Л. Кисленко, Я.В. Комиссарова // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 316–325.
10. Валькирия Н.И. Постпреступное поведение неизвестного преступника как объект криминалистического исследования / Н.И. Валькирия // Современное право. – 2024. – № 9. – С. 123–127.
11. Криминалистика : учебник / под ред. В.А. Образцова. – Москва : Юристъ, 2001. – 760 с.
12. Криминалистика : учебное пособие / под общ. ред. В.И. Комиссарова. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 296 с.
13. Кулаевский А.В. К вопросу о разработке криминалистического алгоритма действий следователя по установлению лица, совершившего дистанционное мошенничество / А.В. Кулаевский // Проблемы правовой и технической защиты информации. – 2024. – № 12. – С. 39–43.
14. Вербовская Е.С. Установление лица, ответственного за обеспечение пожарной безопасности в многофункциональных зданиях и сооружениях, в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 219 УК РФ / Е.С. Вербовская // Современное право. – 2025. – № 9. – С. 127–130.
15. Комаров И.М. Процессуально-криминалистические аспекты отдельных положений современной стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе / И.М. Комаров // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 5. – С. 462–471.
16. Криминалистика. Теоретический курс : монография / А.А. Эксархопуло, И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин и др. – Уфа : НИИ ППГ, 2022. – 649 с.
5. Zhbankov V.A. Criminal's Identification Conceptual Bases in Criminalistics. *Doct. Diss. Thesis. Public and Private Law*, 2010, no. 2, pp. 196–217. (In Russian).
6. Makarenko I.A. Personality of a Minor Accused as an Object of Criminalistic Research. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006. 352 p.
7. Malykhina N.I. The Definition of "a Person Who Has Committed a Crime". *Russian Justice*, 2012, no. 12, pp. 19–21. (In Russian).
8. Malykhina N.I. Criminalistic Doctrine of the Person Who Committed a Crime. *Doct. Diss. Saratov*, 2017. 403 p.
9. Kislenco S.L., Komissarova Ya.V. The Doctrine of the Defendant's Personality: Prerequisites and Prospects for Its Formation in the Theory of Criminalistics. *Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 316–325. (In Russian).
10. Valkiriya N.I. Post-Criminal Behavior of an Unknown offender as an Object of Forensic Research. *Modern Law*, 2024, no. 9, pp. 123–127. (In Russian).
11. Obraztsov V.A. (ed.). *Criminalistics: Textbook*. Moscow, Yurist Publ., 2001. 760 p.
12. Komissarov V.I. (ed.). *Criminalistics*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 296 p.
13. Kulaevsky A.V. On the Issue of Developing a Criminalistic Algorithm for the Investigator's Actions to Identify the Perpetrator of a Remote Fraud. *Legal and Technical Problems of Information Security*, 2024, no. 12, pp. 39–42. (In Russian).
14. Verbovskaia E.S. Identification of the Person Responsible for Ensuring Fire Safety in Multifunctional Buildings and Structures in the Course of Investigation of Crimes under Art. 219 of the Criminal Code of Russian Federation. *Modern Law*, 2025, no. 9, pp. 127–130. (In Russian).
15. Komarov I.M. Procedural-Criminalistic Aspects of Some Clauses of the Modern Stage of Initiating Criminal Proceedings in the Russian Criminal Process. *Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 5, pp. 462–471. (In Russian).
16. Eksarkhopulo A.A., Makarenko I.A., Zainullin R.I. et al. *Criminalistics. Theoretical Course*. Ufa, Research Institute of PPG Publ., 2022. 649 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валькирия Наталья Ивановна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Института правовых исследований.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valkiriya Natalya Ivanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher at the Institute of Legal Research.

Статья поступила в редакцию 02.10.2025; одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 28.10.2025. The article was submitted 02.10.2025; approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 28.10.2025.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.12

ИВАНОВ Вячеслав Васильевич ✉
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва,
Самара, Россия,
Ivanov_sl@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9915-0521>

КУЗОВЕНКОВА Юлия Алексеевна
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва,
Самара, Россия,
kuzovenkova@hotmail.com,
<https://orcid.org/0009-0004-4061-2316>

Original article

IVANOV Vyacheslav Vasilievich
Samara National Research University
named after Academician S.P. Korolev,
Samara, Russia

KUZOVENKOVA Yulia Alekseevna
Samara National Research University
named after Academician S.P. Korolev,
Samara, Russia

ФОРМЫ СУДЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ

JUDICIAL COMMUNICATION FORMS INFLUENCING JURY DECISION-MAKING

Аннотация. Роль присяжных заключается в том, чтобы вынести вердикт о виновности или невиновности подсудимого на основании своего внутреннего убеждения, сложившегося в результате оценки рассмотренных в суде доказательств, с позиций собственной житейской мудрости, здравого смысла, в соответствии со своим интеллектом. Данный институт менее склонен к обвинительным тенденциям по сравнению с традиционной формой осуществления правосудия, что подтверждается данными официальной статистики, которая показывает, что доля оправдательных вердиктов за последние годы стабильно составляет от 30 до 35 %, в связи с чем нередко обвиняемые ходатайствуют о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных. Вместе с тем на принятие присяжными решения оказывает влияние масса факторов, среди которых не только исследованные по делу доказательства, но и ораторское искусство защитника и обвинителя, их манера держаться, убедительность и др. Участники судебного процесса используют вербальную, невербальную и письменную коммуникацию для представления доказательств и формирования мнения у присяжных заседателей. Однако отсутствие у присяжных специальной юридической подготовки и профессионального опыта делает их потенциально уязвимыми. Цель: на конкретных примерах правоприменительной практики показать, какое влияние на принятие решения в суде присяжных оказывает вербальная и

Abstract. The role of the jury is to reach a verdict of guilt or innocence of the defendant based on their inner beliefs, formed as a result of evaluating the evidence considered in court, from the standpoint of their own practical wisdom, common sense, in accordance with their intellectual capacity. This institution is less prone to conviction tendencies compared to the traditional form of justice administration, which is confirmed by official statistical data. These data show that the proportion of acquittals in recent years has consistently ranged from 30 % to 35 %, consequently, defendants often request to have their criminal cases heard by a jury. At the same time, the jury's decision is influenced by a multitude of factors, including not only the evidence presented in the case but also the oratorical skills of the defense and prosecution, their demeanor, persuasiveness, and so on. Participants in a trial use verbal, non-verbal and written communication to present evidence and shape the jurors' opinion. However, the jurors' lack of special legal training and professional experience makes them potentially vulnerable. Purpose: To show, through specific examples of law enforcement practice, the influence of verbal and non-verbal communication on jury decision-making. Methods: verbal and non-verbal forms of judicial communication are analyzed on the basis of specialized literature; positive and negative examples of communication and their influence on the final decision on the case are empirically

невербальная коммуникация. Методы: вербальные и невербальные формы судебной коммуникации анализировались на основе специальной литературы; эмпирическим путем устанавливались позитивные и негативные примеры коммуникации и влияние на итоговое решение по делу; полученные результаты синтезировались в промежуточные и итоговые выводы. Результаты: сделан вывод, что знание и умелое сочетание техник вербальной и невербальной коммуникации при соблюдении нормативных и этических ограничений позволяют стороне в процессе выглядеть более убедительной и повышают шансы на разрешение дела в ее пользу.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, судебная коммуникация, вербальная коммуникация, невербальная коммуникация, заявления сторон, ограничения и запреты в суде присяжных, представление доказательств присяжным

Для цитирования: Иванов В.В. Формы судебной коммуникации, влияющие на принятие решения присяжными заседателями / В.В. Иванов, Ю.А. Кузовенкова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 108–117.

established; the results obtained are synthesized into intermediate and final conclusions. Results: The article concludes that mastering and strategically applying verbal and non-verbal communication, while respecting ethical and legal boundaries, makes a party more convincing and boosts their prospects for a favorable case resolution.

Keywords: jury trial, jurors, judicial communication, verbal communication, nonverbal communication, statements by the parties, limitations and prohibitions in jury trial, presentation of evidence to the jury

For citation: Ivanov V.V., Kuzovenkova Yu.A. Judicial Communication Forms Influencing Jury Decision-Making. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 108–117. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.12.

ВВЕДЕНИЕ

Судебный процесс представляет собой сложную систему взаимодействия (коммуникации) различных участников, каждый из которых преследует свои цели, интересы и стремится добиться справедливости.

Психология рассматривает коммуникацию как процесс и смысловой аспект социального взаимодействия и выделяет ее основные виды – вербальная и невербальная¹. Вербальная, или речевая, коммуникация – это словесное взаимодействие индивидуумов, осуществляемое с помощью знаковых систем, основным среди которых является язык [1, с. 103]. Невербальная коммуникация – это система знаков и символов, используемых для передачи информации имеющей достаточно четкий круг значений, она является своеобразной знаковой системой [2].

По мнению А.В. Мальцевой, судебная коммуникация как вид юридической коммуникации представляет собой совокупность актов речевого общения в судах общей юрисдикции

в процессе осуществления судебной власти, речевое взаимодействие сторон, диалог того или иного вида судебной юрисдикции [3]. Коммуникация в суде может включать как вербальные, языковые, так и невербальные элементы сообщения, такие как жесты, мимика, движения, осанка, взгляд, голос, одежда, общая привлекательность и др.

Вербальная коммуникация является основным каналом передачи информации в суде, однако ее эффективность определяется не объемом, а качеством и адаптацией к аудитории. При этом говорящий не просто сообщает какие-то сведения, а стремится к достижению определенной цели, связанной с разрешением дела. Полагаем, что основными формами взаимодействия в суде присяжных являются судебное следствие и прения сторон, в ходе которых стороны воздействуют на коллегию с целью убеждения ее в обоснованности своей позиции и побуждения принять определенную точку зрения. Для этого могут использоваться различные способы воздействия: переговорные техники и убеждение, прямое давление, манипуляция информацией путем скрытого искажения фактов, предоставление ложной

¹ Психология : словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М. : Политиздат, 1990. С. 168–169.

информации, избирательное представление доказательств или акцентирование внимания на одних аспектах дела и игнорирование других, некорректные вопросы, переход на личности (насмешки, едкая ирония и др.), использование узконаучных терминов, чрезмерно высокий темп речи и др., а также невербальные сигналы: формирование определенного имиджа через выбор одежды, манеры общения, чрезмерная жестикуляция и другие внешние признаки. Примеры из судебной практики показывают, что подобное воздействие в ряде случаев может быть признано незаконным.

ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СЛУЧАИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ЕЮ

Судебному следствию и его особенностям в суде присяжных посвящено множество трудов [4; 5]. Его специфические черты подробно регламентируются ч. 1–3 ст. 335 УПК РФ, устанавливающими, что данный этап начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника, в которых государственный обвинитель излагает существо предъявленного обвинения и предлагает порядок исследования представленных доказательств, а защитник высказывает согласованную с подсудимым позицию по предъявленному обвинению и мнение о порядке исследования представленных доказательств. Т.В. Моисеева указывает на важность вступительных заявлений сторон для понимания присяжными заседателями значения представляемых доказательств, их взаимосвязи и отношения к предмету доказывания, без чего невозможно вынесение законного и обоснованного вердикта [6].

На наш взгляд, недопустимо ограничиваться несколькими предложениями информационного характера. Правильно составленная вступительная речь может оказать значительное влияние на исход судебного разбирательства, привлечь внимание присяжных, создать основу для дальнейшего восприятия доказательств и аргументов сторон.

Н.П. Ведищев отмечает, что особенностью вступительного заявления государственного обвинителя является то, что он не оглашает обвинительное заключение целиком, а лишь излагает кратко и понятно для присяжных заседателей его суть. Без уяснения, в совер-

шении какого общественно опасного деяния обвиняется подсудимый, невозможно понять значение для разрешения дела сведений, содержащихся в показаниях потерпевшего, свидетелей, протоколах следственных действий, заключениях экспертов, невозможно участвовать в исследовании обстоятельств уголовного дела, проводить осмотр вещественных доказательств, документов и пр. [7].

Уголовно-процессуальное законодательство не конкретизирует содержание вступительного слова. По мнению Т.А. Владыкиной, государственный обвинитель и защитник свободны в определении его формы и содержания [8]. Однако полагаем, что стороны должны руководствоваться в этом случае общими запретами и ограничениями, предусмотренными в суде присяжных. Например, Т.Ю. Маркова полагает, что нарушением ч. 3 ст. 335 УПК РФ являются: 1) формирование защитником при помощи вступительного заявления у коллегии присяжных предвзятого отношения к следователю, стороне обвинения и представленным доказательствам; 2) доведение до сведения присяжных негативной информации о свидетелях обвинения; 3) ссылка на доказательства, которые не исследовались и не могли быть исследованы в присутствии присяжных; 4) оценка достоверности доказательств, которые будут исследоваться во время судебного следствия, и др. [9, с. 99]. Данная позиция подтверждается примерами из судебной практики.

Так, отменяя обжалуемый оправдательный приговор, апелляционный суд указал, что одним из нарушений, которые оказали незаконное воздействие на коллегию присяжных заседателей и повлияли на их беспристрастность при вынесении вердикта, а также могли вызвать негативное предубеждение к стороне обвинения, было указание во вступительном заявлении защитника на то, что «государственный обвинитель очень красноречиво описал преступления, в которых ФИО обвиняется... ФИО просил, чтобы уголовное дело слушалось судом присяжных заседателей. Он доверяет Вам! Вы граждане, на справедливое решение которых возлагает надежды ФИО... Мы докажем, что доказательства обвинения несостоятельны, основаны на слухах и предположениях, носят вероятностный характер». Суд отнес данное заявление

к информации, дискредитирующей органы предварительного следствия и государственного обвинителя².

Дальнейшая коммуникация сторон и присяжных осуществляется во время исследования доказательств. Согласно ч. 4 ст. 335 УПК РФ одной из особенностей коммуникации в суде присяжных является то, что присяжные лишены права прямо задавать вопросы участникам процесса, выражать точку зрения, требовать объяснений. Они могут формулировать вопросы только в письменном виде и подавать их судье через старшину, непосредственная интеракция с участниками процесса исключается. Таким образом, в речевой коммуникации наиболее активной стороной, несомненно, является председательствующий судья. Прокурор и защитник также являются относительно активными на этапе судебного следствия, контролируют информационные потоки, решают, что должно оказаться в фокусе внимания, какие языковые средства использовать для оформления высказываний, какой способ изложения событий выбрать.

Согласно ч. 7 и 8 ст. 335 УПК РФ в процессе судебного разбирательства с участием коллегии присяжных исследованию подлежат исключительно те фактические обстоятельства дела, доказанность которых устанавливается присяжными в соответствии с их полномочиями. Вопросы, касающиеся личности обвиняемого, исследуются лишь постольку, поскольку это необходимо для установления отдельных признаков состава преступления. Недопустимо исследование фактов прежней судимости обвиняемого, зависимостей и иных сведений, способных породить предвзятое отношение присяжных к нему. Однако зачастую эти запреты игнорируются участниками судебного заседания, что приводит к отмене приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных заседателей.

Так, в ходе рассмотрения уголовного дела в отношении Ф. в суде первой инстанции адвокату было сделано более 30 замечаний, а именно в присутствии присяжных заседате-

лей Ф. и его адвокат, нарушив закон и выйдя за рамки предмета судебного разбирательства, высказали суждение о совершении преступления другим лицом, которому обвинение не предъявлялось. Во вступительном слове адвокат искажил саму суть прав и обязанностей государственного обвинителя, сообщив присяжным, что заявления и мнения прокурора связаны только с его служебным долгом – обвинять. Также адвокат довел до присяжных, что Ф. «...виновным себя в убийстве и открытом хищении имущества не признал с самого начала, несмотря на оказанное на него давление...», до сведения коллегии была доведена информация о личности подсудимого, в частности о том, что у Ф. есть маленький ребенок, и др. Присяжные вынесли оправдательный вердикт. Московский городской суд отменил приговор и направил его на новое рассмотрение, указав, что в течение судебного следствия подсудимый и адвокат допускали высказывания, подрывающие авторитет правоохранительных органов, указывали на недозванные методы ведения следствия, что способствовало формированию у присяжных заседателей негативного отношения к стороне обвинения, а также сообщили информацию, направленную на создание положительного образа подсудимого, вызвав жалость и сочувствие, что повлияло на содержание ответов присяжных на поставленные вопросы³.

Еще одним примером является апелляционное определение Магаданского областного суда от 12 января 2022 г., отменившего приговор Ольского районного суда Магаданской области от 22 ноября 2021 г. в отношении К. в связи с тем, что стороной защиты в присутствии присяжных допускались высказывания с целью незаконного воздействия на них. В частности, при выражении позиции по предъявленному обвинению сторона защиты дала негативную оценку действиям органов предварительного следствия, поставив под сомнение допустимость представленных суду доказательств («следствие следовало классике жанра – кто первый нашел труп, того и

² Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 19.05.2025 по делу № 55-232/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://3ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3298671&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 15.09.2025).

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 18.10.2021 по делу № 10-19378/21 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/4b0b4e10-1b92-11ec-88d4-7949d814c719?caseNumber=10-19378/21> (дата обращения: 15.09.2025).

обвиняем, тот и подозревается в совершении преступления»), и личности погибшего («у него была зависимость он был наркоманом»)⁴.

Согласно ч. 5 и 6 ст. 335 УПК РФ вопрос о недопустимости доказательств, выявленных в ходе судебного разбирательства, и об исключении их из уголовного дела рассматривается в отсутствие присяжных заседателей. Информацию о недопустимых доказательствах, которые были исключены в связи с существенными нарушениями при их получении, запрещено использовать для обоснования своей позиции. Кроме того, если адвокат или прокурор все же ссылаются на такие доказательства, председательствующий обязан прервать выступление и разъяснить присяжным, что эти сведения не должны учитываться при формировании вердикта. Однако несмотря на это, цель достигнута – влияние уже оказано, присяжные будут помнить эти факты при ответе на вопросы.

Так, например, отменяя оправдательный приговор, суд указал, что в нарушение требований закона адвокат во вступительном заявлении заявила: «Мы провели много экспертиз, которые полностью опровергают позицию обвинения», что, как правильно указано в кассационном представлении, не соответствовало действительности, поскольку таких доказательств стороной защиты представлено не было, а приобщенные на предварительном следствии к материалам уголовного дела заключения (рецензии) специалистов в ходе судебного следствия были признаны недопустимыми доказательствами. Тем самым своим высказыванием защитником до сведения присяжных было доведено содержание недопустимых доказательств и они были введены в заблуждение. При этом председательствующий по делу судья не разъяснил присяжным заседателям, что данное высказывание не должно приниматься ими во внимание⁵.

4 Магаданский областной суд Апелляционное определение от 12.01.2022 № 22-12/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-490S0000-22-12-2022-22-484-2021-2021-12-17-2-1/?ysclid=mgqta5pogk103196674> (дата обращения: 15.09.2025).

5 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.10.2022 № 5-УДП22-114сп-А1 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoikollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11102022-n-5-udp22-114sp-a1/?ysclid=mfucg69ps2754548952> (дата обращения: 15.09.2025).

Большое влияние на присяжных заседателей оказывают речи, произносимые прокурором и защитником на этапе прений сторон. Необходимо отметить, что их содержание должно касаться только вопросов, ставящихся перед присяжными заседателями. В них не должны содержаться обстоятельства, которые, в соответствии с действующим законодательством, не должны упоминаться перед присяжными и исследуются без их участия: характеристика личности подсудимого (сведения о предыдущей судимости, медицинские документы, свидетельствующие о наличии заболеваний, информация о семейном положении и другие данные, которые могут сформировать предвзятое отношение присяжных к подсудимому), ссылки на криминологическую ситуацию, данные статистики, судебная практика по аналогичным делам, мнение общественности по рассматриваемому делу или по подобным делам и др. Принимая решение на основе указанных факторов, присяжные могут руководствоваться не только внутренним убеждением и здравым смыслом, но и целесообразностью [10; 11].

Так, например, приговор по уголовному делу, рассмотренному в Солнечногорском городском суде, и апелляционное определение Московского областного суда были отменены кассационным судом общей юрисдикции, а уголовное дело направлено на новое рассмотрение, поскольку государственный обвинитель оказывал давление на присяжных, сравнивая подсудимого с серийным убийцей Чикатило, в прениях сообщил, что предыдущий оправдательный приговор был отменен профессиональными судьями, которым была ясна виновность подсудимого⁶.

Бесспорное влияние на присяжных также оказывают коммуникативные техники, используемые адвокатом и прокурором в выступлениях в суде с обвинительной или защитительной речью. Речь является орудием воздействия, направленного на убеждение и внушение [12]. Как показывает дореволюционная практика, одной удачной фразы доста-

6 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2021 № 77-4235/2021 [Электронный ресурс]. URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/opredelenie_-77-4235_2021-ot-10.11.2021-pervogokassatsionnogo-suda-obschey-yurisdiktсии?ysclid=mgqtezwo39184806310 (дата обращения: 15.09.2025).

точно, чтобы человека оправдали. Примером может служить выступление в прениях выдающегося адвоката Ф.Н. Плевако, защищавшего священника, отстраненного от служения за кражу. Подсудимый признал свою вину, а все свидетели дали показания против него. На протяжении судебного процесса Ф.Н. Плевако хранил молчание. Когда настала его очередь произнести защитительную речь, он обратился к присяжным: «Господа присяжные заседатели! Более двадцати лет мой подзащитный отпускаял вам грехи ваши. Один раз отпустите вы ему, люди русские!». Священник был оправдан [13, с. 92].

Присяжные не мыслят статьями из уголовного или уголовно-процессуального кодексов, а категориями сюжета, мотивации и справедливости. В связи с этим успешность прокурора или защитника зависит от того, насколько убедительно он построит нарратив: цельно и последовательно, объясняя все обстоятельства дела без противоречий, правдоподобно, не используя сложных юридических конструкций, активно вовлекая присяжных в процесс мышления, заставляя самостоятельно приходиться к выводам, нужным оратору, закрепляя центральную идею в сознании присяжных, или наоборот. В некоторых случаях присяжные могут проникнуться позицией потерпевшей стороны [14, с. 20].

Не следует забывать, что в суде неуместны просторечные, жаргонные или фамильярные выражения. Они могут быть восприняты как неуважение к суду либо как основания для обжалования вынесенного приговора. Приведем несколько примеров из современной практики.

В апелляционной жалобе на приговор защитник указал, что на присяжных заседателей оказывалось недопустимое психологическое давление государственным обвинителем, которая в прениях утверждала, что защитник – гипнотизер, что ему нельзя верить, что защита умышленно искажает факты. Однако в апелляционном определении суд указал, что утверждения стороны защиты о недопустимом воздействии, которое было оказано на присяжных заседателей государственным обвинителем в реплике, в том числе оценкой речи защитника, не могут быть признаны обоснованными. Указанная оценка не имеет оскорбительного и унижающего содер-

жания, а описывает впечатление, оказанное речью защитника на восприятие материалов дела самим государственным обвинителем⁷.

По другому делу в апелляционной жалобе защитника было указано, что государственный обвинитель оказывала психологическое воздействие на присяжных, высказывая в своей речи слова, не соответствующие действительности, и убеждая их признать ФИО виновным в совершении преступления. Однако в апелляционном определении суд указал: «...судебная коллегия считает, что используемые государственным обвинителем высказывания в ходе судебных прений, на которые ссылается адвокат в апелляционной жалобе: за словами ФИО "скрывается ледяное сердце и трезвый расчет, направленные на избежание уголовной ответственности за содеянное", ФИО "вводит в заблуждение", "говорит неправду", "ранее давал другие показания", "рассчитывал на незаслуженное прощение", не относятся к характеристике личности осужденного в том смысле, в котором это понимается законодателем, а является позицией... относительно предъявленного обвинения и связано с возможностью государственного обвинителя давать собственные оценки рассмотренным с участием присяжных заседателей доказательствам в прениях и реплике, реализовывая свои полномочия в уголовном деле»⁸.

На наш взгляд, при произнесении речи государственный обвинитель или защитник должны учитывать и культурные особенности присяжных. Присяжные из различных слоев общества могут иметь значительные различия:

- индивидуальные мнения о нормальности и ненормальности, о правильном и неправильном сильно варьируются, влияя на то, как воспринимаются доказательства и аргументы, как понимается информация;

7 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.11.2017 № 56-АПУ17-25 СП [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogog-suda-rf-ot-20112017-n-56-apu17-25sp/?ysclid=mfu9stj6v6142544865> (дата обращения: 15.09.2025).

8 Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 14.10.2019 по делу № 22-5976/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-520S0000-22-5976-2019-2019-09-18-2-1/?ysclid=mgqtexq835804151557> (дата обращения: 15.09.2025).

– общие метафоры и идиомы могут интерпретироваться по-разному или полностью игнорироваться, оратор должен быть абсолютно уверен, что его фразы будут истолкованы в нужном ключе; неудачная идиома может создать комический эффект и полностью разрушить пафос выступления.

Культурные предвзятости могут привести к конфликтам среди присяжных во время обсуждения, подчеркивая тонкое влияние культуры на коммуникацию.

В.Т. Ефимов отмечает, что «специфика российского менталитета в области правосудия заключается в том, что он ориентирован не столько на правосудие, сколько на «правосудие». В России высший ориентир в регулировании отношений между людьми – правда и справедливость, а высший судья – совесть» [15, с. 329].

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Кроме речевого воздействия официальные лица – судья, прокурор, защитник – могут использовать язык тела, мимику и свое поведение, чтобы оказать значительное влияние на присяжных [16]. Хотя с помощью мимики и жестов сложно донести конкретную информацию до присяжных, можно создать необходимый контекст для подачи информации другими способами. Например, преувеличенные и театрализованные жесты могут сделать общение несерьезным и снизить его значимость или даже изменить смысл на противоположный. Не нужно забывать, что участники судебного процесса – это прежде всего люди, они не обязаны сидеть с «каменным» лицом, которое не отражает никакой реакции на то, что происходит в зале суда. Показания, которые являются забавными, могут вызвать улыбку или смех, «шокирующие» или неприятные доказательства могут заставить хмуриться или вызвать недовольство.

Может ли повлиять на объективность присяжных заседателей публичное выражение религиозных чувств и духовного состояния одним из участников судебного разбирательства? На наш взгляд, нет, что подтверждается примерами из судебной практики.

Так, в кассационной жалобе потерпевшего и кассационном представлении государствен-

ного обвинителя указано о применении незаконных методов участниками со стороны защиты, а именно: «...адвокат М. требовал дать возможность прочитать молитву, а адвокат П. перекрестил присяжных и благословил их на вынесение оправдательного вердикта». В кассационном определении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что данные доводы не могут служить основаниями для отмены приговора⁹.

В то же время, как отмечает Л.М. Карнозова, присяжные заседатели учитывают поведение председательствующего, особенности его речи и др., и, если он демонстрирует раздражительность, недоверие по отношению к адвокату или к подсудимому, беспристрастие для присяжных остается смутным призывом с его стороны [17, с. 71]. Такой же позиции придерживаются А.А. Тарасов и О.Р. Рахметуллина. Они полагают, что при негативном отношении к судье присяжные начинают критично относиться к его пояснениям и наставлениям, что может явиться причиной вынесения объективно несправедливого вердикта [5, с. 107].

Например, если судья выглядит уверенно и поддерживает контроль над процессом, это может вызвать у присяжных доверие к нему и убеждение в законности процесса. С другой стороны, если адвокат или прокурор смотрят вниз и не устанавливают визуальный контакт с присяжными, это может вызвать недоверие ко всей информации, которая поступает от сторон. Также, если кто-то из участников процесса совершает неуместные жесты, это может отвлечь присяжных от сути дела или вызвать отрицательные эмоции. Поэтому участники судебного процесса должны быть внимательны к языку тела, мимике и другим невербальным проявлениям, чтобы избежать любых недоразумений и негативного влияния на присяжных [18].

А.А. Ильюхов со ссылкой на социологическое исследование Н.Г. Яновой указывает, что влияние оказывают и антропометрические свойства официальных лиц, например, высокий рост прокурора делает его более убедительным в глазах присяжных заседателей [19].

⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.09.2009 № 4-о09-104сп [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/hytt1hZLgcl9/?ysclid=mhds51ru2288045694> (дата обращения: 15.09.2025).

Кроме того, присяжные анализируют поведение подсудимого, делая выводы, мог или не мог он совершить преступление. Его агрессивное поведение либо, напротив, кротость, раскаяние, убеждение в том, что его оболгали и он жертва невинного осуждения, способны предрешить исход дела, сформировать у присяжных убеждение в виновности или невинности подсудимого [20].

По мнению Л.А. Скабелиной, внешность подсудимого тоже имеет значение. В своей работе она цитирует исследование, проведенное в Университете Пенсильвании, в ходе которого оценивалось физическое обаяние 74 подсудимых мужского пола. Результаты показали, что внешне привлекательные подсудимые имели вдвое больше шансов избежать тюремного заключения по сравнению с теми, кого нельзя назвать красивыми. Как отметил знаменитый американский адвокат Кларенс Дарроу: «Главная задача адвоката на судебном процессе – добиться, чтобы присяжным понравился его клиент» [21, с. 176].

Примером влияния внешнего вида на присяжных является описанный американским психологом Эдвардом Ли Торндайком эффект «гало» (Halo Effect) – тенденция предполагать, что если человек обладает некоторыми известными положительными (или отрицательными) характеристиками, то его другие потенциально не связанные и неизвестные характеристики, вероятно, также будут положительными (или отрицательными) [22]. Например, привлекательная внешность воспринимается как показатель общего позитивного образа надежного свидетеля или честно обвиняемого, а значит, показания людей с такой внешностью будут казаться более убедительными и заслуживающими доверия, и наоборот. Много работ по эффекту «гало» посвящено изучению предубеждений в формировании впечатлений, особенно теория *What is beautiful is good* (красивый – значит хороший), которая описывает существование сте-

реотипа, обусловленного культурными особенностями, автоматически приписывающего привлекательным людям положительные социальные и моральные качества [23].

Однако, по мнению Л.М. Карнозовой, социально-демографические и психологические характеристики присяжных, симпатия к подсудимому, красноречие сторон и др. обретают значимость лишь при слабости доказательственной базы [17, с. 68]. «Обвиняемые бывают красивыми и обаятельными, а жертвы преступлений иногда производят такое неприятное впечатление, что им трудно посочувствовать. Тем не менее лабораторные имитации и обзоры реальных судебных дел показывают, что обычно влияние подобных факторов, способных ввести присяжных в заблуждение, меньше, чем влияние юридически корректных доказательств, при условии, что эти доказательства не вызывают сомнений» [24, с. 344].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эффективная коммуникация является основополагающей для справедливости и целостности судебного разбирательства с участием присяжных заседателей. Она представляет собой синтез права, психологии и риторики. Успех в деле формирования внутреннего убеждения присяжных заседателей определяется не только силой доказательств, но и мастерством их презентации. На наш взгляд, эффективное воздействие – это не манипуляция, а искусство ясного, честного и убедительного изложения своей позиции в строгих рамках закона и профессиональной этики.

Знание и умелое сочетание существующих техник вербальной и невербальной коммуникации при соблюдении нормативных и этических ограничений позволяет стороне в процессе выглядеть более убедительной и повышает шансы на разрешение дела в пользу одной из сторон процесса путем вынесения соответствующего вердикта присяжных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айвазян О.О. Коммуникация и речь / О.О. Айвазян // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2012. – № 3 (103). – С. 101–106.
2. Андрианов М.С. Невербальная коммуникация / М.С. Андрианов. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2007. – 256 с.
3. Мальцева В.А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации: на примере юридического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В.А. Мальцева. – Челябинск, 2011. – 25 с.
4. Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика / С.А. Насонов. – Москва : Р. Валент, 2001. – 192 с.
5. Тарасов А.А. Суд присяжных и проблемы народного участия в правосудии : монография / А.А. Тарасов, О.Р. Рахметуллина. – Москва : Русайн, 2015. – 220 с.
6. Моисеева Т.В. Вступительные заявления сторон – условие, обеспечивающее объективность присяжных заседателей / Т.В. Моисеева // Российская юстиция. – 2009. – № 10. – С. 50–53.
7. Ведищев Н.П. Вступительные заявления сторон (части 2 и 3 статьи 335 УПК РФ) / Н.П. Ведищев // Адвокат. – 2012. – № 12. – С. 51–57.
8. Владыкина Т.А. Уголовно-процессуальные и этические аспекты вступительного заявления защитника в судебном следствии в суде с участием присяжных заседателей / Т.А. Владыкина // Адвокатская практика. – 2018. – № 3. – С. 29–34.
9. Маркова Т.Ю. Судебное следствие присяжных заседателей как способ коммуникации участников: процессуальные особенности и современные возможности / Т.Ю. Маркова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 10. – С. 96–104.
10. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.Н. Апостолова. – Москва, 2010. – 369 с.
11. Савельев К.А. Принцип целесообразности в российском уголовном процессе: «за» и «против» / К.А. Савельев, В.В. Иванов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 3. – С. 54–58.
12. Князева А.Н. Психологические аспекты судебного разбирательства с участием присяжных заседателей / А.Н. Князева // Основные тенденции развития уголовного судопроизводства в России на современном этапе. Вопросы теории и практики / под ред. В.Ю. Голубовского. – Москва : Дашков и Ко, 2018. – С. 86–91.
13. Новикова М.Л. Стилистика и риторика. Основы судебного красноречия / М.Л. Новикова, Н.В. Балкина // Полилингвистичность и транскультурные практики. – 2008. – № 1. – С. 89–95.
14. Лазарева В.А. Защита прав личности в уголовном процессе России / В.А. Лазарева, В.В. Иванов, А.К. Утарбаев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – 268 с.
15. Ефимов В.Т. Введение в этнопсихологию. Нравы и нравственность / В.Т. Ефимов. – Москва : МГУ, 1993. – 484 с.
16. Владыкина Т.А. Психологические особенности реализации принципа состязательности сторон в суде присяжных / Т.А. Владыкина // Журнал российского права. – 2012. – № 8 (188). – С. 81–91.
17. Карнозова Л.М. Психолого-правовые проблемы суда присяжных / Л.М. Карнозова // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : материалы Межрегиональной научно-практической конференции, г. Самара, 18–19 декабря 2002 г. – Самара : Самарский университет, 2003. – С. 64–74.

REFERENCES

1. Ayvazyan O.O. Communication and Speech. *Bulletin of the Adyghe State University. Series: Pedagogy and Psychology*, 2012, no. 3 (103), pp. 101–106. (In Russian).
2. Andrianov M.S. Nonverbal Communication. Institute for General Humanitarian Research Publ., 2007. 256 p.
3. Mal'tseva V.A. Strategies of Speech Influence in Professional Communication: Using Legal Discourse as an Example. *Cand. Diss. Thesis*. Chelyabinsk, 2011. 25 p.
4. Nasonov S.A. Judicial Investigation in a Jury Trial: Legislation, Theory, Practice. Moscow, R. Valent Publ., 2001. 192 p.
5. Tarasov A.A., Rakhmetullina O.R. Jury Trial and Problems of Popular Participation in Justice. Moscow, Rusain Publ., 2015. 220 p.
6. Moiseeva T.V. Opening Statements of the Parties as a Condition Ensuring the Objectivity of Jurors. *Russian Justice*, 2009, no. 10, pp. 50–53. (In Russian).
7. Vedishchev N.P. Introductory Statements of Sides (Parts 2 and 3 of the Article 335 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). *Lawyer*, 2012, no. 12, pp. 51–57. (In Russian).
8. Vladykina T.A. Criminal Procedure and Ethical Aspects of the Defense Counsel's Opening Statement in a Court Hearing Before a Jury. *Advocate's Practice*, 2018, no. 3, pp. 29–34. (In Russian).
9. Markova T.Yu. Judicial Investigation in a Jury Trial as a Way of Communication Between Participants: Procedural Features and Modern Possibilities. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2023, no. 10, pp. 96–104. (In Russian).
10. Apostolova N.N. Expediency (Discretionary Nature) in Russian Criminal Proceedings. *Doct. Diss.* Moscow, 2010. 369 p.
11. Savelyev K.A., Ivanov V.V. The Principle of Expediency in the Russian Criminal Process: "For" and "Against". *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2019, no. 3, pp. 54–58. (In Russian).
12. Knyazeva A.N. Psychological Aspects of Trial with the Participation of Jury Members. In Golubovskiy V.Yu. (ed.). *Main Trends in the Development of Criminal Procedure in Russia at the Present Stage. Theoretical and Practical Issues*. Moscow, Dashkov i Co Publ., 2018, pp. 86–91. (In Russian).
13. Novikova M.L., Balkina N.V. Stylistics and Rhetoric. The Basics of Judicial Oratory. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 2008, no. 1, pp. 89–95. (In Russian).
14. Lazareva V.A., Ivanov V.V., Utarbaev A.K. Protection of Personal Rights in Criminal Procedure in Russia. 4th ed. Moscow, Yurait Publ., 2023. 268 p.
15. Efimov V.T. Introduction to Ethnopsychology. Morals and Ethics. Moscow State University Publ., 1993. 484 p.
16. Vladykina T.A. Psychological Features of the Implementation of the Adversarial Principle in a Jury Trial. *Journal of Russian Law*, 2012, no. 8 (188), pp. 81–91.
17. Karnozova L.M. Psychological and Legal Problems of a Jury Trial. *Problems of Ensuring the Rights of Participants in the Process under the New Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference, Samara, December 18–19, 2002*. Samara State University Publ., 2003, pp. 64–74. (In Russian).
18. Berestennikova A.O., Buryak N.Yu. Non-Verbal Communication as a Means of Cross-Cultural Communication. *Trends in the Development of Science and Education*, 2020, no. 58-5, pp. 76–79. (In Russian).

18. Берестенникова А.О. Невербальное общение как средство кросскультурной коммуникации / А.О. Берестенникова, Н.Ю. Буряк // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 58-5. – С. 76–79.

19. Ильюхов А.А. Спорные вопросы исследования присяжными заседателями данных о личности подсудимого, потерпевшего и свидетелей: теория и практика / А.А. Ильюхов // Российский судья. – 2011. – № 6. – С. 29–33.

20. Кучаева А.А. Психологические факторы, влияющие на вердикт присяжных заседателей / А.А. Кучаева // Сборник научных трудов юридического факультета ОГУ «Ученые записки». Выпуск «Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики» / под ред. Л.И. Носенко. – Оренбург : ИП Востриков, РПК «Полиарт», 2020. – С. 159–163.

21. Скабелина Л.А. Психологические аспекты адвокатской деятельности / Л.А. Скабелина. – Москва : Федеральная палата адвокатов, 2012. – 229 с.

22. Thorndike E.L. A constant error in psychological ratings // Journal of Applied Psychology. – 1920. – № 4 (1). – P. 25–29.

23. Eagly A.H. What is beautiful is good, but...: A meta-analytic review of research on the physical attractiveness stereotype / A.H. Eagly, R.D. Ashmore, M.G. Makhijani, L.C. Longo // Psychological Bulletin. – 1991. – № 110 (1). – P. 109–128.

24. Зимбардо Ф. Социальное влияние / Ф. Зимбардо, М. Ляйппе. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 448 с.

19. Ilyukhov A. A. Controversial Issues of Jurors' Research of Data on the Personality of the Defendant, Victim, and Witnesses: Theory and Practice. *Russian Judge*, 2011, no. 6, pp. 29–33. (In Russian).

20. Kuchaeva A.A. Psychological Factors Influencing the Verdict of Jurors. In Nosenko L.I. (ed.). *Collection of Scientific Papers of the Law Faculty of OSU "Scientific Notes". Issue "Modern Problems of Legal Science and Law Enforcement Practice"*. Orenburg, IP Vostrikov, RPC "Poliart" Publ., 2020, pp. 159–163. (In Russian).

21. Skabelina L.A. Psychological Aspects of Advocacy. Federal Chamber of Advocates Publ., 2012. 229 p.

22. Thorndike E.L. A Constant Error in Psychological Ratings. *Journal of Applied Psychology*, 1920, no. 4 (1), pp. 25–29.

23. Eagly A.H., Ashmore R.D., Makhijani M.G., Longo L.C. What is Beautiful Is Good, but...: A Meta-Analytic Review of Research on the Physical Attractiveness Stereotype. *Psychological Bulletin*, 1991, no. 110 (1), pp. 109–128.

24. Zimbardo F., Leippe M. The Psychology of Attitude Change and Social Influence. Saint Petersburg, Piter Publ., 2001. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов Вячеслав Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института;

Кузовенкова Юлия Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivanov Vyacheslav Vasilievich – Candidate of Sciences (Law), Docent, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Institute of Law;

Kuzovenkova Yulia Alekseevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 28.09.2025; одобрена после рецензирования 06.11.2025; принята к публикации 06.11.2025. The article was submitted 28.09.2025; approved after reviewing 06.11.2025; accepted for publication 06.11.2025.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.13

МАЛЯНОВА Карина Петровна
Ростовский юридический институт
МВД России,
Ростов-на-Дону, Россия,
kari_rostov@mail.ru

Original article

MALIANOVA Karina Petrovna
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russia

ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ

ELEMENTS OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED
USING INFORMATION TECHNOLOGIES

Аннотация. Стремительное развитие экономики, активное внедрение достижений науки и техники в жизнь общества привели к закономерным последствиям – теперь товарно-денежные взаимоотношения осуществляются с использованием высоких технологий. Процесс компьютеризации и информатизации существенен, его последствия носят не только созидательный, положительный характер, но и негативный. Речь идет о преступных деяниях, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий. Цель: проанализировать криминалистическую характеристику преступлений экономической направленности, совершенных с использованием ИТ-технологий. При подготовке статьи были использованы общенаучные методы: анализа (при рассмотрении предметов преступного посягательства), синтеза (при формировании криминалистической характеристики преступлений на основе отдельных ее элементов), индукции (при формулировании определения понятия «предмет экономических преступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий»), дедукции (при исследовании обстановки совершения преступления как элемента криминалистической характеристики), а также специальные методы: системно-структурный (при рассмотрении отдельных элементов криминалистической характеристики исследуемых преступлений в их взаимосвязи) и статистический (при рассмотрении состояния преступности в различные периоды). Результаты: сделан вывод, что сложность функционирования информационных технологий и применения компьютерной техники влияет на деятельность по выявлению и расследованию преступлений, совершаемых с их использованием, значительно затрудняя ее осуществление.

Abstract. The rapid development of the economy, along with the active introduction of scientific and technological achievements into the life of society, has led to logical consequences – now goods-money relations are carried out using high technologies. The process of computerization and informatization is significant, its consequences are not only constructive and positive, but also negative. The matter concerns criminal acts committed using computer equipment and information technology. Purpose: To analyze the criminalistic characteristics of economic crimes committed using information technologies. In preparing the article, general scientific methods are used: analysis (when considering the subjects of criminal encroachment), synthesis (when forming the criminalistic characteristics of crimes based on its individual elements), induction (when defining the concept of “subject of economic crimes committed using information technologies”), deduction (when studying the crime scene as an element of the criminalistic characteristics), as well as special methods: system-structural (when considering individual elements of the criminalistic characteristics of the crimes under study in their interrelation) and statistical (when considering the state of crime in different periods). Results: The author concludes that the complexity of the functioning of information technologies and the use of computer equipment affects the activities to identify and investigate crimes committed with their use, significantly complicating its implementation.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, преступления экономической направленности, IT-технологии, способ совершения и сокрытия преступлений, личность преступника

Для цитирования: Малянова К.П. Элементы криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых с использованием IT-технологий / К.П. Малянова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 118–122.

Keywords: criminalistic characteristics, economic crimes, information technologies, method of committing and concealing crimes, identity of the criminal

For citation: Malianova K.P. Elements of the Criminalistic Characteristics of Economic Crimes Committed Using Information Technologies. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 118–122. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.13.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир немыслим без информационных технологий. Интернет прочно вошел во все сферы жизни: от общения и развлечений до финансов и государственного управления. Однако технологический прогресс создает и новые угрозы – растет число преступлений, связанных с компьютерами и информацией. Репрезентативные показатели таких преступлений, представленные в официальной отчетности, демонстрируют высокий уровень. Так, в 2020 г. количество зарегистрированных киберпреступлений составило 510 396, в 2021 г. – 517 722, в 2022 г. – 522 065, в 2023 г. – 676 951, в 2024 г. – 765 365, только за январь 2025 г. совершено 54 860 таких преступлений¹. Таким образом, можем наблюдать ежегодный прирост количества противоправных деяний, совершаемых с использова-

нием компьютерных и телекоммуникационных технологий.

К сожалению, приходится констатировать, что сегодня еще имеются некоторые неурегулированные проблемы, которые не позволяют эффективно противодействовать правонарушениям, совершаемым в IT-сфере. По мере совершенствования компьютерной техники совершенствуется и преступность. Соответственно, должны совершенствоваться и методы борьбы с ней [1].

ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ IT-ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Криминалистическая характеристика – систематизированное отражение механизма противоправной деятельности [2], основная цель которой – оптимизация процесса раскрытия и расследования преступлений. На наш взгляд, необходимо уделить особое внимание исследованию особенностей криминалистической характеристики экономических преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, рассмотрев такие ее элементы, как событие преступления, личность преступника и жертвы, способ совершения и сокрытия преступления [3].

Полагаем, что интересным в исследовании криминалистической характеристики экономических преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, является анализ особенностей предмета посягательства, так как именно он указывает на определенные способы их совершения и типичные следы. Можно выделить две группы предметов преступного посягательства: основные (относящиеся к категории предметных экономических преступлений) и подчиненные

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 22.04.2025) ; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 22.04.2025) ; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 22.04.2025) ; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 22.04.2025) ; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 22.04.2025) ; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/61640492/> (дата обращения: 22.04.2025).

(относящиеся к предметам преступлений в сфере использования компьютерных технологий). В качестве основного предмета рассматриваемого вида преступлений зачастую выступают денежные средства в наличной или безналичной форме, товары, другие материальные ценности, иногда – права на имущество. Например, безналичные средства, которые аккумулируются в системе электронных платежей, могут выступать предметом экономических преступлений, что объясняется преимуществами безналичных расчетов по сравнению с «бумажными», а именно значительным сокращением сроков прохождения платежей и увеличением перечисленных сумм. Как видим, материальными носителями по этой категории преступлений являются расчеты в банках.

В то же время к предметам экономических преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, можно отнести компьютерную информацию, платежные документы, различные средства доступа к банковским счетам – пластиковая банковская карта, идентификационная карта и т. п.

Рассматривая особенности криминалистической характеристики исследуемого вида преступлений, необходимо остановиться на определении понятия «компьютерная информация». В УПК РФ компьютерная информация не выделена в самостоятельную категорию (вид) доказательств. Однако при расследовании экономических преступлений, совершенных с использованием современных компьютерных и телекоммуникационных технологий, особое значение приобретают следы их совершения, которые после соответствующего процессуального закрепления могут приобретать значение доказательств [4]. В данном аспекте важно обеспечить процессуальный порядок выявления, закрепления, извлечения, сохранения и исследования компьютерной информации, использования ее в процессе доказывания.

Исходя из изложенного, под предметом экономических преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, следует понимать систему взаимообусловленных предметов двух категорий преступлений: 1) экономических; 2) в сфере использования компьютерных технологий [5; 6].

Элемент криминалистической характеристики преступлений «обстановка совер-

шения противоправного деяния» является основополагающим для всех других элементов криминалистической характеристики (то есть обстановка имеет взаимообусловленные связи с ними). Обстановка совершения экономических преступлений с использованием IT-технологий влияет на выбор способа достижения преступного результата и сосредотачивает в себе ряд объективных и субъективных условий, в которых находится и действует преступник. Под обстановкой понимается совокупность материальных объектов на месте преступления, которая отражает механизм противоправного события, особенности действий преступника и других участников. Преступления данной категории отличаются высокой организованностью и интеллектуальностью, а использование комплекса способов опосредованного доступа к компьютерным и телекоммуникационным технологиям затрудняет их выявление. Так, место непосредственного совершения противоправного деяния и место наступления вредных последствий не совпадают. Поэтому в некоторых случаях место, где (или откуда) непосредственно было совершено преступление, установить довольно сложно, а иногда невозможно. Учитывая это, при расследовании экономических преступлений, совершенных с использованием современных компьютерных и телекоммуникационных технологий, важно правильно определять место совершения преступления.

Временные обстоятельства совершения рассматриваемых преступлений имеют определенные особенности. Как правило, началом противоправных действий является неправомерный доступ к информации, который осуществляется во время работы компьютера и не ограничивается определенным отрезком времени, поскольку автоматизированные информационные системы могут функционировать круглосуточно.

Считаем, что обстановка совершения экономических преступлений, совершенных с использованием современных IT-технологий, затрагивает все элементы криминалистической характеристики и не может рассматриваться отдельно от них.

Следующим элементом криминалистической характеристики является личность преступника. Лиц, совершающих рассматриваемые деяния, на наш взгляд, следует разделить на несколько обособленных групп:

1) лица, у которых служебный профессионализм в области компьютерных и телекоммуникационных технологий и программирования сочетается с элементами своеобразного фанатизма и изобретательности. Такие люди обычно воспринимают средства компьютерной техники как вызов их творческим и профессиональным знаниям, умениям и навыкам;

2) профессиональные «компьютерные» преступники. Эта группа представляет собой большую угрозу для государства, мирового сообщества и непосредственно для субъектов хозяйствования, она является «кадровым» ядром экономических преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, как в качественном, так и в количественном отношении;

3) «респектабельные» преступники, а именно бухгалтеры, экономисты, программисты. Для них характерно совершение преступлений с ярко выраженными корыстными целями. Наиболее распространенным мотивом являются корыстные побуждения, очень редко – месть.

Отметим, что экономические преступления с использованием IT-технологий нередко совершаются организованными преступными группами. Поэтому при более детальном рассмотрении характеристики лиц, совершивших преступления данной категории, их необходимо исследовать по схеме: 1) общие особенности преступника, совершившего экономическое преступление с использованием IT-технологий; 2) особенности лиц, совершивших определенные разновидности таких преступлений, с учетом распределения ролей в организованной преступной группе.

Одним из центральных элементов криминалистической характеристики является способ совершения преступления и типичные следы его применения. Этот элемент несет основную нагрузку как в теоретическом, так и в практическом плане, поскольку описание способов совершения преступлений напрямую связано с описанием типичных следов применения того или иного способа.

Практически любое IT-преступление сопровождается неправомерным воздействием на компьютерную информацию. В связи с этим, приняв за основу мнение о том, что не для всех видов преступлений может быть использована одна структура криминалистической характеристики, считаем целесо-

образным вместо традиционного элемента «способ совершения преступления» включить в нее другой элемент – «способ воздействия на компьютерную информацию при совершении преступления».

Проведенный нами анализ уголовных дел показал, что выявление способа воздействия на компьютерную информацию в большинстве случаев не вызывает осложнений и может стать базой для выдвижения версий, определения направления расследования и решения других вопросов раскрытия и расследования экономических преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий. Помимо этого, с помощью средств и методов оперативно-розыскной деятельности возможны разработка эффективных методик расследования, построение программ, алгоритма расследования, определение направлений и форм взаимодействия между компетентными органами, задействованными в расследовании. Документы, полученные во время оперативно-розыскного документирования, аналитические справки оперативных подразделений являются основными документами, улучшающими планирование расследования преступлений в сфере экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономические преступления, совершенные с использованием IT-технологий, имеют высокую степень латентности. Достаточно сложно определить основные элементы их криминалистической характеристики. Следы, которые оставляет преступник в ходе подготовки и при совершении деяний, чаще всего являются виртуальными, возникают в сфере компьютерной информации при передаче ее по техническим каналам связи, поэтому расследование рассматриваемых преступлений невозможно без применения методов и средств оперативно-розыскной деятельности.

В настоящее время такие проблемные вопросы методики расследования, как влияние компьютерных технологий на формирование следственных ситуаций, использование специальных знаний, тактика проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, остаются неразрешенными и образуют направления для дальнейших научных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданян А.В. Криминалистическая характеристика посткриминальной деятельности по делам о преступлениях в сфере информационных технологий / А.В. Варданян // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – № 2. – С. 44–51 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-postkriminalnoy-deyatelnosti-po-delam-o-prestupleniyah-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy> (дата обращения: 22.04.2025).
2. Айвазова О.В. Криминалистическая характеристика преступлений как систематизированное отражение механизма преступной деятельности: результаты научной полемики / О.В. Айвазова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 153–157 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-prestupleniy-kak-sistematizirovannoe-otrazhenie-mehanizma-prestupnoy-deyatelnosti-rezulyat-1> (дата обращения: 22.04.2025).
3. Андреев А.С. Стадии и объекты посткриминальной деятельности в науке криминалистике и практике раскрытия, расследования и предупреждения преступлений / А.С. Андреев // Юристы-Правоведы. – 2022. – № 1. – С. 88–93 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stadii-i-obekty-postkriminalnoy-deyatelnosti-v-nauke-kriminalistike-i-praktike-raskrytiya-rassledovaniya-i-preduprezhdeniya> (дата обращения: 22.04.2025).
4. Малянова К.П. Актуальные проблемы в деятельности правоохранительных органов при выявлении и раскрытии преступлений с использованием электронных средств платежа / К.П. Малянова // Юристы-Правоведы. – 2021. – № 2. – С. 148–150 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-v-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-pri-vyyavlenii-i-raskrytii-prestupleniy-s-ispolzovaniem-elektronnyh> (дата обращения: 22.04.2025).
5. Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовного-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции / А.В. Варданян // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 244–251 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekt-prestupleniya-i-lichnost-prestupnika-kak-mezhdistsiplinarnye-kategorii-ugolovno-pravovyh-nauk-voprosy-sootnosheniya-i> (дата обращения: 22.04.2025).
6. Андреев А.С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования / А.С. Андреев // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 27. – С. 5–22 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-deyatelnost-lits-sluchayno-okazavshih-sya-uchastnikami-prestupnogo-sobytiya-kak-element-mehanizma-prestupleniya-ot> (дата обращения: 22.04.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малянова Карина Петровна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malianova Karina Petrovna – Candidate of Sciences (Law), Docent, Deputy Head of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities.

Статья поступила в редакцию 15.06.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 05.09.2025. The article was submitted 15.06.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 05.09.2025.

REFERENCES

1. Vardanyan A.V. Forensic Characteristics of Post-Criminal Activity in Cases of Information Technology Crimes. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2021, no. 2, pp. 44–51. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-postkriminalnoy-deyatelnosti-po-delam-o-prestupleniyah-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy>.
2. Ayvazova O.V. Criminalistic Characteristic of Crimes as Systematic Reflection of Criminal Activity Mechanism: Results of Scientific Debates. *Tomsk State University Journal*, 2014, no. 389, pp. 153–157. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-prestupleniy-kak-sistematizirovannoe-otrazhenie-mehanizma-prestupnoy-deyatelnosti-rezulyat-1>.
3. Andreev A.S. Stages and Objects of Post-Criminal Activity in the Science of Criminology and Practice of Disclosure, Investigation and Prevention of Crimes. *Yurist-Pravoved*, 2022, no. 1, pp. 88–93. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stadii-i-obekty-postkriminalnoy-deyatelnosti-v-nauke-kriminalistike-i-praktike-raskrytiya-rassledovaniya-i-preduprezhdeniya>.
4. Maliynova K.P. Current Problems in the Activities of Law Enforcement Bodies in Identification and Disclosure of Crimes Using Electronic Means of Payment. *Yurist-Pravoved*, 2021, no. 2, pp. 148–150. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-v-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-pri-vyyavlenii-i-raskrytii-prestupleniy-s-ispolzovaniem-elektronnyh>.
5. Vardanyan A.V. The Subject of Crime and the Personality of a Criminal as Interdisciplinary Categories in Criminal Law Sciences: Issues of Correlation and Integration. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 244–251. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekt-prestupleniya-i-lichnost-prestupnika-kak-mezhdistsiplinarnye-kategorii-ugolovno-pravovyh-nauk-voprosy-sootnosheniya-i>.
6. Andreev A.S. Behavior (Activity) of Those Incidentally Involved in a Criminal Event as a Crime Mechanism Element: from Articulation of a Scientific Problem to the Results of Research. *Tomsk State University Journal of Law*, 2018, no. 27, pp. 5–22. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-deyatelnost-lits-sluchayno-okazavshih-sya-uchastnikami-prestupnogo-sobytiya-kak-element-mehanizma-prestupleniya-ot>.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.14

Original article

НОРВАРТЯН Юрий Сергеевич
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королёва,
Самара, Россия,
norvartyan@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8872-4497>

NORVARTYAN Yuriy Sergeevich
Samara National Research University
named after Academician S.P. Korolev,
Samara, Russia

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 237 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ДЕЯНИЯ

QUALIFYING ELEMENTS OF THE CRIME UNDER ARTICLE 237 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION, RELATED TO THE CONSEQUENCES OF THE ACT

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы квалификации сокрытия информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей и повлекших последствия в виде причинения вреда здоровью человека или наступления иных тяжких последствий. Автор отмечает, что в теории уголовного права до сих пор не сформировалось единое мнение по вопросу о том, что следует понимать под причинением вреда здоровью и иными тяжкими последствиями применительно к ч. 2 ст. 237 УК РФ. Цель исследования заключается в разрешении спорных вопросов применения ст. 237 УК РФ с учетом последствий преступления. Методы: при изучении, объяснении и критическом анализе правоприменительной и судебной практики применялся метод сравнения; частнонаучные методы – юридико-догматический и толкования правовых норм – применялись для объяснения содержания уголовно-правовых норм. Результаты: под причинением вреда здоровью человека при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 237 УК РФ, следует понимать причинение средней тяжести вреда здоровью (без учета квалифицирующих признаков) и причинение легкого вреда здоровью. Также рассматриваемый квалифицирующий признак охватывает причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности. На основании системного анализа уголовного закона и интерпретационных актов автор приходит к выводу, что к иным тяжким последствиям не следует относить последствия, связанные с причинением вреда жизни и здоровью человека, а можно отнести такие негативные последствия, как загрязнение окружающей среды, наносящее непоправимый вред ее ком-

Abstract. The article examines the problems of qualifying the concealment of information about circumstances that create danger to human life or health and resulted in harm to human health or other grave consequences. The author highlights that there is still disagreement in criminal law theory concerning the definition of "causing harm to health and other grave consequences" in relation to Part 2 of Article 237 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the research is to resolve controversial issues regarding the application of Article 237 of the Criminal Code of the Russian Federation, considering the crime's consequences. Methods: The study employs the comparative method for examining, explaining, and critically analyzing law enforcement and judicial practice. Furthermore, specific scientific methods, including the legal-dogmatic approach and the interpretation of legal norms, are used to clarify the content of criminal law provisions. Results: The article establishes that causing harm to human health within the scope of Part 2 of Article 237 of the Criminal Code of the Russian Federation should be understood as causing moderate harm to health (excluding qualifying circumstances) and causing slight harm to health. The qualifying characteristic also encompasses causing grave harm to health through negligence. Based on a systemic analysis of criminal law and interpretative acts, the author concludes that other grave consequences should not include those related to harm to human life and health. Instead, such negative consequences may include environmental pollution causing irreparable harm to its components; significant material damage to property; negative

понентам; значительный материальный ущерб, причиненный собственности; негативные последствия для систем жизнеобеспечения населения или полный их выход из строя; значительные финансовые затраты на проведение неотложных мероприятий по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, вызванных деянием.

Ключевые слова: сокрытие информации, квалифицирующий признак, последствия, вред здоровью, иные тяжкие последствия

Для цитирования: Норвартян Ю.С. Квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного статьей 237 Уголовного кодекса Российской Федерации, связанные с последствиями деяния / Ю.С. Норвартян. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 123–129.

consequences for public life support systems or their complete failure; and substantial financial expenditures for emergency response to mitigate the effects of an act-induced emergency.

Keywords: concealment of information, qualifying element, consequences, harm to health, other grave consequences

For citation: Norvartyan Yu.S. Qualifying Elements of the Crime Under Article 237 of the Criminal Code of the Russian Federation, Related to the Consequences of the Act. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 123–129. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos.-2025.4.14.

ВВЕДЕНИЕ

Наступление последствий в виде причинения вреда здоровью человека или иных является квалифицирующим признаком объективной стороны сокрытия информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ч. 2 ст. 237 УК РФ). Названные признаки в доктрине традиционно принято относить к оценочным понятиям, так как в тексте уголовного закона они не раскрываются. Более того, в практике высшей судебной инстанции не раскрывается содержание понятий «вред здоровью» и «иные тяжкие последствия» в целях применения ч. 2 ст. 237 УК РФ. Это приводит к необходимости использования доктринального подхода, содержание которого разрабатывается наукой уголовного права.

ЧТО СЛЕДУЕТ ПОНИМАТЬ ПОД ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ И ИНЫМИ ТЯЖКИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К Ч. 2 СТ. 237 УК РФ?

В теории уголовного права до сих пор не сформировалось единое мнение по вопросу о том, что следует понимать под причинением вреда здоровью и иными тяжкими последствиями применительно к ч. 2 ст. 237 УК РФ. Тем более что доктринальному толкованию

подлежат обе категории – «вред здоровью» и «иные тяжкие последствия».

Так, одни исследователи считают, что причинение вреда здоровью человека предполагает вред любой степени тяжести, в том числе заражение инфекционными заболеваниями, отравление людей [1, с. 136–137; 2, с. 202]. Другие правоведы отмечают, что может быть причинен вред здоровью любой степени тяжести [3, с. 217; 4, с. 465; 5, с. 516; 6, с. 97]. Некоторые ученые придерживаются позиции, что ответственность по ч. 2 ст. 237 УК РФ наступает при условии причинения легкой или средней тяжести вреда здоровью [7, с. 411]. Наконец, есть специалисты, которые полагают, что должен рассматриваться только тяжкий вред здоровью¹.

Нам трудно согласиться с теми, кто считает, что в ч. 2 ст. 237 УК РФ вред здоровью имеет и качественную (характер), и количественную (степень) характеристики, потому что не характер, а степень тяжести вреда здоровью человека выступает главным (первым) основанием систематизации уголовно-правовых норм о преступлениях против здоровья. С учетом этого критерия в уголовном законе различается три вида вреда здоровью: тяжкий, средней тяжести и легкий. Системный анализ

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М. : Проспект, 2019. С. 1085.

действующего уголовного закона позволяет прийти к выводу: если бы законодатель пожелал дифференцировать ответственность за причинение вреда, основываясь на его качественной характеристике, то он бы прямо указал на это в тексте закона, по аналогии с другими статьями УК РФ (например, ст. 111, 121, 122; ч. 2, 3 ст. 131, ч. 2, 3 ст. 132, ст. 236, ч. 3 ст. 247). Это подтверждается и позицией Пленума Верховного Суда РФ: «Под причинением вреда здоровью человека при совершении преступлений, предусмотренных статьей 246, частью 2 статьи 247, частью 1 статьи 248, частью 2 статьи 250, частью 2 статьи 251, частями 1 и 2 статьи 254 УК РФ, следует понимать причинение вреда здоровью любой степени тяжести одному или нескольким лицам»².

Как уже было сказано, рассматриваемый вид последствия относится к числу неконкретизированных. К тому же высший судебный орган не раскрывает содержание понятия «вред здоровью» в целях применения ч. 2 ст. 237 УК РФ. Это значит, что данный квалифицирующий признак необходимо толковать системно.

Чтобы понять, о какой именно степени тяжести вреда здоровью, причиненного потерпевшему при сокрытии или искажении информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, лицом, обязанным обеспечивать указанной информацией население и органы, уполномоченные на принятие мер по устранению такой опасности, идет речь в рассматриваемом квалифицирующем признаке, необходимо определиться с общественной опасностью рассматриваемого преступления, внешним выражением которой «служит мера наказания, предусмотренная санкцией соответствующей статьи... именно санкция является тем самым знаменателем, который всякий раз принимается во внимание при выяснении... соотношения уровней общественной опасности насильственных преступлений» [8, с. 71]. В этой связи сравним санкцию ч. 2 ст. 237 УК РФ с санкциями ст. 111, 112 и 115 УК РФ.

За сокрытие или искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих

опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей среды, совершенные лицом, обязанным обеспечивать указанной информацией население и органы, уполномоченные на принятие мер по устранению такой опасности, если в результате таких деяний причинен вред здоровью человека, закон угрожает санкцией в виде штрафа в размере от 100 000 до 500 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

За умышленное причинение тяжкого вреда здоровью предусмотрено наказание в виде лишения свободы до восьми лет (ч. 1 ст. 111 УК РФ).

Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ч. 1 ст. 112 УК РФ) наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет, а с учетом квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 112 УК РФ) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

За причинение легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ) законодатель предусмотрел наказание в виде штрафа в размере до 40 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательных работ на срок до 480 часов, либо исправительных работ на срок до года, либо ареста на срок до четырех месяцев. В рамках квалифицированного состава умышленного причинения легкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 115 УК РФ) предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

² О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21, п. 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

Итак, санкция за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 237 УК РФ, является более строгой, чем санкции за преступления, предусмотренные ст. 115 и 112 УК РФ (без учета квалифицирующих признаков). А это значит, что названные нормы конкурируют между собой, соотносятся как норма-часть (ч. 1, 2 ст. 115 и ч. 1 ст. 112 УК РФ) и норма-целое (ч. 2 ст. 237 УК РФ). Соответственно, содеянное необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 237 УК РФ.

Однако санкция за анализируемое противоправное деяние является не такой суровой, как санкция за преступление, предусмотренное ст. 111 УК РФ. Значит, о конкуренции нормы-части и нормы-целого в последнем случае речи идти не может ввиду того, что состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 237 УК РФ, не может охватывать умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, которое обладает более высокой общественной опасностью. Поэтому содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 237 и ч. 1 ст. 111 УК РФ.

За умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, с учетом отягчающих обстоятельств (ч. 2 ст. 112 УК РФ), закон предусматривает наказание, аналогичное наказанию за рассматриваемое нами преступление. Доктрина уголовного права сформировала правило, согласно которому если норма-часть имеет равную или более строгую санкцию, то конкуренция уголовно-правовых норм отсутствует, а содеянное образует совокупность преступлений [9, с. 167; 10, с. 121–122; 11, с. 12; 12, с. 35–36; 13, с. 63–64]. Это значит, что сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, которое повлекло причинение средней тяжести вреда здоровью, например, двум и более лицам, следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 237 и ч. 2 ст. 112 УК РФ.

Исходя из сказанного считаем, что под причинением вреда здоровью человека при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 237 УК РФ, следует понимать причинение средней тяжести вреда здоровью (без учета квалифицирующих признаков) и причинение легкого вреда здоровью. Кроме того, рассматриваемый квалифицирующий признак охватывает и причинение тяжкого вреда

здоровью по неосторожности³ (максимальное наказание, с учетом квалифицирующего признака, за преступление, предусмотренное ст. 118 УК РФ, – лишение свободы на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового).

Заметим, что к числу неоднозначно решаемых в доктрине относится также вопрос о перечне обстоятельств, охватываемых категорией «иные тяжкие последствия». Так, И.Г. Рагозина в понятие «иные тяжкие последствия» включает смерть человека, причинение вреда здоровью двух или более лиц, эвакуацию населения, серьезное нарушение деятельности предприятий, загрязнение окружающей среды [5, с. 516]. М.В. Талан относит к таковым смерть потерпевшего, огромный материальный ущерб, причинение вреда здоровью нескольких лиц, приостановку деятельности предприятий и учреждений и т. д. [14, с. 567]. В.В. Дорошков считает, что «наступление иных тяжких последствий включает в себя гибель людей, существенное нарушение экологической безопасности, причинение крупного имущественного вреда, нарушение нормальной работы предприятий, учреждений, организаций и т. п.»⁴. По мнению О.Л. Дубовик, «иные тяжкие последствия – материальный ущерб собственности, разрушение или повреждение систем жизнеобеспечения, затраты на проведение мероприятий и ликвидацию последствий, существенный вред окружающей среде»⁵. Л.В. Иногамова-Хегай отмечает: «Иные тяжкие последствия могут выражаться в причинении вреда здоровью двум или более лицам, гибели людей, наступлении крупного материального ущерба, срыве работ служб жизнеобеспечения, загрязнении окружающей среды, в необходимости эвакуации населения и т. д.» [15, с. 620]. К.К. Гришков полагает, что «под "иными тяжкими последствиями" понимается, в частности, смерть человека,

3 С учетом положений ч. 2 ст. 24 УК РФ по отношению к последствиям, указанным в ч. 2 ст. 237 УК РФ, вина может характеризоваться как умышленно, так и по неосторожности.

4 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2013. С. 692.

5 Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.Э. Жалинский. М.: Эксмо, 2005. С. 716.

причинение вреда здоровью двух или более лиц, эвакуация населения, серьезное нарушение деятельности предприятий, загрязнение окружающей среды» [16, с. 132], а Р.Р. Галиакбаров к иным тяжким последствиям относит вред, причиненный «экологии, зданиям, сооружениям и т. п. Тяжесть последствий следует увязывать с серьезными прямыми экономическими потерями или последующими значительными затратами на восстановление среды обитания людей» [17, с. 496].

Принимая во внимание изложенные аргументы, представляется затруднительным разделять позицию исследователей, которые считают, что понятие «иные тяжкие последствия» в рамках рассматриваемого преступления охватывает причинение вреда различной степени тяжести жизни и здоровью человека. Во-первых, анализируемое преступление уже предусматривает в качестве квалифицирующего признака причинение вреда здоровью. Во-вторых, анализ норм Особенной части УК РФ показал, что если законодатель пожелал бы дифференцировать ответственность за причинение смерти по неосторожности, то он прямо указал бы на это в тексте закона, как это сделано в ряде статей (например, ст. 206, 211, 215, 220, 230 и др.). К тому же это подтверждается и судебной практикой.

Так, при выполнении планового контроля за состоянием нефтепровода А. выявил разгерметизацию на участке нефтепровода. В ходе совместной с подчиненными ему сотрудниками проверки было зафиксировано, что разгерметизация произошла вследствие деформации резьбы шпилек, а также установлено место разгерметизации – задвижка в месте соединения фланца крышки с корпусом. Последствием разгерметизации нефтепровода стало попадание нефти в окружающую среду – на участок береговой линии ручья в месте балочного перехода нефтепровода и на поверхность ручья в том же месте, о чем сразу же стало известно А. Согласно экспертному заключению и ст. 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» данный разлив нефти классифицируется как авария, представляющая собой неконтролируемый выброс опасного вещества, что является чрезвычайной ситуацией муниципального значения.

В соответствии со схемой оповещения должностных лиц о возникновении аварийной ситуации на опасных производственных объектах ООО «F», являющейся одним из пунктов плана по предупреждению и ликвидации разливов нефти на данном объекте, А. нес персональную ответственность за уведомление органов государственного контроля и органов местного самоуправления о факте разлива нефти, произошедшего после разгерметизации нефтепровода. Несмотря на наличие персональной ответственности, А. умышленно скрыл информацию об аварии от контролирующих органов и органов местного самоуправления.

В результате преступного деяния А. не было организовано и осуществлено руководство работами по локализации и ликвидации разлива нефти со стороны специально созданной комиссии по чрезвычайным ситуациям, не были выполнены требования постановления Правительства РФ от 24 марта 1997 г. № 334 «О порядке сбора и обмена в Российской Федерации информацией в области защиты населения и территорий о чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера». Действия А. привели к наступлению иных тяжких последствий, выразившихся в оказании негативного влияния на компоненты окружающей среды – загрязнении поверхностных вод и донных отложений ручья N и рек M, почв и растительности их пойменных террас, нарушении численности и структуры бентосных организмов, причинении существенного вреда животному и растительному миру, а также рыбным ресурсам. Данное деяние А. было квалифицировано судом по ч. 2 ст. 237 УК РФ по признаку «иные тяжкие последствия»⁶.

Более того, это правило подкрепляется актами судебного толкования. В частности, можно использовать положения п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», в котором сказано, что к иным тяжким последствиям относятся последствия, связанные с масштабным вредом экосистемам, на

⁶ Приговор Усинского городского суда Республики Коми от 20.01.2014 по делу № 1-20/14 [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-11RS0006-1-20-2014-1-252-2013-2013-12-18-2-0/?ysclid=mfw2z44ryu619895412> (дата обращения: 17.11.2025).

ликвидацию которых потребуются большие временные и материальные затраты. Такими последствиями, например, признаются массовая гибель/заболевание объектов животного мира, уничтожение мест их обитания, существенное сокращение растительного мира и др.

Важно заметить, что, указывая на возможные тяжкие последствия преступления, предусмотренного ст. 246 УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ не упоминает причинение смерти человеку, то есть, условно говоря, такое последствие данным квалифицированным составом не охватывается. Аналогичный подход к анализируемому признаку содержится и в иных интерпретационных актах⁷.

⁷ См., например: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14, абз. 4 п. 22 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Системный анализ уголовного закона и интерпретационных актов показал, что к иным тяжким последствиям не следует относить последствия, связанные с причинением вреда жизни и здоровью человека. Вместе с тем к иным тяжким последствиям деяния, предусмотренного ст. 237 УК РФ, можно отнести загрязнение окружающей среды, наносящее непоправимый вред ее компонентам; значительный материальный ущерб, причиненный собственности; негативные последствия для систем жизнеобеспечения населения или полный их выход из строя; значительные финансовые затраты на проведение неотложных мероприятий по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, вызванных данным деянием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шалагин А.Е. Уголовно-правовая охрана здоровья населения в Российской Федерации : монография / А.Е. Шалагин ; науч. ред. Ф.Р. Сундуков. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 174 с.
2. Шалагин А.Е. Ответственность за сокрытие информации об обстоятельствах, представляющих угрозу общественной безопасности и здоровью населения / А.Е. Шалагин // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 1. – С. 200–203.
3. Уголовное право. Особенная часть: преступления против общественной безопасности и общественно-го порядка : учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Гладких, А.К. Есяяна. – Москва : Юрайт, 2025. – 352 с.
4. Полный курс уголовного права : в 10 т. Т. VII. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка / под ред. А.И. Коробеева. – Санкт-Петербург : Юридический центр Академия, 2021. – 1098 с.
5. Энциклопедия Уголовного права. Т. 22. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. – Санкт-Петербург, 2014. – 886 с.
6. Кобзева Е.В. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности : учебное пособие / Е.В. Кобзева. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 165 с.
7. Филиппов П.А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности : монография / П.А. Филиппов. – Москва : Проспект, 2022. – 677 с.
8. Мацнев Н.И. Основы квалификации сложных насильственных преступлений по совокупности уголовно-правовых норм и при их конкуренции / Н.И. Мацнев, Р.Д. Шарапов // Правоведение. – 2005. – № 4 (261). – С. 66–79.
9. Квалификация преступлений : учебное пособие / под ред. К.В. Ображиева и Н.И. Пикурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 448 с.

REFERENCES

1. Shalagin A.E.; Sundurov F.R. (ed.). Criminal Law Protection of Public Health in the Russian Federation. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 174 p.
2. Shalagin A.E. Amenability for Hiding Information about Circumstances, Constituting Threat for Public Security and Population Health. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2013, no. 1, pp. 200–203. (In Russian).
3. Gladkikh V.I., Yesayan A.K. (eds.). Criminal Law. Special Part: Crimes against Public Safety and Public Order. Moscow, Yurait Publ., 2025. 352 p.
4. Korobyev A.I. (ed.). Complete Course of Criminal Law. Vol. VII. Crimes against Public Safety and Public Order. Saint Petersburg, Academy Legal Center Publ., 2021. 1098 p.
5. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 22. Crimes against Public Health and Public Morality. Saint Petersburg, 2014. 886 p.
6. Kobzeva E.V. Crimes against Public Health and Public Morality. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 165 p.
7. Filippov P.A. Crimes against Public Health and Public Morality. Moscow, Prospect Publ., 2022. 677 p.
8. Matsnev N.I., Sharapov R.D. Fundamentals of Qualification of Complex Violent Crimes Based on a Set of Criminal Law Norms and Their Concurrence. *Jurisprudence*, 2005, no. 4 (261), pp. 66–79. (In Russian).
9. Obrazhiev K.V., Pikurov N.I. (eds.). Qualification of Crimes. 2nd ed. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 448 p.
10. Obrazhiev K.V., Chirkin D.S. Complex Single Crimes. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 184 p.
11. Naumov A. Aggregation in Violent Crimes. *Sovetskaya yustitsiya*, 1973, no. 1, pp. 11–14. (In Russian).
12. Vasilyeva E.G. Forms of Plurality of Crimes Under the Current Criminal Legislation. *Cand. Diss.* Stavropol, 2005. 158 p.

10. Ображиев К.В. Сложные единичные преступления : монография / К.В. Ображиев, Д.С. Чиркин. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 184 с.
11. Наумов А. Совокупность в насильственных составах преступлений / А. Наумов // Советская юстиция. – 1973. – № 1. – С. 11–14.
12. Васильева Е.Г. Формы множественности преступлений по действующему уголовному законодательству : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.Г. Васильева. Ставрополь, 2005. – 158 с.
13. Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – Москва : Спарк, 1997. – 139 с.
14. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан, И.А. Тарханова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2020. – 992 с.
15. Уголовный закон в практике районного суда / под ред. А.В. Галаховой. – Москва : Норма ИНФРА-М, 2010. – 975 с.
16. Грошиков К.К. Уголовная ответственность за утаивание социально значимой информации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / К.К. Грошков. – Москва, 2009. – 165 с.
17. Уголовное право России. Часть Особенная : учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 880 с.
13. Kudryavtsev V.N., Naumov A.V. (eds.). Violent Crime. Moscow, Spark Publ., 1997. 139 p.
14. Sundurov F.R., Talan M.V., Tarkhanov I.A. (eds.). Criminal Law of Russia. Special part. 2nd ed. Moscow, Prospect Publ., 2020. 992 p.
15. Galakhova A.V. (ed.). Criminal Law in the Practice of the District Court. Moscow, Norma INFRA-M Publ., 2010. 975 p.
16. Groshikov K.K. Criminal Liability for Concealing Socially Significant Information. *Cand. Diss.* Moscow, 2009. 165 p.
17. Kruglikova L.L. (ed.). Criminal Law of Russia. Special Part. 3rd ed. Moscow, Wolters Kluwer, 2005. 880 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Норвартян Юрий Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Norvartyan Yuriy Sergeevich – Candidate of Sciences (Law), Docent, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 25.11.2025. The article was submitted 27.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.15

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
han010@yandex.ru

Original article

KHALIKOV Aslyam Nailevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИММУНИТЕТ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ С ОСОБЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ

OPERATIONAL SEARCH IMMUNITY IN RESPECT OF PERSONS WITH SPECIAL LEGAL STATUS

Аннотация. В статье раскрываются проблемы, возникающие из-за отсутствия правовых оснований для проведения в отношении ряда должностных лиц со специальным правовым статусом оперативно-розыскной деятельности. С другой стороны, отсутствие такого статуса могло бы привести к нарушениям в работе тех государственных органов, принадлежность к которым является основанием получения особого правового статуса. В ходе исследования были использованы следующие методы научного познания: диалектический – для рассмотрения проблем в их развитии; формально-юридический, позволивший оценить положения законодательных норм; сравнительно-правовой – с целью соотношения различных отраслевых норм права, логический – для структурирования логики суждений и др. Результаты: предложено дополнить Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» общими требованиями об условиях и порядке выдачи разрешения на проведение оперативно-розыскной деятельности в отношении должностных лиц с особым правовым статусом. Сделан вывод, что существующая правовая неопределенность при проведении в отношении многих должностных лиц, наделенных особым правовым статусом, или неприкосновенностью, оперативно-розыскной деятельности ограничивает активность правоохранительных органов в борьбе с преступлениями, совершаемыми такими лицами, и в первую очередь в борьбе с коррупцией. С целью снижения риска субъективного усмотрения сотрудников правоохранительных органов и в то же время для защиты прав и интересов должностных лиц с особым правовым статусом предложено регламентировать в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» основания и процедуру получения разрешения на проведение оперативно-розыскных проверок в отношении таких лиц.

Abstract. The article reveals the problems of the lack of legal grounds for conducting operational search activities against a number of officials with special legal status. On the other hand, the absence of such a status could lead to violations in the work of those public bodies whose membership is the reason for obtaining special legal status. The following methods of scientific knowledge are used during the study: dialectical – for examining problems in their development; formal-legal – for evaluating the provisions of legislative norms; comparative-legal – for the purpose of correlating various sectoral legal norms; logical – for structuring the logic of judgments, etc. Results: The article proposes to supplement the Federal Law “On Operational Search Activities” with general requirements on the grounds and procedure for issuing permits for conducting operational search activities in respect of officials with special legal status. The article concludes that the existing legal uncertainty in the conduct of operational search activities against many officials with special legal status or immunity limits law enforcement agencies’ activity in combating crimes committed by such persons, and primarily in the fight against corruption. In order to reduce the risk of subjective discretion of law enforcement officials and at the same time to protect the rights and interests of officials with special legal status, it is proposed to regulate in the Federal Law “On Operational Search Activities” the grounds and procedure for obtaining permission to conduct operational investigative checks against such persons.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, депутат, правовой иммунитет, неприкосновенность, оперативно-розыскная деятельность, сенатор, статус должностного лица, уголовная ответственность

Keywords: initiation of a criminal case, deputy, legal immunity, inviolability, operational search activities, senator, official status, criminal liability

Для цитирования: Халиков А.Н. Оперативно-розыскной иммунитет в отношении лиц с особым правовым статусом / А.Н.Халиков. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.15 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 130–135.

For citation: Khalikov A.N. Operational Search Immunity in Respect of Persons with Special Legal Status. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 130–135. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.15.

ВВЕДЕНИЕ

Негласный порядок проверки должностных лиц с целью установления их причастности к коррупционным и иным преступлениям – распространенная практика деятельности правоохранительных органов во всем мире. В то же время существуют правовые ограничения на проведение в отношении ряда должностных и иных лиц со специальным юридическим статусом оперативно-розыскных мероприятий [1], что создает тактические и юридические сложности при выявлении, раскрытии, а иногда и расследовании совершенных ими преступлений.

ОСНОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ С ОСОБЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ

В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» отсутствует норма, устанавливающая условия и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении должностных лиц с особым правовым статусом. В ст. 8 закона говорится о равноправии всех лиц при осуществлении в отношении них мер оперативно-розыскной деятельности, с исключениями, которые должны быть в федеральном законодательстве. Тем самым, исходя из положений названного закона, частично порядок проведения оперативно-розыскной деятельности в отношении ряда лиц регламентируют другие федеральные законы, устанавливающие статус этих лиц. Например, порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий в отно-

шении судей определен Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации». Согласно ст. 16 закона это возможно на основании решения, принимаемого коллегией Верховного Суда РФ в составе трех судей или суда субъекта Российской Федерации. В отношении адвокатов, согласно ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», проведение оперативно-розыскных мероприятий допускается только на основании судебного решения, а в отношении прокуроров или следователей Следственного комитета РФ – по решению руководства Генеральной прокуратуры РФ или руководства Следственного комитета РФ.

В отношении Президента РФ, прекратившего свои полномочия, депутатов, сенаторов, членов избирательных комиссий, Уполномоченного по правам человека в РФ федеральными законами, регламентирующими деятельность этих лиц, предусмотрены менее конкретные правовые условия проведения оперативно-розыскной деятельности. И тексты данных законов вызывают много вопросов, поскольку размытость их формулировок об условиях или отсутствии условий проведения оперативно-розыскных мероприятий не позволяют органам, осуществляющим оперативную деятельность, выработать четкий алгоритм действий в отношении указанных лиц [2], особенно при необходимости немедленного реагирования на поступающую информацию о совершении преступлений, как правило, коррупционного характера. С другой стороны, отсутствие четкого порядка получения разрешения на проведение оперативной деятельности (проверки) в отношении лиц с особым (читай – высоким) должностным ста-

тусом в значительной мере может нарушить их законные права и интересы, учитывая, что такие лица наделены особыми полномочиями в сфере государственной власти и выполняют общественно-политические функции.

ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ ПРАВОВЫХ КРИТЕРИЕВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПРОВЕРОК, И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Двойственное положение, складывающееся при необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, обладающих иммунитетом, требует введения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» нормы, предусматривающей особые условия их проведения в отношении указанных лиц, по аналогии со ст. 447–448 УПК РФ, пусть и дублирующей положения законов, регулирующих статус и полномочия должностных лиц.

Так, неприкосновенность сенаторов и депутатов Государственной Думы РФ предусмотрена ст. 98 Конституции РФ и ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Согласно ст. 18 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении депутатов законодательных органов регионов России. В то же время Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 12 апреля 2002 г. № 9 определил: «неприкосновенность депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации непосредственно в Конституции Российской Федерации не предусмотрена, что, однако, не означает невозможности установления законом для депутата определенных личных гарантий, обусловленных его статусом».

Уполномоченный по правам человека в РФ, статус которого определен Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», также,

согласно ст. 12 названного закона, обладает неприкосновенностью в течение всего срока полномочий. Отсутствие конкретности при избрании оснований для оперативно-розыскной деятельности имеет место и в отношении депутатов муниципальной власти, статус которых регламентирован ст. 29 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». В отношении членов избирательных комиссий любого уровня, а также в отношении руководителей, инспекторов и иных сотрудников аппарата Счетной палаты РФ в федеральных законах от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» отсутствуют упоминания каких-либо процедур для проведения оперативно-розыскной деятельности. Можно сделать вывод, что оперативно-розыскная деятельность в отношении сотрудников избирательных комиссий и Счетной палаты РФ проводится на общих основаниях, а значит, без ограничительных мер.

Из сказанного следует, что должны существовать понятные правовые критерии, определяющие условия проведения оперативных проверок должностных лиц федеральных и региональных органов власти, а особенно должностных лиц региональных органов власти, поскольку именно в отношении этих лиц у сотрудников правоохранительных органов возникает больше всего вопросов при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Следует учитывать, что высшие должностные лица – сенаторы и депутаты Государственной Думы РФ, депутаты региональных органов законодательной власти, члены избирательных комиссий, руководящие и рядовые сотрудники Счетной палаты РФ – являются или являлись руководителями серьезных предпринимательских структур, имеют связи с властными органами и правоохранительными службами. Некоторые из этих лиц получили свои должности путем различных незаконных манипуляций для использования властных возможностей в криминальных целях либо с целью избежать уголовного преследования за совершенные или совершаемые деяния, выя-

вить которые невозможно без использования средств оперативно-розыскной деятельности. Усиливает значение этой деятельности и то, что многие противоправные деяния совершаются в цифровом пространстве, их выявление и пресечение зачастую требует проведения глубоких оперативных разработок с применением электронных средств негласного наблюдения и др. [3; 4].

В последнее время по результатам предварительной оперативно-розыскной деятельности возбуждаются уголовные дела и в отношении федеральных чиновников. Многие из них раскрыты и расследованы. В то же время, как мы указали, следует учитывать необходимость защиты должностных лиц органов власти от незаконного оперативно-розыскного и уголовного преследования, поскольку, как указано в некоторых исследованиях, иммунитет от оперативных проверок – это не личная привилегия, а прежде всего средство обеспечения эффективного осуществления лицом своих публично значимых функций, гарантия беспрепятственной реализации полномочий, средство ограждения от неправомерного вмешательства в деятельность лица и оказания на него давления [5, с. 82]. В данном ракурсе охранительная функция оперативно-розыскного иммунитета проявляется в выработке особых правовых предписаний, позволяющих четко регламентировать правовую процедуру для сохранения стабильности между интересами личности, общества и государства. Но эта функция не должна превращаться в инструмент вседозволенности лиц, обладающих иммунитетом [6, с. 93].

Несмотря на недостаточную ясность нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность сенаторов и депутатов Государственной Думы РФ, Уполномоченного по правам человека в РФ и региональных депутатов, отсутствие в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» условий, позволяющих проводить в отношении них оперативно-розыскные мероприятия [7], можно сделать вывод, что все указанные лица обладают полной неприкосновенностью. Однако юридическая неприкосновенность не гарантирует, что такие лица не совершат преступлений и иных правонарушений. Понятие неприкосновенности не должно входить в

противоречие с равноправием всех граждан, устанавливая только особые условия получения разрешения на проведение оперативной, а затем и следственной деятельности.

При этом возможно исключение ряда должностных лиц из перечня, предусмотренного ст. 447 УПК РФ. Дело в том, что оперативная работа ведется преимущественно негласно, а в некоторых случаях – в условиях оперативной неопределенности [8]. Это означает, что лицо либо связанные с ним иные лица не уведомляются о проведении в отношении них оперативной проверки. И как бы это ни нарушало права и интересы проверяемых лиц, неинформирование – неперемный атрибут негласной оперативно-розыскной деятельности [9]. Более того, в данном случае может иметь место разглашение государственной тайны, что недопустимо в силу ст. 5 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [10].

Таким образом, оперативно-розыскной иммунитет, который должен быть регламентирован в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», должен быть гораздо уже уголовно-процессуального, предусмотренного гл. 52 УПК РФ, ввиду особенностей оперативно-розыскной деятельности – ее скрытого характера и, возможно, длительных сроков проведения. Только сенаторы Совета Федерации и депутаты Государственной Думы, Уполномоченный по правам человека РФ, судьи, прокуроры, следователи Следственного комитета РФ и адвокаты могут в определенной степени быть ограждены от активной работы оперативно-розыскных служб. Перечисленные лица нередко противопоставляют свои полномочия противоправным действиям отдельных представителей государственной власти, включая недобросовестных представителей оперативно-розыскных органов, что требует дополнительных гарантий, пусть и минимальных, от возможных недобросовестных негласных действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В то же время такой иммунитет не должен быть панацеей от действий правоохранительных органов, а следовательно, механизм получения разрешений на производство оперативно-розыскных мероприятий – в основном через суды – должен быть оптимальным и эффективным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы определили минимальный перечень лиц, в отношении которых должен соблюдаться особый порядок получения разрешения на проведение оперативно-розыскной деятельности при наличии признаков совершения ими преступлений. Результаты такой деятельности используются для принятия решения о проведении доследственной проверки, а также о немедленном возбуждении уголовного дела, но при этом не являются обязательным основанием для начала уголовного преследования. В этой связи, думается, вряд ли следует расширять перечень должностных лиц, которым предоставлены особые разрешения на проведение оперативной проверки.

В контексте рассматриваемой проблемы нельзя не высказать суждений об оперативно-розыскных проверках, осуществляемых в порядке ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», когда оперативно-розыскные мероприятия проводятся в целях получения информации, необходимой для принятия решений о достоверности и полноте сведений, представляемых в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами гражданами, претендующими на замещение государственных должностей федерального, регионального и местного уровня, судей и ряда иных лиц. Как известно, в отношении них не могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия, санкционируемые судом, то есть существенно ограничивающие их права и интересы. Этот же порядок предусмотрен Указом Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами,

претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению», согласно п. 19 которого при проведении оперативно-розыскных мероприятий по запросам не могут осуществляться действия, указанные в п. 8–11 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», то есть обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи.

Думается, что порядок проверки должностных лиц, претендующих на государственные и иные должности и работающих на этих должностях, согласно ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», должен быть соотнесен с проверками данных лиц при наличии признаков преступлений в целях основанного на законе осуществления оперативно-розыскной деятельности. Именно в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» должны быть отражены все основания, процедуры и иные тонкости проведения оперативно-розыскной работы в отношении должностных лиц, имеющих особый статус, а также в отношении иных лиц, перечень которых содержится в ст. 7 указанного закона. В этом случае будут соблюдены интересы как органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, так и проверяемых лиц в плане законности соблюдения их прав и интересов в сфере уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гавриков Е.В. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий / Е.В. Гавриков, Л.И. Гаманенко // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 488–490.
2. Третьяков В.И. Оперативно-розыскная наука и законодательство: проблемы взаимодействия и взаимопроникновения / В.И. Третьяков, Н.В. Павличенко // Юристы-Правоведь. – 2024. – № 4 (111). – С. 219–226.

REFERENCES

1. Gavrikov E.V., Gamanenko L.I. Grounds and Conditions of the Event Operational Search Measures. *Law and State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 488–490. (In Russian).
2. Tretyakov V.I., Pavlichenko N.V. Operational Investigative Science and Legislation: Problems of Interaction and Interpenetration. *Yurist-Pravoved*, 2024, no. 4 (111), pp. 219–226. (In Russian).

3. Улубаева А.С. Эффективность использования информационных технологий в оперативно-розыскной деятельности: вызовы и решения / А.С. Улубаева, К.М. Чентаева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 5, № 5. – С. 171–177.

4. Фарахийев Д.М. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел в противодействии взяточничеству, совершаемому с использованием цифровых финансовых и крипто валютных активов / Д.М. Фарахийев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2025. – Т. 16, № 1 (59). – С. 127–137.

5. Изотов А.В. Уголовно-процессуальный иммунитет профессиональных участников уголовного судопроизводства / А.В. Изотов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 2. – С. 80–83.

6. Волосова Н.Ю. Значение и функции иммунитетов в уголовном судопроизводстве / Н.Ю. Волосова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 8 (109). – С. 95–98.

7. Максимов М.И. Проблемы определения и разграничения оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий / М.И. Максимов // Юристы-Правоведь. – 2025. – № 2 (113). – С. 181–185.

8. Боровик П.Л. Модель прогнозирования успешного разрешения ситуаций неопределенности в оперативно-розыскной деятельности / П.Л. Боровик, С.В. Пилюшин // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д: Экономические и юридические науки. – 2025. – № 2 (71). – С. 85–90.

9. Тамбовцев А.И. Сущность и способы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности / А.И. Тамбовцев // Журнал правовых и экономических исследований. – 2025. – № 1. – С. 154–160.

10. Железняк Н.С. Персональные тайны граждан как объект правовой коллизии в области оперативно-розыскной деятельности / Н.С. Железняк // Общество и право. – 2025. – № 1. – С. 50–54.го. – Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. – С. 31–39.

3. Ulubaeva A.S., Chentaeva K.M. The Effectiveness of the Use of Information Technology in Operational Investigative Activities: Challenges and Solutions. *Ekonomika i upravlenie: problema, resheniya*, 2025, vol. 5, no. 5, pp. 171–177. (In Russian).

4. Farahiev D.M. Investigation Activities of Internal Affairs Bodies in the Fight Against Bribery Committed Using Digital Financial and Cryptocurrency Assets. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2025, vol. 16, no. 1 (59), pp. 127–137. (In Russian).

5. Izotov A.V. Criminal Procedure Immunity of Professional Participants in Criminal Proceedings. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2008, no. 2, pp. 80–83. (In Russian).

6. Volosova N.Yu. The Importance and Functions of Immunities in Criminal Proceedings. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2008, no. 8 (109), pp. 95–98. (In Russian).

7. Maximov M.I. Problems of Defining and Distinguishing the Grounds and Conditions for Conducting Operational Search Activities. *Yurist-Pravoved*, 2025, no. 2 (113), pp. 181–185. (In Russian).

8. Borovik P., Pilyushin S. A Model for Predicting the Successful Resolution of Situations of Uncertainty in Operational Search Activities. *Vestnik of Polotsk State University. Part D: Economic and Legal Sciences*, 2025, no. 2 (71), pp. 85–90. (In Russian).

9. Tambovtsev A.I. Essence and Methods of Ensuring Secrecy in Operational Investigative Activities. *Journal of Legal and Economic Studies*, 2025, no. 1, pp. 154–160. (In Russian).

10. Zhelezniak N.S. Personal Data of Citizens as an Object of Legal Conflict in the Field of Operational Search Activities. *Society and Law*, 2025, no. 1, pp. 50–54. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khalikov Aslyam Nailevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 14.08.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 05.09.2025. The article was submitted 14.08.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 05.09.2025.

Трибуна молодого ученого TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.16

Original article

ДИСТАНОВА Фирюза Эльвировна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
firyuza.distanova@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-0125-091X>

DISTANOVA Firyuza Elvirovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ИСПОЛНИМОСТЬ КАК СВОЙСТВО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ENFORCEABILITY AS A CHARACTERISTIC OF A COURT DECISION IN CRIMINAL
PROCEEDINGS

Аннотация. Законодательно установлено, что судебные решения по уголовным делам должны обладать свойствами законности, обоснованности, мотивированности, справедливости (приговоры) и подлежат обязательному исполнению. Об исполнимости судебных решений в процессуальном законодательстве отдельно не упоминается, но указывается на обязательность судебных актов. В статье проанализированы подходы к определению понятия исполнимости судебных решений, аргументирована позиция, что исполнимость является важным свойством судебного решения, исследовано правовое регулирование исполнения судебных актов в уголовном судопроизводстве, обращено внимание на наличие ряда теоретических и нормативных проблем, негативно сказывающихся на правоприменительной практике, на отсутствие комплексных исследований по тематике научной статьи. Цель: проанализировать проблемы исполнимости судебных решений в уголовном процессе. Методы: сравнения – использован для сравнения прав регламентации исполнимости судебных актов по гражданским, административным и уголовным делам; формальной и диалектической логики – применялись для выявления проблем в правовом регулировании; толкования правовых норм – применялся для объяснения содержания термина «исполнимость судебных решений» и других терминов. Результаты: сделан вывод, что в настоящее время в уголовном судопроизводстве имеется законодательная возможность неисполнения некоторых судебных решений с минимальным риском привлечения к уголовной ответственности.

Abstract. It is legally established that court decisions in criminal cases must be lawful, substantiated, reasoned, fair (verdicts), and are subject to mandatory enforcement. Procedural legislation does not contain a separate provision regarding the enforceability of court decisions; however, it does stipulate the mandatory nature of judicial acts. The article analyzes approaches to defining the concept of enforceability of court decisions, argues that enforceability is an important characteristic of a court decision, examines the legal regulation of the enforcement of court acts in criminal proceedings. The paper highlights the existence of a number of theoretical and normative problems negatively affecting law enforcement practice, and notes the lack of comprehensive research on the subject matter. Purpose: To analyze the problems of enforceability of court decisions in criminal proceedings. Methods: comparative analysis is used to compare the legal regulation of the enforceability of court acts in civil, administrative, and criminal cases; formal and dialectical logic is applied to identify problems in legal regulation; interpretation of legal norms is used to explain the meaning of the term “enforceability of court decisions” and other related terms. Results: The article concludes that there is currently a legislative possibility in criminal proceedings for the non-enforcement of certain court decisions with minimal risk of criminal liability.

Ключевые слова: исполнимость судебных решений, исполняемость судебных решений, итоговое судебное решение, промежуточное судебное решение, неисполнение решения суда, уголовная ответственность

Для цитирования: Дистанова Ф.Э. Исполнимость как свойство судебного решения в уголовном процессе / Ф.Э. Дистанова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 136–141.

Keywords: enforceability of court decisions, enforcement of court decisions, final court decision, interim court decision, non-enforcement of a court decision, criminal liability

For citation: Distanova F.E. Enforceability as a Characteristic of a Court Decision in Criminal Proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 136–141. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.16.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы, касающиеся исполнения судебных решений в уголовном процессе, относятся к малоисследованным и не привлекают внимания ученых. Как правило, они рассматриваются вскользь в привязке к стадии исполнения приговора или к другим проблемам правоприменительной практики, кажущимся более значимыми.

Законодатель, который стремится к совершенствованию положений уголовно-процессуального законодательства, внося в него изменения с определенной периодичностью, гл. 46 УПК РФ, посвященную обращению к исполнению приговоров, определений и постановлений, подвергает редактуре нечасто. Так, изменения в основном коснулись ст. 393 УПК РФ и только в части исполнения приговора, а правовые положения о порядке обращения к исполнению иных судебных актов – определений, постановлений, запросов, распоряжений суда, частных определений – либо остались неизменными, либо вовсе отсутствуют.

С другой стороны, можно бесконечно совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство, но если эта деятельность не затрагивает исполнение судебных решений, то право граждан на судебную защиту, элементом которого является право на исполнение судебных актов, может так и остаться иллюзорным.

Неисполнение судебных актов подрывает авторитет судебной власти, вызывает разочарование граждан относительно возможности реального восстановления их прав и свобод, сводит на нет всю предшествующую деятельность органов предварительного расследования, дознания и суда.

Таким образом, исследование проблем исполнения итоговых судебных актов, решений суда, отнесенных законодателем к промежуточным, а также запросов, распоряжений и иных актов, исходящих от судов, актуально и имеет не только научное, но и практическое значение. От недостатков правового регулирования страдают правоприменители в лице судов, органов, исполняющих наказание, органов предварительного расследования и дознания, а также участники уголовного процесса, права и интересы которых затрагиваются судебным актом.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья 3 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» предусматривает обязательность исполнения на всей территории Российской Федерации судебных постановлений, вступивших в законную силу. В силу ч. 1 ст. 6 указанного закона вступившие в силу судебные акты, законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения судов являются обязательными и подлежат неукоснительному исполнению. Часть 2 указанной статьи подчеркивает, что неисполнение постановления суда приравнивается к неуважению к суду («неисполнение постановления суда, а равно иное проявление неуважения к суду...») и влечет ответственность, предусмотренную федеральным законом.

В УПК РФ, как и в других процессуальных кодексах, прямо об исполнимости судебных решений не указано, а в упомянутом феде-

ральном конституционном законе речь идет обо всем процессуальном законодательстве вне отраслевой принадлежности. Следовательно, можно рассмотреть подходы к пониманию категории «исполнимость» не только с точки зрения УПК РФ, но и других процессуальных законов.

Подходы к определению понятия исполнимости судебных решений

В науке есть несколько подходов к определению рассматриваемого понятия.

Так, С.П. Щерба, И.В. Чащина считают, что исполнимость представляет собой самостоятельное свойство судебного решения [1, с. 103], под которым понимается «независимое свойство любого судебного акта, которое означает способность акта быть исполненным в принудительном порядке, регламентированном процессуальным законодательством». Такого же мнения придерживается Е.Н. Кузнецов. Он считает, что это важнейшее свойство судебного акта, вступившего в законную силу [2, с. 207].

По мнению И.С. Дикарева, исполнимость судебного акта есть «нормативное требование, вытекающее из такого свойства, как общеобязательность» [3, с. 81].

В.В. Ярков рассматривает исполнимость как свойство законной силы судебного акта [4, с. 56]. Есть и абсолютно противоположное мнение, что исполнимость судебного акта не связана с его законной силой [5, с. 34].

Кроме того, исполнимость рассматривают как требование, которое предъявляется к судебному акту, и как качественное состояние предписания суда [6, с. 25]. Также есть мнение, что исполнимость судебного решения производна от свойства обязательности [7, с. 19].

По мнению Е.О. Никифорука, «исполнимость как требование к судебным актам является залогом его реального исполнения, т. е. реальной защиты нарушенных прав» [8, с. 40].

По мнению Е.Н. Кузнецова, исполнимость как свойство законной силы – это необходимость привести судебный акт, адресованный против конкретного лица или лиц, в принудительное исполнение [2, с. 184]. В его диссертационном исследовании доказано, что право на исполнение и исполнимость, а также право на исполнение и обязательность судебного акта взаимообусловлены.

К.С. Зиновьев, исследуя правовую природу исполнимости судебных решений, отмечает, что «решения должны не просто исполняться, но и быть по своему содержанию такими, чтобы их можно было исполнить» [9, с. 58]. Исполнимость обеспечивают четкие недвусмысленные формулировки резолютивной части акта юрисдикционного органа.

Таким образом, процессуалисты по-разному подходят к определению понятия исполнимости судебных решений.

Мы считаем, что исполнимость представляет собой самостоятельное свойство судебного решения, хоть и связанное с обязательностью, законной силой, но не вытекающее из них. Так, например, в контексте уголовного судопроизводства судебное решение, вынесенное в порядке ст. 125 УПК РФ, является обязательным, как и любое иное решение суда, но оно может быть неисполнимым ввиду соответствующей формулировки суда в резолютивной его части и по этой причине остаться неисполненным, хотя свойством обязательности оно обладает, в законную силу решение вступило.

Исполнимости судебного решения противостоит его неисполнимость, которая означает такое свойство судебного решения, которое делает невозможным приведение его в исполнение. Неисполнимость судебного решения является его дефектом, недостатком, который может привести к нарушению права на исполнение и, как следствие, приведет к нарушению права на судебную защиту, гарантированного каждому Конституцией РФ.

Исполнимость судебного решения тесно связана с правом на исполнение. Если решение суда не будет обладать свойством исполнимости, то право на исполнение останется нереализованным. В связи с этим именно исполнимость судебного решения определяет, способно ли право на исполнение быть реализованным или нет, то есть является залогом реального исполнения судебного акта.

Следует различать исполнение судебного решения и его реализацию. Законодатель в некоторых статьях УПК РФ оперирует именно термином «исполнение». Так, в ч. 3 ст. 104, ст. 107, 108, ч. 4 ст. 113, ст. 118 УПК РФ говорится именно об исполнении мер принуждения (домашнего ареста, наблюдения командования воинской части, привода, денежного взыскания), в то же время в некоторых ста-

твях УПК РФ речь идет об избрании или реализации меры принуждения. В связи с этим из положений УПК РФ не совсем понятно, какие меры принуждения исполняются, а какие применяются, реализуются или избираются. По нашему мнению, все меры принуждения, применяемые судом, именно исполняются, так как они находят отражение в судебном акте, обладающем свойством исполнимости.

Исходя из изложенного можно сформулировать следующее определение рассматриваемого нами понятия: исполнимость судебного решения в уголовном процессе – это его свойство или способность быть приведенным в исполнение компетентным органом, должностным лицом или гражданином в порядке, предусмотренном нормативными актами.

Должна обеспечиваться исполнимость всех судебных решений, на каждой стадии уголовного судопроизводства, так как только посредством реального исполнения возможно восстановление нарушенных прав граждан. Как справедливо отмечает О.В. Грицай, «уголовно-процессуальная деятельность суда, органов предварительного следствия и дознания должна быть направлена не только на раскрытие преступления, но и на формирование такого качественного результата уголовно-процессуальной деятельности, который связан со свойством исполнимости судебного решения» [10, с. 3]. В противном случае огромные усилия – финансовые и временные затраты правоохранительных органов и судов – оказываются бессмысленными, если решение суда в конечном итоге остается неисполненным, ведь «сущность нормального функционирования судебных органов заключается не только в том, чтобы выносить постановления, решения, приговоры и иные акты, но и обеспечивать их реализацию, так как только это поможет наказать виновных и восстановить нарушенные права человека. Если законодатель не предусмотрит гарантии исполнения судебного постановления, вся система правосудия будет бессмысленна и бессильна» [11, с. 410].

Исполнимость разных судебных решений, выносящихся на протяжении досудебного, судебного производства по уголовным делам, а также на стадии исполнения итогового решения, имеет свою специфику.

Так, есть судебные акты, исполнение которых необходимо в первую очередь для самого суда в целях создания процессуальных усло-

вий для проведения судебных заседаний (например, о назначении судебного разбирательства, выделении уголовного дела, оглашении ранее данных участниками судопроизводства показаний, воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий и др.). Исполнимость их отличается тем, что суд сам выносит решение, сам же исполняет его, не прибегая к помощи других государственных органов, должностных лиц, поскольку это не требует значительных временных, финансовых и иных затрат. Следовательно, необходимости в правовой регламентации порядка исполнения таких актов в УПК РФ не имеется.

В то же время есть иные документы, исходящие от суда, не являющиеся по своей сути судебными решениями, но также необходимые для создания условий рассмотрения уголовного дела, перечисленные в ч. 1 ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»: «законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения». Следует отметить, что при «переносе» указанного положения конституционного закона в уголовно-процессуальное законодательство такие акты судов по неясным причинам из поля зрения законодателя «выпали».

В ч. 1 ст. 392 УПК РФ закреплен принцип обязательности вступивших в законную силу приговоров, определений, постановлений суда, также в ней указано, что решения суда подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации, однако об исполнении служебных документов суда в виде запросов, требований, распоряжений в Кодексе не упоминается. По нашему мнению, в УПК РФ следует предусмотреть положения, касающиеся срока исполнения указанных документов. В условиях цифровизации правосудия также становится актуальным исполнение их в электронном виде.

Принципиально отличной спецификой обладает исполнение итоговых судебных актов, регламентированное не только УПК РФ, но и УИК РФ, а также ведомственными актами. В науке уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права данный вопрос является предметом многочисленных исследований [12]. Однако при исполнении некоторых итоговых актов по уголовным делам возникают сложности, связанные с отбыванием тех или иных видов наказаний, с конфискаци-

ей имущества, уничтожением вещественных доказательств, исполнением приговора в отношении несовершеннолетних и т. д.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Судебные решения выносятся и исполняются не только в конце уголовного процесса, но и в самом его начале. Например, судебное решение, вынесенное по жалобе на отказ в возбуждении уголовного дела, об избрании меры пресечения и др. Однако в УПК РФ вопросам обращения к исполнению промежуточных решений, особенностям их исполнения уделено недостаточно внимания.

Справедливости ради следует отметить, что во всех процессуальных кодексах России вопросы исполнения неитоговых судебных актов регулируются недостаточно полно. Так, в ГПК РФ имеется раздел VII, посвященный исполнению итоговых судебных постановлений и постановлений иных органов. Вопросы исполнения неитоговых судебных решений регулируются несколькими статьями, посвященными, например, мерам по обеспечению иска, частным определениям (ч. 2 ст. 226).

В КАС РФ есть целая глава, посвященная исполнению судебных актов. Вопросы исполнения промежуточных решений нашли отражение в некоторых статьях, например, посвященных обеспечительным мерам (ст. 88), исполнению частных определений (ст. 200).

В АПК РФ имеются как отдельные статьи, посвященные исполнению итоговых судебных актов (ст. 182 АПК РФ), так и статьи об исполнении определений суда (ст. 187), частного определения (ст. 188.1), обеспечении иска (ст. 96).

В уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены положения, касающиеся исполнения итоговых решений (ст. 393 и раздел XIV «Исполнение приговора» УПК РФ), а также отдельных видов промежуточных судебных решений. Относительно исполнения иных судебных актов, в том числе частных определений, законных распоряжений, требований, поручений, вызовов судов, судебных актов, вынесенных в порядке ст. 125 УПК РФ, положения отсутствуют. Нет ясности относительно процедуры обращения к исполнению промежуточных судебных решений. Также в УПК РФ отсутствуют положения о том, какой орган должен исполнять то или иное решение суда, не являющееся итоговым, на основании

какого исполнительного документа, в какие сроки и в соответствии с какой процедурой, не решен вопрос о возможности приостановления исполнения промежуточного судебного решения. В связи с этим исполняемость некоторых промежуточных судебных решений в уголовном процессе остается достаточно низкой. Так, в настоящее время имеются сложности исполнения судебных решений, вынесенных в порядке судебного контроля, частных определений, судебных решений о применении мер по обеспечению исполнения наказания в виде штрафа, по обеспечению гражданского иска и конфискации имущества.

Указанные проблемы исполнения итоговых и промежуточных судебных решений осложняются неэффективностью мер ответственности за их неисполнение. Так, согласно статистическим данным, в 2024 г. по ч. ст. 315 УК РФ привлечено к ответственности всего 3 человека, по ч. 2 ст. 315 УК РФ – 154 человека¹.

Резюмируя сказанное, сошлемся на мнение профессора В.В. Яркова. Исследуя проблему исполнения судебных актов в гражданском судопроизводстве, он отметил: «Проблема реализации судебных актов не носит чисто правовой характер и не может быть решена сугубо юридически, поскольку в значительной степени отражает современную экономическую и политическую ситуацию» [13, с. 31].

Однако в настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве даже нет основы, которая позволила бы решить проблему исполнения судебных актов хотя бы правовым способом, а в уголовном законодательстве отсутствует эффективная мера ответственности за их неисполнение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Недостаточная и небрежная правовая регламентация исполнения судебных решений, а также запросов, требований, поручений, частных определений (постановлений) негативно сказывается на деятельности судов, органов, исполняющих наказание, органов предварительного расследования и дознания, нарушает права участников уголовного про-

¹ Отчет Судебного департамента РФ о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 26.09.2025).

цесса, подрывает авторитет судебной власти, снижает эффективность правосудия. В то же время указанные нами проблемы до настоящего времени не становились предметом комплексного исследования, а имеющиеся крайне немногочисленные работы затрагивают лишь

некоторые аспекты исполнения отдельных видов судебных решений. Автором подчеркивается, что проблемы исполнимости судебных актов, выносимых в ходе рассмотрения уголовных дел, и их реальная исполняемость нуждаются в дополнительном исследовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Щерба С. Новый закон о преюдиции в уголовном процессе: сущность и значение / С. Щерба, И. Чашина // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 103–109.
2. Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.3. / Е.Н. Кузнецов. – Екатеринбург, 2022. – 440 с.
3. Дикарев И.С. Исполнимость судебных решений в уголовном процессе / И.С. Дикарев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 3. – С. 80–85.
4. Арбитражный процесс : учебник / под ред. В.В. Яркова. – Москва : Инфотропик Медиа, 2010. – 880 с.
5. Завадская Л.Н. Реализация судебных решений: теоретические аспекты / Л.Н. Завадская. – Москва : Наука, 1982. – 141 с.
6. Манташян А.О. Исполнимость судебного решения в трудах Марка Аркадьевича Гурвича / А.О. Манташян // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 8. – С. 24–29.
7. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н.Б. Зейдер. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 190 с.
8. Никифорук Е.О. Исполнимость как требование к судебным актам / Е.О. Никифорук // Исполнительное право. – 2013. – № 1. – С. 40–42.
9. Зиновьев К.С. К вопросу об исполнимости судебных актов / К.С. Зиновьев // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник научных статей. – Томск, 2023. – С. 57–59.
10. Грицай О.В. Исполнение приговоров в части имущественных взысканий : процессуальная сущность, основания и порядок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Грицай. – Самара, 2007. – 24 с.
11. Бриллиантов А.В. Настольная книга судьи: преступления против правосудия / А.В. Бриллиантов, Н.Р. Косевич. – Москва : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 560 с.
12. Диваев А.Б., Алфимова О.А. Проблемы обращения к исполнению определений и постановлений суда по уголовным делам / А.Б. Диваев, О.А. Алфимова // Вестник Кузбасского института. – 2025. – № 1. – С. 144–154.
13. Ярков В.В. Концепция реформы принудительного исполнения в сфере гражданской юрисдикции / В.В. Ярков // Российский юридический журнал. – 1996. – № 2. – С. 30–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дистанова Фирюза Эльвировна – соискатель кафедры уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Distanova Firyuza Elvirovna – Applicant at the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 27.08.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 06.10.2025. The article was submitted 27.08.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 06.10.2025.

REFERENCES

1. Shcherba S.P., Chashchina I. New Law on Prejudice in Criminal Proceedings: Its Subject-Matter and Meaning. *Criminal Law*, 2010, no. 3, pp. 103–109. (In Russian).
2. Kuznetsov E. N. Right to Enforce Judicial Acts in the Russian Federation. *Doct. Diss.* Yekaterinburg, 2022. 440 p.
3. Dikarev I.S. Feasibility of Court Decisions in Criminal Proceeding. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 3, pp. 80–85. (In Russian).
4. Yarkov V.V. (ed.). *Arbitration Procedure*. Moscow, Infotropic Media Publ., 2010. 880 p.
5. Zavadskaya L.N. Implementation of Court Decisions: Theoretical Aspects. Moscow, Nauka Publ., 1982. 141 p.
6. Mantashyan A.O. Enforceability of Court Decisions in the Writings of Mark A. Gurvich. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2016, no. 8, pp. 24–29. (In Russian).
7. Zeider N.B. Court Decision in a Civil Case. Moscow, Legal Literature Publ., 1966. 190 p.
8. Nikiforuk E.O. Enforceability as a Requirement for Court Acts. *Executive Law*, 2013, no. 1, pp. 40–42. (In Russian).
9. Zinoviev K.S. On the Enforceability of Judicial Acts. *Legal Problems of Strengthening Russian Statehood. Collection of Scientific Articles*. Tomsk, 2023, pp. 57–59. (In Russian).
10. Gritsai O.V. Enforcement of Sentences Regarding Property Claims: Procedural Essence, Grounds, and Procedure. *Cand. Diss. Thesis*. Samara, 2007. 24 p.
11. Brilliantov A.V., Kosevich N.R. *Judge's Handbook: Crimes Against Justice*. Moscow, TK Velbi, Prospect Publ., 2008. 560 p.
12. Divaev A.B., Alfimova O.A. Problems of Applying for the Execution of Rulings and Rulings of the Criminal Court. *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2025, no. 1, pp. 144–153. (In Russian).
13. Yarkov V.V. The Concept of the Reform of Compulsory Enforcement in the Sphere of Civil Jurisdiction. *Russian Law Journal*, 1996, no. 2, pp. 30–47. (In Russian).

Научная статья
УДК 342.56
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.17

Original article

НУРМУХАМЕТОВ Руслан Наилевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
ruslan.haker.93@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0002-3639-8340>

NURMUKHAMEDOV Ruslan Nailevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

МЕЖДУ ПРИМИРЕНИЕМ И ФОРМАЛИЗМОМ: КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В РОССИИ

BETWEEN RECONCILIATION AND FORMALISM: CRISIS PHENOMENA IN PRIVATE
PROSECUTION CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Аннотация. Институт частного обвинения, сохраняя свою историческую преемственность с момента реформ 1864 г., занимает особое место в системе российского уголовного судопроизводства и олицетворяет баланс между частными и публичными началами. Однако в последнее время данный институт испытывает системный кризис, обусловленный противоречиями между декларируемой диспозитивностью и фактическим доминированием публично-правовых средств регулирования. Чрезмерная формализация процедуры, процессуальное неравенство сторон, ограничение возможностей для подлинного примирения и организационные проблемы, связанные с перегрузкой мировых судей, подрывают саму сущность частного обвинения как механизма доступного и эффективного правосудия. Цель: анализ кризисных явлений в производстве по уголовным делам частного обвинения и выработка научно обоснованных предложений по его совершенствованию. Методы: исторический метод применен для ретроспективного анализа генезиса рассматриваемого института и выявления его первоначальной сущности; сравнительно-правовой метод – для сопоставления теоретической модели частного обвинения и сложившейся судебной практики; логико-юридический метод и формально-догматический анализ – для исследования действующих уголовно-процессуальных норм, выявления в них противоречий и пробелов; системный анализ позволил рассмотреть частное обвинение как элемент всей системы уголовного судопроизводства, выявить взаимосвязь процессуальных проблем с организационными. Результаты: обнаружен ряд критических процессуальных проблем в системе частного обвинения. Формализация процедуры возбуждения дел частного обвинения, требующая от потерпевшего составления подобия обвинительного акта, приводит к тому, что большая часть заявлений возвра-

Abstract. The institution of private prosecution, maintaining its historical continuity since the reforms of 1864, occupies a special place in the Russian criminal justice system and embodies a balance between private and public principles. However, recently this institution has been facing a systemic crisis, caused by contradictions between its declared dispositive nature and the actual dominance of public law regulatory means. Excessive procedural formalization, procedural inequality of the parties, limited opportunities for genuine reconciliation, and organizational problems associated with the overload of justices of the peace undermine the very essence of private prosecution as a mechanism for accessible and effective justice. Purpose: To analyze the crisis in private prosecution criminal proceedings and to develop scientifically sound proposals for its improvement. Methods: the historical method is used to retrospectively analyze the genesis of the institute in question and to identify its initial essence; the comparative legal method is used to compare the theoretical model of private prosecution and established judicial practice; the logical legal method and the formal dogmatic analysis are used to study the current criminal procedural norms and to identify contradictions and gaps in them; the systemic analysis makes it possible to consider private prosecution as an element of the entire criminal justice system and to reveal the relationship between procedural and organizational problems. Results: The study identifies a number of critical procedural problems in the private prosecution system. The formalization of the procedure for initiating private prosecution cases, requiring the victim to draft a semblance of an indictment, results in the majority of applications being returned by justices of the peace due to non-compliance with formal requirements, thereby discrediting the idea of accessible justice. The institute of reconciliation, historically the core

щается мировыми судьями из-за несоответствия формальным требованиям, что дискредитирует идею доступности правосудия. Институт примирения, исторически являвшийся ядром частного обвинения, подвергся серьезным изменениям: ограничение возможности примирения моментом удаления суда в совещательную комнату лишает стороны гибкости, большинство примирений носят формальный характер, будучи обусловленными либо стремлением суда оптимизировать рабочую нагрузку, либо осознанием потерпевшим невозможности доказать обвинение. Организационные проблемы особенно остро проявляются в условиях чрезмерной нагрузки на мировых судей, что делает невозможным качественное рассмотрение дел, которое основывается на индивидуальном подходе к сторонам, превращая производство в конвейер, где главной целью становится формальное вынесение решения, а не разрешение конфликта.

Ключевые слова: судебная система, мировые судьи, мировая юстиция, правосудие, подсудность, приговор, дела частного обвинения

Для цитирования: Нурмухаметов Р.Н. Между примирением и формализмом: кризисные явления в производстве по уголовным делам частного обвинения в России / Р.Н. Нурмухаметов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 142–151.

of private prosecution, has undergone significant changes: limiting the possibility of reconciliation to the moment the court retires to chambers deprives parties of flexibility, and most reconciliations are formal, being conditioned either by the court's desire to optimize its workload or by the victim's realization of the impossibility of proving the charge. Organizational problems are particularly acute in the context of excessive workload for justices of the peace, making it impossible to provide a quality review of cases that relies on an individual approach to the parties. This turns legal proceedings into a mere production line, where the focus shifts from resolving disputes to the perfunctory issuance of decisions.

Keywords: judicial system, justices of the peace, justice of the peace, justice, jurisdiction, sentence, private prosecution cases

For citation: Nurmukhametov R.N. Between Reconciliation and Formalism: Crisis Phenomena in Private Prosecution Criminal Proceedings in Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 142–151. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.17.

ВВЕДЕНИЕ

Институт частного обвинения, являющийся одним из старейших элементов российской правовой системы, воплощает фундаментальные принципы диспозитивности и частной инициативы в уголовном судопроизводстве. Его сущность заключается в праве потерпевшего самостоятельно инициировать уголовное преследование за деяния, посягающие, прежде всего, на личные права. Исторический путь этого института отражает становление и развитие соотношения частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве, определяемое социально-политическим контекстом эпохи.

Несмотря на богатую историю, в настоящее время имеются недостатки в правовом регулировании мировой юстиции и процедуры рассмотрения уголовных дел частного обвинения, которые проявляются в ряде системных проблем: в чрезмерной формализации процедуры возбуждения дел, создающей непреодолимые барьеры для потерпевших; фактическом неравенстве сторон в процессе

доказывания; сохранении полномочий прокурора по вмешательству в частноправовой спор. Немаловажный фактор, усугубляющий ситуацию, – хроническая загруженность мировых судей, в производстве которых находятся дела частного обвинения, поэтому производство по данной категории дел зачастую приобретает черты формального конвейера, где достижение целей восстановительного правосудия и действительного разрешения конфликта отходит на второй план.

ИСТОРИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Впервые в истории российского уголовного процесса процедура рассмотрения дел частного обвинения была регламентирована в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС)¹, заложившем концептуаль-

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. 1864. Т. 39, № 41476 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=215&part=807 (дата обращения: 04.04.2025).

ные основы этого института. В ст. 5 УУС были закреплены категории дел, возбуждаемых исключительно по жалобе потерпевшего и допускаявших их прекращение через примирение, что отражало диспозитивную природу частного обвинения как «уголовного иска». И.Я. Фойницкий писал, что «обвинение есть тот же иск, но не частный и материальный, как иск гражданский, а публичный и индивидуальный, сообразно особым свойствам уголовного дела... По процессуальной их природе оба являются требованиями, обращаемыми к лицу судебной власти и создающими для последней обязанность производства дела в судебном порядке...» [1, с. 2]. Следует отметить, что УУС предусматривал широкий перечень составов: оскорбление чести, клевета и даже имущественные преступления, совершаемые в отношении близкого родственника. Такая модель базировалась на теории уголовного иска, подчеркивавшей сходство между гражданским и уголовным судопроизводством в сфере защиты частных интересов, где потерпевший выступал равноправной стороной процесса с правом примирения на любой стадии. В.А. Рязановский отмечал, что «...право на иск, будет ли этот иск гражданским, уголовным или административным, имеет одну и ту же природу. Иск есть притязание, обращенное к государству в лице суда о постановлении объективно правильного судебного решения» [2, с. 31]. Правильным является суждение, что «...на ранних стадиях развития государства все дела разрешались в рамках частносудостязательного процесса искового типа, и фактически не существовало различия между гражданским и уголовным судопроизводством» [3, с. 290].

Тезис о единой исковой основе древнего судопроизводства абсолютно верен и подтверждается историко-правовыми исследованиями. Действительно, архаичные правовые системы не знали разделения на уголовное и гражданское судопроизводство, конфликты разрешались в рамках единой «частно-судостязательной» или «исковой» модели. В древнерусском праве любое нарушение воспринималось как «обида» – личный вред, требующий сатисфакции. Процесс начинался исключительно по инициативе потерпевшего через по-

дачу «иска» («требования к обидчику»), а суд выступал арбитром в состязании сторон².

Можно выделить следующие ключевые характеристики универсальной исковой формы, характерной для судопроизводства по делам частного обвинения:

- отсутствие государственного обвинения – процесс инициировался исключительно потерпевшим («обиженным»);
- спор рассматривался как конфликт между конкретными лицами, а не между «лицом и государством»;
- диспозитивность судопроизводства, так как стороны до или во время разбирательства могли заключить «мировое соглашение»;
- наказание заключалось в возмещении ущерба.

Последующее разделение уголовного и гражданского процессов было связано с формированием концепции «публичного вреда» от преступления.

После 1917 г., когда Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. № 1 упразднил мировые суды, опорная структура частного обвинения перестала существовать³. Советский период характеризовался последовательным вытеснением диспозитивных начал в угоду публичным интересам. Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. формально сохранил преследование по частной жалобе за «нарекания, клевету и оскорбления», но ввел идеологический фильтр: исключение из уголовно наказуемых деяний составляли случаи с «хулиганским характером действий» или оскорбление представителей государства⁴.

Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922 и 1923 гг.⁵, закрепив исчерпывающий

2 Русская Правда // Российское законодательство. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 28–132 [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/1874382> (дата обращения: 05.07.2025).

3 О суде : декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК от 06.10.1918 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Об уголовно-процессуальном кодексе (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 25.05.1922 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 15.02.1923 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

перечень преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения (умышленные легкие телесные повреждения, побои, клевета и оскорбление), принципиально порвали с дореволюционной традицией, что отражало идеологический поворот к доминированию публичных начал в уголовном судопроизводстве. По сравнению с УУС, который относил достаточно большое количество составов к делам частного обвинения, советский законодатель сознательно сузил эту сферу. Сужение не было техническим, а носило системный характер и отражало концептуальный отказ от понимания преступления как «обиды», требующей удовлетворения. Важно отметить, что, несмотря на отсутствие легального определения дел частного обвинения и рассредоточенность соответствующих норм в тексте кодексов, сам факт их сохранения в условиях тотальной перестройки правовой системы на публичных началах свидетельствует о практической невозможности полностью устранить элемент частной инициативы из уголовного преследования. Однако данное правовое регулирование имело урезанный характер, так как право прокурора в любой момент вступить в дело «в целях охраны публичного интереса» (ст. 10 УПК РСФСР 1923 г.) фактически подчиняло частное обвинение государственной воле, лишая его ключевого диспозитивного элемента – безусловного права потерпевшего на примирение с обвиняемым.

Таким образом, УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. не развивали, а ограничивали институт частного обвинения, превращая его из полноценного механизма защиты частного права в узкую, контролируруемую государством процедуру для второстепенных конфликтов.

УПК РСФСР 1960 г.⁶ формально сохранил производство по делам частного обвинения, но окончательно подчинил его логике публичности, что стало апогеем идеологического неприятия диспозитивных начал в советском уголовном процессе. Несмотря на отсутствие в Кодексе термина «частное обвинение», законодатель закрепил в ст. 27 право прокурора не только вступать в любое дело, но и возбуждать его без жалобы потерпевшего под пред-

логом «особого общественного значения» или «беспомощного состояния» потерпевшего и тем самым институционально утвердил верховенство государственной воли над частным интересом. Эта законодательная конструкция, где потерпевший был низведен до статуса пассивного заявителя, а его право на распоряжение обвинением стало условным, получила полное теоретическое обоснование в господствующей доктрине. Ученые-процессуалисты единодушно трактовали диспозитивность как чуждый «буржуазный» пережиток, а частное обвинение – как аномалию, противоречащую плановости и целесообразности советского правосудия [4, с. 152]. Таким образом, УПК РСФСР 1960 г. завершил трансформацию частного обвинения из правового механизма защиты личности в инструмент государственного контроля над частным конфликтом.

В УПК РФ нормы о частном обвинении выделены в отдельную главу «Производство по уголовным делам, подсудным мировому судье». Законодатель, вопреки радикальным предложениям советских теоретиков об упразднении института, не только сохранил частное обвинение, но и структурно обособил его регулирование, что можно расценить как частичную реабилитацию частных начал уголовного судопроизводства.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Возрождение института частного обвинения, несмотря на цель законодателя повысить доступность правосудия, не обошлось без комплекса системных проблем, обусловленных как внутренними процессуальными противоречиями, так и отдельными условиями его реализации. Ключевой парадокс современной модели заключается в формальном признании частных начал при сохранении доминирующей роли публичных, что порождает фундаментальный дисбаланс между правами частного обвинителя и его реальными процессуальными возможностями. В соответствии с УПК РФ дела частного обвинения подсудны мировому судье. Однако имеется ограничение, связанное с тем, что «...к юрисдикции мирового судьи относятся лишь те дела частно-

⁶ Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с кодексом) : Закон РСФСР от 27.10.1960 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

го обвинения, по которым лицо, совершившее преступление, известно потерпевшему, когда вопрос о раскрытии преступления вообще не стоит, и именно поэтому в участии государственных органов уголовного преследования нет необходимости»⁷.

К делам частного обвинения относятся уголовные дела о следующих преступлениях: умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 116.1 УК РФ), клевета (ч. 1 ст. 128.1 УК РФ). В работах процессуалистов можно встретить предложение расширить перечень дел частного обвинения за счет включения некоторых преступлений публичного обвинения и тем самым адаптировать уголовный процесс к специфике межличностных конфликтов, особенно в семейно-бытовой сфере. Однако реализация этого предложения требует тщательного анализа преимуществ, рисков и возможных правовых коллизий [5, с. 22].

В качестве аргументов «за» можно назвать:

- перевод части дел публичного обвинения в частное обвинение уменьшит объем работы следственных органов;

- потерпевший получит возможность самостоятельно инициировать и контролировать производство по делу в полном объеме, что повышает его доверие к судебной системе.

Доводами «против» являются:

- сложность доказывания для потерпевшего. Например, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 117 и 121 УК РФ, требуют производства медицинских экспертиз и профессионального расследования. Потерпевший, не имея доступа к ресурсам следствия, может оказаться не в состоянии собрать доказательства;

- проблемы квалификации. Например, по делам о причинении тяжкого вреда по неосторожности требуется установление формы вины, что для частного обвинителя станет сложной задачей [6].

Параллельно с обоснованием необходимости сохранения и совершенствования института частного обвинения в доктрине уголовного

процесса существует и принципиально иная, критическая позиция, представители которой ставят под сомнение саму целесообразность его выделения в качестве самостоятельной формы судопроизводства. Сторонники этого подхода, опираясь на строго публичную природу современного уголовного права, утверждают, что обвинение по своей сути всегда является публичным. Они рассматривают жалобу потерпевшего по делам так называемого частного обвинения не как акт выдвижения обвинения, а лишь как процессуальный повод для возбуждения уголовного дела, после чего государство в лице суда принимает на себя всю полноту ответственности за разрешение уголовно-правового конфликта.

В.С. Джатиев указывает, что «обвинение всегда публично, а особенности возбуждения и прекращения отдельных категорий уголовных дел не имеют прямого отношения к обвинению... по делам частного обвинения никакого обвинения быть не может, поскольку обвинение потерпевшего (его жалоба) является не чем иным, как поводом к возбуждению уголовного дела, и не может расцениваться как акт привлечения в качестве обвиняемого» [7, с. 18]. А по мнению Н.В. Азарёнка, «дела частного обвинения предстают в привычном смешанном уголовном производстве континентального типа как "кусочек" состязательной англосаксонской системы, и казалось бы, должны стать "образцом для подражания" в развитии всей уголовно-процессуальной деятельности в состязательном направлении» [8, с. 21].

Особенности возбуждения и прекращения дел рассматриваемой категории, связанные с волей потерпевшего, являются лишь частными случаями действия диспозитивности в рамках единого, публичного по своей сути уголовного процесса и не образуют достаточных оснований для конструирования отдельной процессуальной формы. Так, жалоба частного лица не может быть приравнена к акту привлечения в качестве обвиняемого, исходящему от органа государственного уголовного преследования, поскольку частный обвинитель не обладает властными полномочиями и не несет той же процессуальной ответственности. Эта точка зрения акцентирует внимание на том, что ключевые процессуальные действия (исследование доказательств, юри-

⁷ Безлепкина Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 11-е изд., перераб. и доп. М., 2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дическая квалификация, постановление приговора) остаются прерогативой государственного органа – мирового судьи, что, по мнению критиков, низводит специфику частного обвинения до уровня второстепенной процедуры возбуждения. Данная позиция, являясь прямым отголоском советской процессуальной доктрины с ее акцентом на всеобъемлющую публичность, подчеркивает внутренние противоречия современной модели, в которой декларируемая диспозитивность постоянно ограничивается императивными нормами и контролем со стороны государства.

Мы абсолютно не согласны с такой позицией и считаем важным наличие института частного обвинения в современной России. В.В. Дорошковым верно отмечено: «деятельность потерпевших по делам частного обвинения является не чем иным, как выполнением обвинительной функции, осуществление которой государство оставило за жертвами преступлений» [9, с. 25].

Острой проблемой остаются процессуальные коллизии возбуждения дел частного обвинения. Требования к форме и содержанию заявления, установленные ч. 5 ст. 318 УПК РФ, фактически возлагают на потерпевшего обязанность по составлению подобия обвинительного акта: необходимо указать данные о подсудимом, описать событие преступления, перечислить доказательства и свидетелей. Однако, в отличие от государственного обвинителя, частный обвинитель не обладает достаточными полномочиями по сбору доказательств. Анализ материалов судебной практики позволяет сделать вывод, что до 40 % заявлений возвращаются мировыми судьями именно из-за формальных несоответствий, а это дискредитирует саму идею доступности правосудия⁸.

Роль прокурора и мирового судьи в делах частного обвинения имеет внутренние противоречия. Право прокурора вступить в дело на любой стадии (ч. 4 ст. 20, ч. 3 ст. 318 УПК РФ), хотя и формально направленное на защиту публичных интересов, на практике может привести к произвольному вмешательству в

частноправовой спор. Это вмешательство, лишаящее стороны права на примирение, противоречит самой природе частного обвинения как механизма защиты личных, а не государственных интересов. Деятельность мирового судьи также характеризуется двойственностью: с одной стороны, он должен сохранять нейтральность арбитра, с другой – вынужден активно помогать частному обвинителю в собирании доказательств (ч. 2 ст. 319 УПК РФ). Эта помощь, однако, несистемна и зависит от усмотрения конкретного судьи, что приводит к неравенству правовых позиций сторон в зависимости от судебного участка.

Проблема переквалификации тоже может создавать определенные трудности. Если в ходе судебного разбирательства выяснится, что деяние содержит признаки более тяжкого преступления, не относящегося к частному обвинению, мировой судья обязан прекратить производство и направить материалы руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения (ч. 6 ст. 321 УПК РФ). Эта процедура, формально нацеленная на обеспечение законности, на практике может привести к волоките и многократному увеличению сроков рассмотрения уголовного дела. Потерпевший, уже прошедший через процедуру частного обвинения, будет вынужден заново проходить стадию предварительного расследования, что свидетельствует о системной разобщенности между разными формами уголовного преследования.

Организационные проблемы, прежде всего чрезмерная нагрузка на мировых судей, также усугубляют положение частного обвинения. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, на одного мирового судью в среднем приходится более 30 дел частного обвинения в месяц, что делает невозможным качественное проведение примирительных процедур и исключает индивидуальный подход к сторонам [11, с. 43]. В этих условиях производство по делам частного обвинения приобретает черты конвейера, где главной целью становится не разрешение конфликта, а формальное вынесение решения.

Институт примирения сторон, составляющий историческое ядро частного обвинения,

⁸ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018–2024 гг. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).

на современном этапе тоже подвергся существенной деформации. Ограничение возможности примирения моментом удаления суда в совещательную комнату (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) лишает стороны гибкости, характерной для дореволюционной модели. Более серьезной проблемой является формализация примирительных процедур. Анализ судебной практики свидетельствует, что до 70 % примирений совершаются под давлением судей, заинтересованных в снижении нагрузки, либо вследствие осознания потерпевшим невозможности доказать обвинение [10, с. 149]. Такое «вынужденное примирение» не только не разрешает конфликт, но и дискредитирует саму идею восстановительного правосудия. Слабое развитие досудебной медиации, которая могла бы стать эффективной альтернативой, усугубляет эту проблему.

Все указанные недостатки свидетельствуют о глубоком системном кризисе института частного обвинения. Сохраняя внешние атрибуты диспозитивности, современная модель фактически воспроизводит советскую парадигму подчинения частного интереса публичному, лишая потерпевшего реальной процессуальной автономии. Решение существующих проблем требует концептуального пересмотра места и роли частного обвинения в системе уголовного судопроизводства с учетом как исторического опыта, так и современных потребностей в эффективном и справедливом правосудии.

Пути совершенствования института частного обвинения

Какие меры по модернизации института частного обвинения, включая процессуальные, организационные и технологические новации, способны восстановить его исковую природу и обеспечить реальную доступность правосудия?

Упрощение процедуры возбуждения дел частного обвинения и обеспечение доступа к правосудию – первоочередная задача, поскольку чрезмерно формализованный порядок подачи заявления создает непреодолимые барьеры. Волонтерская помощь является одним из возможных средств решения данной проблемы. Такая помощь необходима для разъяснения порядка обращения и оказания содействия в составлении заявлений. Ее могут

оказывать сотрудники бесплатных первичных юридических консультаций, организованных при судах, или студенты-юристы выпускных курсов, которых необходимо наделить правом участия в судебных заседаниях.

Создание эффективных механизмов содействия в доказывании необходимо для преодоления кризиса состязательности, вызванного тем, что бремя доказывания целиком возложено на частного обвинителя. Закрепление в УПК РФ процедуры, предусматривающей обязательное содействие сторонам мировым судьей в собирании доказательств (например, медицинских документов, записей с камер видеонаблюдения, официальных справок), стало бы важной гарантией равенства сторон. Наиболее радикальной, но эффективной мерой могло бы стать возрождение института судебных следователей – должностных лиц при суде, уполномоченных по поручению судьи проводить отдельные следственные действия для установления фактических обстоятельств дела по ходатайству стороны. Это особенно актуально в условиях, когда частный обвинитель не обладает полномочиями по собиранию доказательств.

Развитие примирительных процедур и восстановительного правосудия является одним из способов повышения эффективности правосудия по уголовным делам частного обвинения. Досудебное примирение позволит разгрузить суды и разрешать конфликты в более неформальной обстановке и в кратчайшие сроки. Повышение эффективности судебной медиации должно включать введение обязательной специальной подготовки мировых судей и их помощников в области медиативных техник, а также законодательное закрепление возможности отложения разбирательства для проведения примирительных процедур.

Медиация, как процедура переговоров с участием нейтрального посредника (медиатора), основана на принципах добровольности, конфиденциальности, беспристрастности и равноправия сторон. Ключевые преимущества, подтвержденные практикой применения во многих странах мира, делают ее эффективным инструментом для урегулирования дел частного обвинения.

Мы считаем, что преимуществами медиации по делам частного обвинения являются следующие:

– процедура медиации обычно требует меньше времени и финансовых затрат, нежели полноценное судебное разбирательство, что снижает процессуальные издержки сторон;

– в отличие от судебного процесса, который часто обостряет конфликт, медиация позволяет сторонам сохранить или восстановить нормальные отношения. Это особенно ценно в спорах между соседями, родственниками, коллегами;

– соглашение, достигнутое в ходе медиации, в большей степени удовлетворяет интересы обеих сторон, поскольку выработано ими самостоятельно. Как следствие, такие соглашения исполняются добровольно, так как стороны чувствуют свою ответственность за достигнутый результат;

– при наличии доброй воли сторон вероятность достижения согласия в процедуре медиации, по оценкам практиков, превышает 80 %, что свидетельствует о ее высокой эффективности в урегулировании конфликтов [12, с. 185].

Примеры из судебной практики также иллюстрируют положительные стороны процедуры медиации. Так, в производстве мирового судьи судебного участка № 4 по г. Октябрьский Республики Башкортостан рассматривалось уголовное дело о клевете (ст. 128.1 УК РФ). Стороны занимали непримиримую позицию, что могло привести к длительному и затратному судебному разбирательству с непредсказуемым результатом. После прохождения процедуры медиации стороны не только урегулировали спор, но и принесли извинения друг другу, восстановив добрососедские отношения⁹.

Для того чтобы медиация стала эффективным инструментом, необходимы скоординированные усилия государства, профессионального сообщества и образовательных учреждений по следующим ключевым направлениям.

1. Просветительская работа и популяризация примирительных процедур. В российском правовом поле до сих пор сохраняется значительный информационный барьер, препятствующий развитию медиации. Согласно некоторым исследованиям около 51 % клиентов юридических фирм практически ничего не

знают о медиации, 28 % знакомы с ней лишь поверхностно [13, с. 12]. В этой связи необходимы масштабные информационные кампании, разъясняющие гражданам и организациям преимущества процедуры медиации.

2. Качественная подготовка медиаторов и формирование профессиональной среды. Крайне важно владение медиаторами не только правовыми, но и психологическими и коммуникативными техниками. Для отдельных регионов России особую значимость приобретает подготовка медиаторов, знакомых с местными обычаями и традициями, что повысит уровень доверия к процедуре и ее эффективность.

3. Законодательное обеспечение и исполнение медиативных соглашений. Основной опасностью использования альтернативных методов разрешения споров является тревога относительно юридической силы достигнутых соглашений. В этой связи необходимо законодательно закрепить процедуру утверждения мирового соглашения, достигнутого в результате медиации по уголовным делам, подсудным мировым судьям. Это позволит имплементировать в уголовный процесс принципы восстановительного правосудия.

4. Обеспечение надежных механизмов принудительного исполнения медиативных соглашений, чтобы придать сторонам уверенность в достижении результата.

5. Интеграция онлайн-платформ и цифровых технологий, использование которых способно совершить переворот в доступности медиации. Онлайн-медиация снимает географические барьеры, экономит время и ресурсы участников, может проводиться через удобные и безопасные платформы.

6. Применение систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), в первую очередь для автоматизации рутинных процессуальных действий, что позволит автоматически проверять соответствие заявлений частного обвинителя требованиям закона, выявлять формальные недостатки и снижать количество возвратов заявлений.

ИИ может применяться и для формирования типовых проектов процессуальных документов, осуществлять предварительную категоризацию дел по степени сложности и приоритетности рассмотрения, что позволит оптимизировать распределение нагрузки на судей.

⁹ Архив судебного участка № 4 по г. Октябрьский Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-7/2023.

Специализированные ИИ-сервисы могут оказывать информационную поддержку при рассмотрении дел частного обвинения:

- осуществлять анализ судебной практики по аналогичным делам;
- проверять наличие оснований для прекращения дела в связи с примирением сторон;
- выявлять противоречия в показаниях сторон и формировать перечень обстоятельств, требующих дополнительного установления.

Компенсация дисбаланса в возможностях сторон по собиранию доказательств с использованием технологий ИИ может включать:

- разработку доступных онлайн-инструментов для формирования доказательственной базы;
- создание интеллектуальных шаблонов для подготовки ходатайств об истребовании доказательств;
- внедрение систем автоматизированного анализа представленных доказательств на предмет их относимости и допустимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования выявлены проблемы в системе частного обвинения, которые свидетельствуют о наличии кризиса данного института. Современная модель, сохраняя формальные атрибуты диспозитивности, фактически воспроизводит советскую парадигму подчинения частного интереса публичному, что лишает потерпевшего реальной процессуальной автономии. Анализ показал, что ключевые проблемы включают чрезмерную формализацию процедуры возбуждения дел, значительную деформацию института примирения,

а также высокий уровень нагрузки на мировых судей. Проблемы переквалификации деяний, возможности вмешательства должностных лиц в разбирательство по делам частного обвинения и неравенство сторон в процессе доказывания усугубляют кризисную ситуацию, превращая производство по делам частного обвинения в конвейер, где главной целью становится формальное вынесение решения, а не разрешение конфликта.

Полученные результаты исследования подтверждают необходимость концептуального пересмотра места и роли частного обвинения в системе уголовного судопроизводства с учетом исторического опыта и современных потребностей в эффективном и справедливом правосудии. Для восстановления исковой природы института предлагаются следующие меры:

- упрощение процедуры возбуждения дел через волонтерскую помощь и консультационные службы;
- создание эффективных механизмов содействия в доказывании;
- развитие примирительных процедур с включением судебной медиации и законодательное закрепление ее принципов;
- внедрение цифровых технологий и ИИ для автоматизации процессуальных действий.

Реализация этих предложений позволит повысить доступность правосудия, восстановить равенство сторон и вернуть институту частного обвинения его историческую роль как механизма защиты личных прав, что в конечном итоге повысит доверие граждан к судебной системе и обеспечит более эффективное разрешение межличностных конфликтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – Санкт-Петербург, 1912. – Т. 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litres.ru/i-foynickiy/kurs-ugolovno-go-sudoproizvodstva-tom-i/> (дата обращения: 05.07.2025).
2. Рязановский В.А. Единство процесса : монография / В.А. Рязановский. – Москва : Городец, 2024. – 80 с.
3. Жирова М.Ю. Исковая природа частного обвинения / М.Ю. Жирова // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – № 4 (85). – С. 289–295.

REFERENCES

1. Foinitsky I.Ya. Course of Criminal Procedure. 3rd ed. Saint Petersburg, 1912. Vol. 2. Available at: <https://www.litres.ru/i-foynickiy/kurs-ugolovno-go-sudoproizvodstva-tom-i/>.
2. Ryazanovsky V. A. Unity of the Process. Moscow, GorodetsPubl., 2024. 80 p.
3. Zhirova M.Yu. The Claimous Nature of Private Prosecution. *Bulletin of Samara State University*, 2011, no. 4 (85), pp. 289–295. (In Russian).
4. Yakub M.L. Democratic Foundations of Soviet Criminal Procedure Law. Moscow, 1960. 169 p.

4. Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / М.Л. Якуб. – Москва, 1960. – 169 с.
5. Апостолова Н.Н. Изменения в производстве у мирового судьи : дела честного обвинения и судебный штраф / Н.Н. Апостолова // Российский судья. – 2017. – № 4. – С. 21–25.
6. Балакшин В.С. Как обеспечить свободный доступ потерпевших к правосудию по делам частного / В.С. Балакшин // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти П.А. Лупинской. – Москва : Элит, 2011. – С. 298–305.
7. Джатиев В.С. Обвинение и защита / В.С. Джатиев // Российская юстиция. – 1995. – № 3. – С. 17–19.
8. Азарёнок Н.В. Упразднение дел частного обвинения как проявление поиска баланса публичного и частного интересов в современном отечественном уголовном процессе / Н.В. Азарёнок // Мировой судья. – 2022. – № 4. – С. 20–22.
9. Дорошков В.В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения / В.В. Дорошков. – Москва, 2001. – 272 с.
10. Кузбагаров Э.А. Примирение и посредничество как способы разрешения конфликтов (споров): от догосударственных сообществ по настоящее время / Э.А. Кузбагаров, В.А. Максимов // КриминалистЪ. – 2025. – № 1. – С. 143–151.
11. Гизатуллин И.А. Судебная нагрузка в российской системе правосудия и способы ее оптимизации / И.А. Гизатуллин // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 42–49.
12. Мицкая Е.В. Медиация и ее применение в уголовном процессе Франции / Е.В. Мицкая // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 7 (199). – С. 183–187.
13. Климова Я.А. Медиативные процедуры в уголовном судопроизводстве / Я.А. Климова, М.С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 4 (59). – С. 10–14.
5. Apostolova N.N. Changes of the Magistrate Proceedings: Private Prosecution Cases and Court Fine. *Russian Judge*, 2017, no. 4, pp. 21–25. (In Russian).
6. Balakshin V.S. How to Ensure Free Access of Victims to Justice in Private Cases. *Proof and Decision-Making in Modern Criminal Proceedings. Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of P.A. Lupinskaya*. Moscow, Elit Publ., 2011, pp. 298–305. (In Russian).
7. Dzhatiev V.S. Prosecution and Defense. *Russian Justice*, 1995, no. 3, pp. 17–19. (In Russian).
8. Azarenok N.V. Cancellation of Private Prosecution Cases as Manifestation of the Search for a Balance of Public and Private Interests in the Modern National Criminal Procedure. *Magistrate judge*, 2022, no. 4, pp. 20–22. (In Russian).
9. Doroshkov V.V. Guide for Magistrates. Private Prosecution Cases. Moscow, 2001. 272 p.
10. Kuzbagarov E.A., Maksimov V.A. Reconciliation and Mediation as Ways to Resolve Conflicts (Disputes): From Pre-Governmental Communities to the Present. *Criminalist*, 2025, no. 1, pp. 143–151. (In Russian).
11. Gizatullin I.A. Judicial Workload in the Russian Justice System and Ways to Optimize It. *Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 42–49. (In Russian).
12. Mitskaya E.V. Mediation and its Application in French Criminal Proceedings. *Law and State: The Theory and Practice*, 2021, no. 7 (199), pp. 183–187. (In Russian).
13. Klimova Ya.A., Kolosovich M.S. Mediative Procedures in Criminal Proceeding. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (59), pp. 10–14. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нурмухаметов Руслан Наилевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Институт права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nurmukhametov Ruslan Nailevich – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 29.10.2025; принята к публикации 29.10.2025. The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 29.10.2025; accepted for publication 29.10.2025.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2025.4.18

Original article

ПОЛЕЩУК Максим Сергеевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
poleshchuk_maksim@internet.ru

POLESHCHUK Maxim Sergeevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОПОЗНАЮЩЕГО

CRIMINALISTIC STUDY OF THE PERSONALITY OF A MINOR EYEWITNESS

Аннотация. Проблема участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве не теряет актуальности. В этой связи особое значение приобретает выявление закономерностей и разработка тактических рекомендаций по производству следственных действий с их участием. Предъявление для опознания как одно из средств добывания доказательств предполагает задействование различных психических процессов несовершеннолетнего и межличностное взаимодействие со следователем, реализация чего крайне затруднительна без изучения личности опознающего лица. Цель статьи – выявление отдельных свойств личности несовершеннолетнего опознающего и обоснование значения деятельности по их изучению для повышения эффективности производства предъявления для опознания. Методы исследования: метод анализа позволил выявить характерные черты каждого элемента системы свойств личности несовершеннолетнего; метод синтеза – очертить круг наиболее значимых для производства предъявления для опознания свойств личности; системно-структурный метод использовался при рассмотрении отдельных элементов криминалистической характеристики в их взаимосвязи; функциональный метод способствовал обоснованию практического значения деятельности по криминалистическому изучению личности несовершеннолетнего для решения задач предъявления для опознания. В результате проведенного исследования сделан вывод о значимости биологических, социально-демографических и нравственных свойств личности несовершеннолетнего опознающего для уяснения процесса восприятия, запечатления, сравнения и трансляции информации об особенностях опознаваемого объекта, а также для повышения эффективности установления психологического контакта с несовершеннолетним.

Abstract. The issue of minors' participation in criminal proceedings remains relevant. In this regard, identifying patterns and developing tactical recommendations for investigative actions involving their participation is of particular importance. Identification parade, as a means of obtaining evidence, involves minor's various mental processes and interpersonal interaction with the investigator. Its effective implementation is extremely difficult without studying the eyewitness's personality. The purpose of this article is to identify the minor eyewitness's individual personality traits and to substantiate the importance of studying them in order to improve the efficiency of identification parade. Research methods: The analysis method allows to identify the characteristic features of each element of the minor's personality trait system; the synthesis method helps to outline the range of personality traits most significant for identification parade production; the systemic-structural method is used to consider individual elements of the criminalistic characteristics in their interrelation; the functional method contributes to substantiating the practical importance of activities related to the criminalistic study of a minor's personality in solving identification parade tasks. The study concludes that the biological, socio-demographic, and moral characteristics of a minor eyewitness are significant for understanding the process of perception, imprinting, comparison, and transmission of information about the features of the identified object, as well as for enhancing the effectiveness of establishing psychological contact with the minor.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая тактика, следственное действие, предъявление для опознания, несовершеннолетний, характеристика личности

Для цитирования: Полещук М.С. Криминалистическое изучение личности несовершеннолетнего опознающего / М.С. Полещук. – DOI 10.33184/pravgos-2025.4.18 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 152– 159.

Keywords: criminalistics, criminalistic tactics, investigative action, identification parade, minor, personality characteristics

For citation: Poleshchuk M.S. Criminalistic Study of the Personality of a Minor Eyewitness. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 4, pp. 152– 159. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.4.18.

ВВЕДЕНИЕ

Производство вербальных следственных действий, к которым относится предъявление для опознания, предполагает обязательное изучение личности его несовершеннолетнего участника. Результат данной деятельности, по верному замечанию Р.А. Варфоломеева, позволяет наиболее эффективно устанавливать и поддерживать психологический контакт с участником следственного действия, правильно применять тактические приемы [1, с. 359]. Стоит отметить, что применительно к производству предъявления для опознания сведения о личности несовершеннолетнего позволяют определить целесообразность производства следственного действия и прогнозировать возможность достижения его целей, поскольку особенности развития лица в несовершеннолетнем возрасте оказывают влияние на психологические и физиологические аспекты восприятия, запечатления, формирования мысленного образа объекта, его соотношение со схожими объектами, выделение общих и особенных свойств. Более того, сведения о личности позволяют прогнозировать поведение несовершеннолетнего, в том числе сообщение им недостоверных сведений. Как верно заметила А.Ф. Халиуллина, проблема определения степени достоверности показаний несовершеннолетнего возникает достаточно часто и нуждается в решении [2, с. 217].

Характеристику личности несовершеннолетнего опознающего, как и любой познавательный процесс в рамках следственной деятельности, необходимо представлять в виде криминалистически значимой системы данных. По мнению Н.И. Малыхиной, система свойств лица в рамках криминалистического

изучения включает три элемента: социальные, биологические, психические свойства. При этом акцентируется внимание на психических свойствах, которые, по мнению автора, являются связующим звеном между биологическими, социальными и специфичными проявлениями поведения этого лица [3, с. 88–89]. Признавая, что психические свойства являются связующими, отметим, что ими роль в поведении несовершеннолетнего не ограничивается, они сами зависят от физического состояния человека и от окружающей его среды.

В рамках настоящего исследования целесообразно остановиться на указанных трех группах свойств, характеризующих личность несовершеннолетнего, как взаимозависимых элементах и обосновать значение использования данных о них для повышения эффективности производства предъявления для опознания.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ

Результаты исследования эмпирического материала показывают, что преобладающей разновидностью опознания является опознание по признакам внешности. Указанное обстоятельство свидетельствует о необходимости заострить внимание на особенностях зрительного восприятия объектов несовершеннолетними.

Согласно ранее проведенным научным исследованиям существуют особенности восприятия детьми объектов окружающей действительности. Более того, в зависимости от возраста несовершеннолетнего данный процесс также обладает определенными особенностями. К примеру, у дошкольников внимание в первую очередь концентрируется на

форме предмета, в дальнейшем воспринимается его размер и цвет [4, с. 190]. Дети в возрасте 4–5 лет способны сопоставлять форму предметов с известными им геометрическими фигурами. Это позволяет формировать эталонное представление о воспринятых объектах [5, с. 92]. Используя данные эталоны в процессе допроса, предшествующего опознанию, несовершеннолетний может на примитивном уровне описать форму предмета (например, кошелек квадратной формы).

Установление возможности восприятия объекта в условиях места совершения преступления в рамках оценки достоверности показаний несовершеннолетнего предполагает учет возможностей поля зрения человека. Следует отметить, что данный показатель существенно различается у детей и взрослых. Размер поля зрения у детей приближается к сопоставимым со взрослыми показателям лишь к 7 годам, но и в этом возрасте он составляет только примерно 80 % от размера поля зрения взрослого [4, с. 190].

Визуальное детское восприятие, согласно данным научных исследований, характеризуется наличием ярко выраженного иллюзорного эффекта. У несовершеннолетних сила иллюзий выше, по сравнению со взрослыми [6, с. 91]. Указанное обстоятельство повышает вероятность искажений при формировании образа воспринимаемого объекта. Минимизация негативных последствий этого явления для результатов предъявления для опознания предполагает тщательное изучение следователем совокупности объективных условий, сложившихся на момент восприятия несовершеннолетним объекта, диагностирование поведения опознающего в ходе следственного действия и детальную оценку идентификационных признаков объекта, на которые указал несовершеннолетний.

Существенное влияние на возможности сохранения мысленного образа ранее запечатленного объекта оказывают физиологические особенности функционирования памяти в несовершеннолетнем возрасте. Неточности в запоминании особенностей объектов у детей младшего возраста зачастую зависят от связывания отдаленных событий по случайному признаку [7, с. 349–350]. Указанная особенность влечет существенные затруднения при

оказании несовершеннолетнему опознающему помощи в припоминании отдельных характерных признаков искомого объекта и требует кропотливой работы по активизации у него ассоциативных связей.

Активизация процессов произвольности запоминания, повышения его активности и воспроизводимости свойственна лицам школьного возраста. Однако такие особенности его начального периода, как затруднение при выделении главного и фокусирование на нем, оказывают негативное влияние на качество запоминания [8, с. 72].

В подростковый период происходят качественные изменения, характеризующиеся увеличением объема памяти, избирательностью запоминания, повышением точности и системности воспроизводимого материала. В данном возрасте лица в большей степени способны использовать смысловое воспоминание [9, с. 106]. Рассмотренные особенности позволяют охарактеризовать подростковый период как наиболее благоприятный для решения задач предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего.

В рамках рассмотрения биологических свойств необходимо обратить внимание на темперамент личности. Исследование данного вопроса в текущем разделе связано с тем, что темперамент строится на основе свойств нервной системы, а именно на особенностях условно-рефлекторной деятельности [10, с. 8].

В настоящее время в литературе выделяют четыре типа темперамента: сангвиник, флегматик, холерик, меланхолик [11, с. 29].

Общительность и повышенная психическая активность несовершеннолетнего-сангвиника положительно влияют на характер взаимодействия в ходе производства предъявления для опознания. В то же время такая негативная черта несовершеннолетних, как беззаботность, влечет необходимость тратить больше времени на формирование настроения на сообщении достоверных сведений об интересующем органы предварительного расследования объекте.

Особенностью взаимодействия с флегматиком в рамках производства предъявления для опознания является необходимость предоставить ему больше времени для адаптации к условиям места производства следственного действия и окружающим лицам.

Вызвано это такими свойствами данных лиц, как пассивность поведения и невысокая активность психики.

Участие в производстве предъявления для опознания несовершеннолетнего-холерика повышает риск возникновения конфликтной ситуации. Связано это с тем, что данным лицам свойственна агрессивность поведения и резкая смена настроения. Еще одним свойством личности представителей данной группы является импульсивность, которая оказывает влияние на сам процесс отождествления и может выражаться в ложном опознании предъявленного объекта на основе эмоциональной составляющей.

Проблема участия в следственном действии меланхолика зачастую связана с затруднениями в мотивировании несовершеннолетнего к активному взаимодействию и сообщению информации как в ходе предъявления для опознания, так и в ходе допроса, ему предшествующего, в силу доминирования у представителей данной группы отрицательных эмоций, в том числе страха, вызванного предвидением неблагоприятных для несовершеннолетнего последствий избличения лица, совершившего преступление. При возникновении данной ситуации следователю требуется прилагать значительные усилия по психологической подготовке несовершеннолетнего с целью преодоления боязни. Повышенная утомляемость, свойственная представителям данной группы, требует достаточно быстрого проведения следователем всех подготовительных мероприятий, последовательной и эмоционально спокойной координации действий опознающего.

Среди биологических свойств личности несовершеннолетнего опознающего особое внимание обращает на себя состояние его психического здоровья. Исследование данного вопроса позволяет определить влияние психических аномалий не только на порядок производства следственного действия, но и на психический процесс формирования мысленного образа и его сопоставление с предъявленными для опознания объектами. Например, лица с шизотипическим расстройством характеризуются снижением волевого компонента, затруднительностью выделения сигнала из шума, слабостью зрительно-

го представления, их мышление не отражает связь между прошлым и текущим опытом [12, с. 104–105]. Указанные характеристики оказывают неблагоприятное воздействие на возможности опознающего, связанные с существенными затруднениями в соотношении образа, сохранившегося в памяти, с объектами, предъявленными для опознания.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ

Ключевым элементом социально-демографической характеристики личности несовершеннолетнего опознающего является его возраст. Выделение различных периодов взросления позволяет дифференцировать опознающих в зависимости от особенностей проявления эмоций и когнитивных способностей с целью системной и индивидуализированной разработки и эффективного применения тактических рекомендаций.

По справедливому замечанию И.А. Макаренко и Р.И. Зайнуллина, развитие ребенка необходимо представлять в виде процесса, состоящего из нескольких последовательно сменяющих друг друга этапов [13, с. 162]. В современной педагогической и психологической литературе предложены различные возрастные периодизации.

Стоит отметить, что и в криминалистике предпринимались попытки рассмотрения возрастных периодов развития детей, имеющих значение для определения тактики производства следственных действий.

Выделяют следующие стадии развития:

1) возраст 3–7 лет характеризуется фрагментарностью восприятия, произвольностью памяти, легкостью запечатления только заинтересовавшей информации, небольшим словарным запасом;

2) возраст 8–10 лет характеризуется повышением детализации воспринятой информации, появлением способности выделять главное из общей картины воспринятого. В то же время ярко проявляется повышенная внушаемость;

3) возраст 11–13 лет характеризуется более осмысленным восприятием, сознательностью и целенаправленностью запоминания;

4) возраст 14–15 лет связывают со снижением общей работоспособности, косноязычной речью, проявлением феномена воображаемой аудитории, уникальностью личных переживаний и убежденностью в собственной неуязвимости;

5) представителям возрастной группы 16–17 лет свойственны умение подражать определенным образам, возможность волевого достижения цели, избирательный и доверительный характер общения [14, с. 47–52].

Проблемы, возникающие в ходе производства предъявления для опознания с детьми в возрасте 3–7 лет, зачастую связаны с затруднением формирования целостного образа отдельных объектов. Если произошедшее событие или отдельный объект не вызвал ярких эмоций, то несовершеннолетний, как правило, не обращает на него внимания, вследствие чего не способен сформировать мысленный образ данного объекта. На результатах предъявления для опознания также негативно сказываются недостаток словарного запаса для описания отличительных признаков объекта, непонимание значения некоторых слов, применение их в не общепотребительном значении.

В возрасте 8–10 лет начинают активно проявляться результаты начала образовательной деятельности в виде развития внимания и совершенствования мыслительных процессов. В то же время на начальном этапе дети все еще путают похожие, но не тождественные объекты, легко отвлекаются от главного на второстепенное [15, с. 155]. Данные проявления подлежат учету как при формулировании уточняющих вопросов, так и при оценке результатов опознания.

Целенаправленность восприятия и переход от наглядного к словесному мышлению в 11 лет позволяют лицам более правдоподобно формировать вымышленные образы и описывать их детали, что существенно затрудняет процесс изобличения в случае возникновения конфликтной следственной ситуации, при которой несовершеннолетний сообщает недостоверные сведения об искомом объекте.

Специфика личных переживаний в возрасте 14–15 лет затрудняет установление психологического контакта с несовершеннолетним и получение от него информации, имеющей отношение к расследуемому уголовному делу.

Уверенность в собственной неуязвимости способствует возникновению следственной ситуации со строгим соперничеством, когда лицо прилагает усилия к твердому отстаиванию своей позиции. Видимые проявления переходного возраста в виде тревожности, большого количества движений вызывают затруднения в диагностировании сообщения ложной информации. Физиологические особенности в виде снижения работоспособности необходимо учитывать при планировании следственного действия, максимально ускоряя все вводные мероприятия, при этом спешка при восприятии предъявленных объектов и их отождествлении недопустима.

При взаимодействии с лицами 16–17 лет, в силу особенностей их общения, характеризующегося избирательностью и доверительностью, больше внимания следует уделять налаживанию психологического контакта. При наличии таких позитивных изменений, как появление контроля за эмоциональными реакциями и совершенствование памяти, данному возрасту присущи особенности, которые могут оказать негативное воздействие на ход и результат предъявления для опознания. К ним, в частности, относится инфантилизм и склонность к преувеличению своих интеллектуальных способностей [15, с. 189, 194–195].

Таким образом, развитие ребенка – это индивидуальный и многогранный процесс, зависящий от целого спектра факторов различной природы. Поэтому использовать информацию об особенностях лиц в каждый из рассмотренных возрастных периодов можно в качестве ориентира с поправкой на индивидуальность, условия жизни и воспитания.

В числе элементов социально-демографической характеристики личности также стоит рассмотреть половую принадлежность несовершеннолетнего. Так, например, при более высокой устойчивости внимания у девочек в подростковом возрасте наблюдается пренебрежение точностью взамен оперативности реагирования [16, с. 12]. Указанная особенность влечет повышение вероятности возникновения неблагоприятной следственной ситуации, заключающейся в ложном опознании. С целью ее недопущения требуется более тщательное предварительное инструктирование несовершеннолетней.

Весомой социально-демографической характеристикой несовершеннолетнего является его семейное положение. Как верно заметила И.А. Макаренко, семейное положение – одна из основ личности ребенка и определения его места в обществе [17, с. 72]. Ранее проведенные научные исследования свидетельствуют о наличии особенностей развития детей, воспитываемых одним родителем. К ним относятся эмоциональная нестабильность, тревожность, пассивность, выраженная тяжесть невроза, слабая успеваемость, встречающаяся в три раза чаще, чем у детей из полных семей [18, с. 117].

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ

Одним из значимых элементов нравственно-психологической характеристики личности несовершеннолетнего опознающего является ее направленность. Это объясняется тем, что данная характеристика включает в себя мотивы, установки и поведенческие тенденции [19, с. 8, 10]. Указанные качества влияют на успешность процесса опознания. Так, эмоциональная нестабильность затрудняет установление психологического контакта и оценку поведенческих реакций, тревожность и пассивность снижают мотивацию к сотрудничеству, а низкая успеваемость, обусловленная слабой концентрацией внимания и недостаточным развитием мышления, мешает полному и точному сообщению сведений об искомом объекте.

В современной науке существует множество подходов к классификации типов направленности личности. В частности, И.А. Макаренко, применительно к несовершеннолетним преступникам, выделяет следующие типы: положительно-ситуативный (ранее не привлекались к ответственности, имеют положительную характеристику), ситуативный (ранее не привлекались к ответственности, характеризуются отрицательно), ситуативно-криминогенный (ранее совершали мелкие правонарушения), криминогенный (систематически нарушали нормы права и морали, ранее совершали запрещенные уголовным законом деяния) [17, с. 85].

На наш взгляд, предпочтительной для применения в рамках изучения личности не-

совершеннолетнего опознающего является следующая классификация:

1) индивидуалистическая направленность (при взаимодействии с людьми отдает предпочтение собственным интересам);

2) социальная направленность (выражает стремление к сотрудничеству, совместной деятельности, оптимальная адаптация);

3) маргинальная направленность (склонность подчиняться обстоятельствам, импульсивность, инфантилизм) [20, с. 309].

Наиболее продуктивным в ходе предъявления для опознания является взаимодействие с несовершеннолетними социальной направленности. Такие лица отличаются готовностью к конструктивному взаимодействию со следователем, проявляют достаточную когнитивную активность при воспроизведении признаков искомого объекта и демонстрируют высокую адаптивность к динамично меняющимся условиям процедуры опознания. Кроме того, их вовлеченность в социальные процессы способствует более глубокому восприятию и усвоению обстоятельств происшествия, лучшему запечатлению деталей, имеющих значение для последующего опознания.

Индивидуалистическая направленность личности предполагает относительную автономность от общества, стремление к признанию ее значимости [21, с. 95]. Проблематичность взаимодействия с указанной категорией лиц обусловлена объективными трудностями в установлении психологического контакта и низкой мотивированностью к сотрудничеству с органами предварительного расследования. В контексте участия несовершеннолетних в опознании данная особенность диктует для следователя необходимость систематически акцентировать внимание на их роли в изобличении виновных: в случае потерпевшего – как средства восстановления нарушенных прав, в случае свидетеля – как социально значимого вклада в установление истины по делу, заслуживающего признания со стороны общества и правоохранительных органов.

Существенные затруднения в ходе производства предъявления для опознания возникают при взаимодействии с несовершеннолетними, имеющими маргинальную направленность личности. Поведенческие особенности таких лиц характеризуются ин-

фантильностью, типичной для детей младшего возраста. Их активность зачастую подавляется нежеланием участвовать в процессе восприятия предъявляемых объектов и сообщать информацию, выраженным негативным отношением к требованиям соблюдения дисциплины. Ситуация осложняется убеждением в неприемлемости взаимодействия с представителями правоохранительных органов, обусловленным боязнью негативных последствий в случае раскрытия компрометирующих сведений, а также непризнанием авторитета публичной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Криминалистическое изучение личности несовершеннолетнего опознающего является важной составляющей производства предъявления для опознания, оно направлено на

установление свойств личности, оказывающих влияние на процесс восприятия, запечатления, сравнения и трансляции информации об особенностях опознаваемого объекта, а также на установление психологического контакта с несовершеннолетним. Данные о личности несовершеннолетнего опознающего представлены в виде трех групп свойств: биологические (физиологические особенности восприятия и функционирования памяти, темперамент, состояние психического здоровья), социально-демографические (возраст, пол, семейное положение) и нравственные (направленность личности). В рамках настоящего исследования рассмотрена только часть свойств личности, характерных для несовершеннолетних опознающих, наиболее явно показывающих значение данной деятельности для успешного производства предъявления для опознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варфоломеев Р.А. Практический аспект изучения личности несовершеннолетнего подозреваемого как элемент подготовительного этапа проверки показаний на месте / Р.А. Варфоломеев // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 5 (156). – С. 359–361.
2. Халиуллина А.Ф. К вопросу о достоверности заключения эксперта и специалиста при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних / А.Ф. Халиуллина // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 1 (25). – С. 216–221.
3. Малыхина Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Н.И. Малыхина. – Саратов, 2017. – 403 с.
4. Айзман Р.И. Возрастная анатомия, физиология и гигиена : учебное пособие / Р.И. Айзман, Н.Ф. Лысова, Я.Л. Завьялова. – Москва : КНОРУС, 2016. – 404 с.
5. Слюнко Т.В. Особенности восприятия детьми дошкольного возраста геометрических фигур и формы предметов / Т.В. Слюнко // Теория и методика обучения и воспитания в современном образовательном пространстве : сборник материалов II Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск : ЦРНС, 2017. – С. 90–94.
6. Романова-Африкантова Н.И. Сравнительный анализ вербальной оценки иллюзорных отрезков у детей и взрослых / Н.И. Романова-Африкантова, В.Ю. Карпинская, В.А. Ляховецкий // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 86–97.
7. Прищепа И.М. Возрастная анатомия и физиология : учеб. пособие / И.М. Прищепа. – Минск : Новое знание, 2006. – 416 с.
8. Психология развития и возрастная психология : учебник и практикум для вузов / под общ. ред. Л.А. Головей. – 2-е изд., испр. – Москва : Юрайт, 2025. – 415 с.

REFERENCES

1. Varfolomeev R.A. Practical Aspects of Studying the Identity of a Minor Suspect as an Element of the Preparatory Stage of Checking the Testimony at the Scene. *Eurasian Law Journal*, 2021, no. 5 (156), pp. 359–361. (In Russian).
2. Khaliullina A.F. On the Credibility of Expert and Specialist Findings in Crime Investigations Involving Minors. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 1, pp. 216–221. (In Russian).
3. Malykhina N.I. Criminalistic Doctrine of the Person Who Committed a Crime. *Doct. Diss. Saratov*, 2017. 403 p.
4. Aizman R.I., Lysova N.F., Zavyalova Ya.L. Age-Related Anatomy, Physiology and Hygiene. Moscow, KNORUS Publ., 2016. 404 p.
5. Slyunko T.V. Features of Preschool Children's Perception of Geometric Figures and Shapes of Objects. In Chernov S.S. (ed.). *Theory and Methods of Teaching and Upbringing in the Modern Educational Space. Proceedings of the 2 International Scientific and Practical Conference*. Novosibirsk, CRNS Publ., 2017, pp. 90–94. (In Russian).
6. Romanova-Afrikantova N.I., Karpinskaia V.Yu., Lyakhovetskii V.A. Comparative Analysis of Verbal Evaluation of Illusory Segments in Children and Adults. *Experimental Psychology (Russia)*, 2023, vol. 16, no. 3, pp. 86–97. (In Russian).
7. Prishchepa I.M. Age Anatomy and Physiology. Minsk, Novoye Znanie Publ., 2006. 416 p.
8. Golovey L.A. (ed.). *Developmental Psychology and Age Psychology*. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2025. 415 p.
9. Dontsov D.A., Dontsova M.V., Pyatakov E.O. Development of Mental Cognitive Processes at the Most Receptive Ages – from Preschool Age to Adolescence. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2017, no. 3 (52), pp. 94–106. (In Russian).

9. Донцов Д.А. Развитие психических познавательных процессов в наиболее восприимчивых возрастах – начиная с дошкольного возраста и заканчивая юностью / Д.А. Донцов, М.В. Донцова, Е.О. Пятаков // Вестник практической психологии образования. – 2017. – № 3 (52). – С. 94–106.
10. Батаршев А.В. Темперамент и характер: психологическая диагностика / А.В. Батаршев. – Москва : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. – 336 с.
11. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека. Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования / В.М. Русалов. – Москва : Институт психологии РАН, 2012. – 528 с.
12. Симон Ю.А. Особенности восприятия (зрительного гнозиса) и мышления у пациентов с шизотипическим расстройством / Ю.А. Симон, А.П. Бизюк, Е.Р. Исаева, И.И. Шошина, Ю.В. Мухитова // Клиническая и специальная психология. – 2018. – Т. 7, № 2. – С. 97–110.
13. Макаренко И.А. Возраст несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства как элемент социально-демографических свойств личности / И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2022. – № 1 (9). – С. 156–171.
14. Варфоломеев Р.А. Тактика проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего / Р.А. Варфоломеев. – Уфа : Право будущего, 2025. – 207 с.
15. Кручинин В.А. Психология развития и возрастная психология: учебн. пос. для вузов / В.А. Кручинин, Н.Ф. Комарова. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2016. – 219 с.
16. Вятлева О.А. Нейробиологические особенности мальчиков и девочек (научный обзор) / О.А. Вятлева // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. – 2016. – № 2. – С. 12–17.
17. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования / И.А. Макаренко. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 352 с.
18. Иванова Н.П. Неполная семья: особенности социализации детей / Н.П. Иванова // Социальная педагогика. – 2011. – № 6. – С. 115–121.
19. Колесов Д.В. Направленность личности / Д.В. Колесов // Развитие личности. – 2008. – № 4. – С. 8–21.
20. Гудзовская А.А. Характер ранних детских воспоминаний и маргинальность / А.А. Гудзовская // Человек в информационном обществе : сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвященной десятилетию науки и технологий в Российской Федерации (26–28 апреля 2023 г., Самара). – Самара : Изд-во Самарского университета, 2023. – С. 308–312.
21. Пролеева Л.М. Формирование гуманистической направленности личности подростка в условиях совместной общественно полезной деятельности : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Л.М. Пролеева. – Ижевск, 2005. – 225 с.
10. Batarshv A.V. Temperament and Character: Psychological Diagnostics. Moscow, VLADOS-PRESS Publ., 2001. 336 p.
11. Rusalov V.M. Temperament in the Structure of Human Individuality. Differential-Psychophysiological and Psychological Studies. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 528 p.
12. Simon Y.A., Bizyuk A.P., Isaeva E.R., Shoshina I.I., Mukhitova Y.V. Peculiarities of Perception (Visual Gnosis) and Thinking in Patients with Schizotypal Disorder. *Clinical Psychology and Special Education*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 97–110. (In Russian).
13. Makarenko I.A., Zainullin R.I. Age of a Minor Participant in Criminal Proceedings as an Element of Socio-Demographic Properties of a Personality. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*, 2022, no. 1 (9), pp. 156–171. (In Russian).
14. Varfolomeev R.A. Tactics for Verifying Testimony on the Spot with the Participation of a Minor. Ufa, Pravo Budushchego Publ., 2025. 207 p.
15. Kruchinin V.A., Komarova N.F. Developmental Psychology and Age Psychology. Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 2016. 219 p.
16. Vyatleva O. Neurobiological Features of Boys and Girls (Scientific Review). *Problems of School and University Medicine and Health*, 2016, no. 2, pp. 12–17. (In Russian).
17. Makarenko I.A. The Personality of a Minor Accused as an Object of Criminalistics. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006. 352 p.
18. Ivanova N.P. Features of Children Socialization within a Single-Parent Family. *Social Pedagogy*, 2011, no. 6, pp. 115–121. (In Russian).
19. Kolesov D.V. Personality Orientation. *Personality Development*, 2008, no. 4, pp. 8–21 (In Russian).
20. Gudzovskaya A.A. The Nature of Early Childhood Memories and Marginality. *A Man in the Information Society. Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Decade of Science and Technology in the Russian Federation (April 26–28, 2023, Samara)*. Samara, Samara University Press Publ., 2023. pp. 308–312 (In Russian).
21. Proleeva L.M. Formation of a Humanistic Orientation of a Teenager's Personality in the Context of Joint Socially Useful Activities. *Cand. Diss. Izhevsk*, 2005. 225 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полещук Максим Сергеевич – аспирант кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Poleshchuk Maxim Sergeevich – Postgraduate Student at the Department of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 21.11.2025. The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 21.11.2025.

© Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 4 (82) 2025.
Учредитель Уфимский университет науки и технологий.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 12.12.2025 г. Вышел в свет 19.12.2025 г.
Бумага писчая. Формат 60x84^{1/8}. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 18.48. Уч. изд. л. 16.74. Тираж 65. Заказ 384.
Свободная цена.

Отпечатано в управлении публикационной деятельности
Уфимского университета науки и технологий
450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12